

# **ЗНАМЕННАЯ ЖИЗНЬ**

**ВОСПОМИНАНИЯ О ЖИЗНИ  
ПРОТОИЕРЕЯ БОРИСА НИКОЛАЕВА**

**АВТОБИОГРАФИЯ**



Москва  
Богородице-Рождественский монастырь  
2008

УДК 2  
ББК 86.372-8  
З-72

По благословию  
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси  
Алексия II

З-72 Знаменная жизнь. — М. : АСТ-ПРЕСС ШКОЛА,  
2008 г. — 256 с.

ISBN 978-5-94776-639-4

Настоящая книга посвящена протоиерею Борису Николаеву (1914–2005), пастырю высокой духовной жизни, воспринявшему духовную традицию от достойных священников и монашествующих дореволюционной России. Отец Борис рукоположен в сан диакона в 1935 г., исповедал православную веру в тюремном заключении. Став священником в 1951 г., самоотверженно и бескорыстно исполнял своё служение. Имея академическое богословское образование, он приложил много трудов для сохранения живого опыта Церкви, возрождая монашескую жизнь, церковное богослужение и пение в соответствии с Уставом Церкви.

УДК 2  
ББК 86.372-8

ISBN 978-5-94776-639-4

© Богородице-Рождественский  
ставропигиальный женский  
монастырь, 2008  
© Оформление, «АСТ-ПРЕСС ШКОЛА», 2008

## ПРЕДИСЛОВИЕ

*Ты не представляешь, какого великого человека ты ко мне привез. Ты даже представить не можешь, какой это великий старец.*

Прот. Николай Гурьянов,  
о. Залит

Написанные выше слова могли бы стать достаточным предисловием к этой книге, но для человека, который не знал ни отца Бориса, ни отца Николая, этого будет все же мало. Сказаны они были отцом Николаем в один из приездов батюшки Бориса на остров Залита для исповеди. Окончив исповедь, отец Николай в приподнятом настроении вышел из алтаря и сказал: «Ты не представляешь, какого великого человека ты ко мне привез. Ты даже представить не можешь, какой это великий старец». Я попытался сказать что-то, но отец Николай почти оборвал меня достаточно твердой фразой: «Ты не можешь себе представить, какой это человек!»

В книге, которую вы имеете намерение прочитать, вы увидите двух «батюшек Борисов», одного — каким он был для нас, другого — каким он видел себя. И если осмыслить прочитанное, то между двумя этими взглядами можно увидеть настоящего отца Бориса, который совсем еще недавно был рядом с нами. При кажущейся простоте батюшка не был «простым» человеком, обладая богатым и очень сложным внутренним миром. Величие этого мира позволяло батюшке молиться за людей, и Господь слышал его просьбы. Заботу об этом мире явила Царица Небесная, своим посещением сохранив и исцелив батюшку в минуту смертельной опасности в лагерях.

Сегодня много написано книг о старцах, жизнь которых влияла на судьбы сотен и тысяч людей, приводя их к Царствию Божьему. Но к сожалению, иногда такие книги говорят о крайне неординарных людях с желанием показать батюшку «самым хорошим и святым». Несомненно,

что все старцы «самые хорошие и святые», они великие люди, которые живут рядом с нами. Из всех этих книг хорошо вынести понимание того, что святость рядом, только не книжная, а реальная — святость жизни человека в Боге. В книгах о старцах можно и нужно увидеть возможность оказаться рядом с великим человеком, которого в момент разговора с тобой слышит Господь, но в реалиях это величие сокрыто бытом, человеческими немощами, житейской суетой.

Дай Бог, чтобы эта книга помогла читателю увидеть за написанными словами величие исповедничества христианской жизни и возможность спасения своей бесценной души верой в Творца.

*Н. Г.*

# ВОСПОМИНАНИЯ О ЖИЗНИ ПРОТОИЕРЕЯ БОРИСА НИКОЛАЕВА

## ПОРТРЕТ ОТЦА БОРИСА

Отец Борис являл собою то удивительное поколение людей, которое мы называем «старым поколением», идеалы, нравственные ориентиры и жизненные принципы которого кажутся нам, людям нынешнего века, как бы взятыми со страниц истории: такими, вероятно, были лучшие из современников Святителя Филарета (Дроздова), государя Николая II и, наверное, если смотреть еще дальше, в глубь веков, в их облике отражалась Святая Русь. Но каждая личность в свою эпоху восприняла и воплотила святорусский идеал настолько, насколько ей было дано Творцом. Общим для людей этой формации были православное мировоззрение, истинный патриотизм и особая патриархальная культура воспитания. Батюшка был строгим ревнителем чистоты Православия: никаких нововведений в церковной жизни не принимал, о чем свидетельствуют его служение и все его труды. Заблуждения — от древних ересей до обновленчества и различных новых сектантских идей — он мог не только обличить, но и подробно разъяснить, в чем заключается неверность суждения. Вот одно из высказываний батюшки: «Все книги духовного содержания, напечатанные и вышедшие до Великой Отечественной войны, я безоговорочно принимаю. Те издания, что вышли после войны, — рассматриваю с рассуждением».

Батюшка был искренним сыном своего Отечества. Он им оставался даже в лагере: доносчиком он никогда не был, но и замечаний от лагерного начальства не имел, исполняя все порученное ему добросовестно. Слыша звуки Государственного гимна, он неизменно вставал. К высшей власти, как духовной, так и светской, всегда относился с должным каждому лицу почтением и послушанием. Например, когда

правлящий архиерей владыка Евсевий попросил отдать в Елеазаровский монастырь из храма икону, которую батюшка сам заказывал и перед которой в конце каждой службы совершался молебен, батюшка без всякого прекословия ее отдал. Он собственной жизнью являл всем нам пример послушания Божественной воле, священноначалию. «*Нѣзъ кѣакаѡ жѣ прекло́кѣа мѣнше ѿ ко́лшаго кѣго. локла́ѣга*»<sup>1</sup> — повторял он апостольские слова, искренне почитая себя меньшим.

Нельзя не сказать и об особенной порядочности, а также об обостренном чувстве долга батюшки. Я не видела в своей жизни человека более ответственного и обязательного, чем он. Отец Борис никогда не опаздывал, никогда не заставлял себя ждать, даже в последние годы жизни, когда с трудом передвигался. Если он назначал время, то приходил заранее или «минута в минуту». В самые трудные для Церкви годы он уплачивал все налоги «копейка в копейку», оставаясь практически без средств к существованию. Считал, что все документы должны быть правильно оформлены и что все нужно делать «по правилам». Необходимая отчетность всегда была у него в должном порядке, он был необыкновенно ответственным, кристально честным и обязательным человеком, никогда и нигде не изменявшим своей совести.

Он получил такое воспитание, которое не позволяло ему жить по-другому: батюшка всегда был «обязан», его безотказность поражала. Каждый знал, где он живет, и мог прийти к нему в любое время, ведь для него «не существовало» выходных. Если он брал у кого-нибудь нужную ему книгу, он не только возвращал ее в назначенный срок, но мог ее даже переписать для себя, если в этом была необходимость. Так, работая над книгой по знаменному распеву, он переписал все попевки и фиты знаменного осмогласия, собранные Металловым. Он делал бесчисленные выписки из святоотеческих творений, трудов исследователей знаменного распева и различных музыковедов.

Батюшка был совершенным бесребреником: в те моменты, когда на нем было священническое облачение, он в руки денег не брал. Отец Борис всегда оказывал высочай-

---

<sup>1</sup> Евр. VII, 7.

шую степень почтения церковной власти и считал неоспоримым подчинение Первосвятителю Церкви и епархиальному архиерею, о чём встретятся неоднократные упоминания на страницах этой книги. Он сохранил беспрекословное послушание Священноначалию до конца жизни: когда в нашей обители совершались архиерейские, а тем более – патриаршие богослужения, батюшка, несмотря на болезни и немощи, обязательно на них присутствовал, считая своим неременным долгом получить в алтаре патриаршее благословение и напутствие. Он был теплейшим молитвенником о Предстоятеле Церкви – Святейшем Патриархе Алексии, к которому относился с глубоким почтением и любовью.

О его почтительности, уважении к личности человека и внимательности каждый из нас мог бы многое рассказать. Батюшка не мог не поприветствовать человека при встрече, но это не было простой данью вежливости: он видел в каждом образ Божий, и к любому человеку, каким бы он ни был, обращался с особенным доверием и любовью. Он настолько внимательно выслушивал говорящего, что становилось даже неудобно перед его сединами. Когда ему говорили приветственное слово по случаю его юбилеев, батюшка весь обращался в слух. Он мог подбодрить или что-либо одобрить из сказанного, если видел, что человек начинает теряться. Например, в одном из слов было приведено изречение праведного Алексея Мечева: «Главная обязанность пастыря есть молитва». — «Вот это — правильно!» — сказал батюшка.

Если он слышал похвалу в свой адрес, то смущался, стеснялся и даже, видимо, был недоволен (хотя нужно сказать, что он боялся чем-либо обидеть человека). Поэтому, произнося слово, мы более старались обрадовать батюшку какой-либо глубокой мыслью из Священного Писания или творений Святых Отцов, к сему случаю подходящей, чем восхвалять его, а о его заслугах приходилось упоминать сдержанно и аккуратно — совсем умолчать об этом было невозможно. Батюшка трогательно благодарил за добрые слова в его адрес, и произносил в ответ отеческое доброе назидательное слово. Когда кто-либо начинал восхвалять батюшку, он категорически против этого возражал; «Что Вы? Как можно так говорить? Я — не святой, не старец, не

прозорливец, не чудотворец, а обыкновенный, нормальный православный священник. Я — не отец Иоанн Кронштадтский. Его чудеса сияли всему миру, такую благодать невозможно было и сокрыть. Но — что делает слава! Ведь сколько у о. Иоанна было таких последователей, которые неверно понимали его слова. В результате образовалась секта "иоаннитов"». Батюшка неоднократно повторял, что все святые «бегали» славы человеческой, творя добрые дела и совершая чудеса втайне.

Наставления батюшки никогда не походили на нравочения, но воспринимались как добрые пожелания всего наилучшего. Он сделался родным и близким для тех сестер, которые истинно желали спасения. Он никого не призывал к себе, но, находясь рядом с батюшкой, человек ощущал в своей душе такой глубокий неизреченный мир и духовную тишину, получал столь ощутимую духовную пользу как от его смиренного молчания, так и от исполненного любви кроткого слова, что как-то невольно располагался к нему душой, стремился приблизиться к батюшке и услышать от него что-либо себе в утешение или назидание. И никто не отходил от него «тощ и неутешен». Он был прост, крайне скромнен, но близ него и с ним так ясно ощущалось незримое присутствие Божие. Невозможно было в присутствии батюшки позволить себе что-нибудь неподобающее. Он никогда не желал «казаться святым», и не сделал из автобиографии «житие подвижника благочестия». Он говорил: «Часто люди пишут: «родился в благочестивой семье, произошел от доброго корене». В моей жизни все было совсем не так. Но ведь путь к Небесам ни для кого не затворен. У человека всегда есть реальная возможность обращения к Богу, ведения духовной жизни и даже достижения святости. Все зависит от желания и решимости. Креста ни на ком ставить нельзя».

Таким был, в общих чертах, облик нашего духовного отца. Батюшка был одним из тех людей, к которым применимо Евангельское слово: «лицѣ ѿгò кѣ градѹщѣе ко ієрлїмѣ»<sup>1</sup>, в Горнее Царствие.

---

<sup>1</sup> Лк. IX, 53.

## ЖИЗНЬ ОТЦА БОРИСА С ЕГО СЛОВ

Отец Борис родился 21 декабря по старому стилю (3 января н. ст.) 1914 года во Пскове в клинике доктора Вольфсона на Великолукской улице. Батюшка неоднократно говорил нам о важности наречения человеческого имени: вместе с дарованием имени Всемогущий Бог неизреченным образом сподобляет человека и другого дара, который мы называем личностью. Как это происходит — нам неизвестно, при этом нужно заметить, что люди, нареченные одним и тем же именем, неодинаковы: «У Бога — всего много», повторил батюшка народную мудрость.

Глядя на своего болезненного ребёнка, бабушка с матерью все время его «хоронили». «И вот я прожил уже девяносто лет», — с улыбкой добавлял батюшка, рассказывая о себе. Бабушка часто водила внука в ближайшую церковь Святителя Николая на Паромье, являющуюся для его семьи приходской. Когда мальчик подрос, он стал одним из пономарей этого храма, благовестил к службам, читал шестопсалмие, пел на клиросе. Бабушка, став благодетельницей Иоанно-Предтеченского женского монастыря, познакомилась с игуменией Саррой — матушкой высокой духовной жизни. Благодаря этому знакомству, а также посещениям обители началось приобщение батюшки к духовной жизни. Отец Борис рассказывал: «В этой обители я, будучи еще маленьким ребенком, ощущал царствующий дух любви. Любовь проявлялась во всем: в убранстве храмов, в чистоте, с любовью поддерживаемой сестрами повсюду, и, главное, — в добром, внимательном отношении сестер к людям, к прихожанам монастырского храма, друг ко другу. От насельниц обители веяло миром, благостью, доброжелательностью.

На мой день Ангела, а также и в другие дни, бабушка приводила меня Причащаться Святых Тайн в монастырский храм. Матушки были всегда ласковы, гладили по головке, давали просфорочки, разговаривали со мной, желали мне всего самого доброго. У нас во Пскове существовал еще Вознесенский монастырь: там сестры жили победнее Иоанновских, но дух и в том и в другом монастыре был один — Христов. Сестер обеих монастырей духовно окорм-

лял великий старец схиархимандрит Гавриил (Зырянов). Многому научили меня Иоанновские сестры, многое они мне передали... Бурные волны житейского моря долго кружили меня по жизни, и, под конец ее, по воле Божией, я оказался там же, откуда и начал свой путь — в женском монастыре. И я увидел и почувствовал, что меня окружают те же духовно близкие мне сестры, пусть — с другими именами, другими судьбами, пусть они только еще начинают свой путь, но они имеют то же стремление к Богу, идут той же дорогой к Царствию Божию. Господь вернул меня на духовную родину, чтобы я смог передать сестрам возрождающейся обители то, что сам получил от праведниц, которых имел счастье знать».

Батюшка рассказывал, как перед кончиной его бабушка была напутствована Святыми Тайнами. Чувствуя приближение смерти она благословила дочь иконой святителя Николая, говоря ей при этом: «Береги сына. Господь пошлет тебе через него утешение» (слова «через него» батюшка в своей автобиографии пропустил). Когда батюшка — уже девяностолетний старец — рассказывал духовным детям о предсмертном благословении сыновей библейским патриархом Иаковом, то вспоминал и это обстоятельство своей жизни, говоря о силе и важности родительского благословения вообще и предсмертного — в частности. Нередко человеку, стоящему на пороге вечности, Господь открывает пути Своего Промысла и Свою Святую Волю.

Наступала тяжелая година гонений на веру, мать запрещала сыну ходить в храм, опасаясь, что его «увлечение» погубит и его, и ее. Однако «увлечение» не проходило, а лишь усиливалось: духовный огонек все более разгорался в душе юного искателя вечной истины. В самом начале духовного пути батюшке посчастливилось встретить мать Людмилу, монахиню Иоанновского монастыря, после закрытия родной обители трудившуюся в храме Святителя Николая на Паромье. Встреча с монахиней Людмилой была промыслительной: духовно одаренная, истинная подвижница, прекрасный регент, умевшая выразить и передать содержание песнопений, раскрыть их духовный смысл, она стала духовной матерью батюшки. И он с любовью вспоминал о своей наставнице: «Я никогда не видел ее

смеющейся, и крайне редко — улыбающейся (только уголками губ). Она имела в душе Божественную любовь и стяжала дух мирен, и все окружающие это чувствовали. Регентом она была превосходным: ее отличало глубокое понимание богослужений, поемого и читаемого, духовная чуткость, умение передать другим то, что она понимала и чувствовала, а также кротость и терпение. Ее ничем невозможно было рассердить.

Когда она оказалась у нас на приходе, ей достался «левый клирос». У матери Людмилы был прекрасный музыкальный слух. Как тяжело для человека, обладающего таким слухом, слышать малейшую фальшь! А к матери Людмиле «ставили» часто певчих, которым, что называется, «медведь на ухо наступил», не умеющих управлять своим голосом и подчиняться регенту, хотя в ее хоре были и певчие с хорошими данными. Мать Людмила никогда не раздражалась, с большим терпением обучала тех, у кого не получалось петь в хоре, не повышала на них голоса. Была, например, у нас мать Иоанна, она не могла научиться петь, хотя чтицей она была хорошей. И вот, бывало, начнет она петь фальшиво, а мать Людмила тихонечко, по-доброму ей и скажет: «Бредишь, Иоаннушка, бредишь». Даже если после службы мать Людмила, как регент, была вынуждена нас и поругать, то потом она могла сказать какую-нибудь добродушную шутку, всех посмешить. Мы со смеху катаемся, а она и не улыбнется, только скажет: «Вы что смеетесь? Маленькие, что ли?» А нам от ее слов становится еще смешнее.

Когда я навещал их с мать Арсенией (родной сестрой матери Людмилы), мать Людмила иногда просила меня: «Боренька, давай споем Арсениевское славословие»<sup>1</sup>. А я отвечал: «Да с Вами, матушка, я и Людмиловское пропою!» Мать Людмила была человеком высокой духовной жизни: в своем послушании, в отношении к людям она являла истинную, христианскую любовь, на которую можно было ответить только любовью и беспрекословным послушанием».

---

<sup>1</sup> Славословие Великое архиепископа Арсения. В некоторых сборниках написано, что автор мелодии — Кольцов. Возможно, что и так: но к нам во Псков эти ноты привез архиепископ Арсений (Прим. прот. Бориса).

Мать Людмила имела еще одно очевидное достоинство: она не властвовала над наследием Божиим, не заставляла насильно приходить в храм или на клирос, но привлекала человека лишь любовью, ненавязчиво, как бы исподволь прививая ему правильные понятия и всегда оставляя за ним свободу выбора и решения. Это свойство унаследовал от нее и батюшка.

Отец Борис любил рассказывать о тех, кто напутствовал его ко спасению. Одним из таких людей был протоиерей Владимир, слепой, бывший полковой священник царской армии. «Это был праведник, — говорил о нем батюшка. — В молодости о. Владимир имел и свои немощи, но к старости он не только принес покаяние, но и достиг больших высот в духовной жизни. В своей жизни он шел "путем святителя Иоанна Златоуста", то есть следовал учению этого великого угодника Божия». По словам батюшки, основные «положения» учения Златоуста состоят в: 1) необходимости действенного, плодотворного покаяния, то есть исправления «на деле» — трезвения в жизни внутренней, и действий, противоположных греху совне, то есть всестороннем противостоянии злу; 2) недопустимости уныния, каково бы ни было падение, как бы тяжек ни был грех; 3) стремлении к Царствию Божию, как к цели жизни; 4) благодарении Бога за все; 5) желании творить Волю Божию и 6) исполнении Божественных повелений, невзирая ни на что, без боязни и малодушия, жертвенном служении Богу. «Дайте мне лучше десять человек, творящих Волю Божию, нежели тысячу беззаконников», — часто повторял батюшка слова Святителя Иоанна Златоуста. Отец Владимир раскрыл для нашего батюшки, тогда еще молодого человека, учение великого вселенского Святителя.

Пути Господни, воистину, неисповедимы. Матушка Мария, ставшая супругой, верной спутницей жизни о. Бориса, с ранней юности отличалась высоко духовной настроенностью и желала оставить мир и посвятить себя Богу. «Ей нужно было бы родиться или раньше, или позже того времени, когда, по попущению Божию, святые обители были преданы разорению и запустели», — говорил батюшка. Конечно же, слова батюшки были лишь образным выражением и являли стремление его матушки к монашеской жизни:

по Промыслу Божию, она родилась именно тогда, когда это было нужно, и до конца исполнила свой долг и предназначение. До встречи с батюшкой матушка Мария уже приобрела большую духовную опытность. Ее наставником и духовным отцом был схиархимандрит Гавриил (Зырянов), а после его смерти она обращалась за советом к архимандриту Симеону (Холмогорову) — духовному сыну почившего. Она неоднократно пыталась вступить в какой-либо из существовавших монастырей, но успевала пожить в стенах обители лишь непродолжительное время: в грозные годы гонений на Церковь власти закрывали монастыри один за другим, разгоняя насельниц обителей. Так матушка Мария и не стала инокиней, но монастырская жизнь и встречи с подвижницами благочестия оказали большое влияние на духовное развитие её неординарной личности. Имея многие дарования от Господа, будучи чуткой и восприимчивой, матушка глубоко прониклась духом подвижничества, причем ее внимание было обращено, главным образом, на внутреннее, сокровенное делание, «внешние» подвиги являлись для нее лишь средством, вернее, одним из средств, при помощи которых можно снискать благоволение Божие и стяжать благодать Святого Духа.

Встретив матушку и вступив с ней в беседу, батюшка, с первых же ее слов, был поражен ее духовным сходством с Иоанновскими сестрами и с самим собой. Весь облик матушки, ее скромность, смирение, внутренняя собранность, и в то же время, непоколебимая твердость в вере и благочестии, готовность следовать за Господом и страдать за Его Святое Имя, бодрость духа, ее радость о Господе и любовь ко всякому созданию Божию — все в ней свидетельствовало о ее стремлении к Царствию Небесному. Это стремление роднило их с батюшкой все более и более, пока, наконец, он не сделал ей предложение «идти вместе к Царствию Божию». Поскольку и батюшка, и матушка Мария проводили жизнь духовную и оба желали достичь Небесного Града, где царствует правда и любовь, то, соответственно, и предложение батюшки носило духовный характер и выражало желание совместной жизни в Боге. Матушка была старше на 28 лет. Господь послал о. Борису в лице его матушки утешительницу в его скорбном пути, верного друга и духовную

наставницу. Батюшка говорил, что далеко не все у них «шло гладко», искушений было множество, но они с матушкой противостояли им так: у них не было друг от друга тайн, ни одна из сторон не имела тайных друзей, переписки с кем-либо, они старались, по возможности, быть вместе. «Мы с Марией ни разу в жизни не смогли надолго поссориться. Так, повздорим о чем-нибудь, пройдет десять минут, и я ее спрашиваю: «Мария, ты на меня не обижаешься?» — «А что на дураков-то обижаться», — добродушно скажет она. «Ну, прости меня». — «Господь простит, и ты меня прости». На этом ссора кончалась, и мы продолжали общаться так, как будто ничего не произошло».

Одним из своих недостатков батюшка считал робость и то, что он называл «забитостью», то есть склонностью к унынию. С детства ему внушили, что он, как инвалид, ничего не может, и всё за что бы он ни взялся, будет сделано плохо. Батюшка часто говорил унывающим: «Враг внушает человеку, что он ни на что не способен, чтобы ввести его в уныние и не дать сотворить волю Божию». Матушка Мария, имея упование на Господа и будучи от природы жизнерадостной, помогала батюшке преодолеть и победить этот недостаток, возгревая в его душе надежду не на свои силы, но на помощь Божию, побуждала его идти и безбоязненно делать то, к чему призвал его Господь, утверждая его в вере примером собственной добродетельной жизни. «Однажды пришел я домой после службы в воскресенье, — рассказывал батюшка, — а моя Мария не могла быть в этот день в церкви. Она меня спросила: «На какую тему ты сегодня говорил проповедь?» — «О любви к врагам», — ответил я. — «Ты проповедь-то сказал, а сам-то ты врагов любишь? Вот полюби М.! (Матушка имела в виду человека, чинившего различные препятствия в деле издания труда батюшки по знаменному распеву)». «Любить я его, конечно, не собираюсь, но и зла ему делать никакого не буду. Бог с ним». Можно засвидетельствовать о том, что батюшка умел любить врагов и преуспевал в этой добродетели.

Когда матушка Мария умирала, она сказала батюшке о том, что до сего момента он был для своего прихода отцом, а она — матерью, а теперь ему придется стать для всех — всем, но он должен быть для паствы более любящей мате-

рю, нежели отцом. Каждый из духовных детей батюшки может подтвердить многочисленными примерами из своей жизни, как исполнял духовный отец завет своей матушки, какова была его забота о душе человека, как бережно он с ней обращался, с какой любовью ограждал от бед свою паству, принимая скорби на себя, как он умел утешить и согреть сердце каждого.

Настало время рассказать и о пребывании батюшки в заключении, о его исповедничестве. В 1937 году батюшка служил в сане диакона во Владимирской епархии: он был арестован без вины, как и миллионы других людей в то время, по делу, к которому не имел никакого отношения. Сугубая «вина» заключалась в том, что служитель Церкви не захотел снимать рясу и отрекаться от веры во Христа. Батюшка принял диаконский сан в грозные тридцатые годы. Пожилые люди говорили ему: «Что ты делаешь? Разве ты не знаешь, что тебя ждет?» Батюшка, конечно же, знал, но он имел великое желание служить Богу. В личных беседах батюшка иногда признавался в том, что он переживал в тот период особенное духовное состояние и был готов идти на мученичество и смерть за Христа.

После рукоположения о. Бориса прошло немного времени. Последовал арест, тюремное заключение и далее — шестилетнее пребывание в исправительно-трудовом лагере, в инвалидной колонии, находившейся под Ковровом, близ реки Волги, в Юрьевце. «Я хорошо понимал, на что я иду, — говорил батюшка. — Но я, по молодости и горячности своей, представлял себе заключение несколько иначе. Я думал, что мы, как древние христиане первых веков, сможем в неволе совершать Божественную Литургию на камне, вместе возносить молитвы... Реальность оказалась намного страшнее и тяжелее, но Господь помог мне не только справиться с духом уныния, но и обрести радость в скорбях». Об этом периоде жизни батюшки нам известно весьма немного: по своему глубокому смирению он рассказывал лишь то, что служило к нашему назиданию, или то, что могло иметь непосредственное отношение к тому человеку, с которым батюшка беседовал. Его рассказы не были жалобой озлобленного человека, напротив, в них слышались и чувствовались благодарность Богу, вера в Его Святой Промы-

сел, смиренная, безропотная покорность воле Божией, сочувствие и уважение к ближним.

Условия лагерного заключения были тяжелыми: изнурительный труд, голод, болезни, отсутствие необходимых лекарств и средств для оказания помощи больным — все это — общеизвестные факты, и о. Борис не акцентировал на этом наше внимание. Он всегда старался каждого оправдать и понять.

Когда батюшку везли в поезде на место заключения, он разговорился с одним уголовником, который отбыл уже несколько сроков, поскольку «с малых лет», как сам выразился, он встал на путь преступления, и тюрьма для него не была новостью. Во время разговора у батюшки выпала из кармана фотография матушки Марии. Собеседник поднял ее и спросил: «Кто это?» — «Моя жена», — ответил батюшка. Вглядываясь в лицо на фотографии, старый уголовник сказал: «Ну, ты, Боря, мужик — молодец!» Он долго-долго смотрел на фотокарточку, будто «читая» её, и, наконец, произнес: «Если бы я встретил эту женщину хотя бы десять лет назад, я бы здесь не был». Облик матушки о многом «сказал» этому человеку, пробудив в сердце закоренелого преступника то, что было в нем доброго и благородного. Когда батюшка находился в лагере, матушка Мария, как могла, заботилась о нем, носила ему передачи. В летнее время от Мстеры до Юрьевца идти нужно было около десяти дней, зимой же — и более двух недель. И матушка шла, невзирая ни на погоду, ни на трудности пути, нагруженная тяжелой ношей. «Она была подвижницей», — говорил батюшка.

Будучи в заключении, батюшка сподобился явления ему Божией Матери. Однажды батюшка сильно заболел. Его томили сильный жар и слабость, и он был близок к смерти. Его спустили под нары как «безнадёжного». Батюшка лежал на сыром холодном полу и молился. Тогда он увидел подошедшую Женщину в белом. Ее голова была покрыта не то белым апостольником, не то косынкой сестры милосердия. Она склонилась над больным, положила руку ему на голову и с любовью и кротостью спросила: «Узнаешь ли ты Меня?» Батюшка почувствовал, что его посетила Сама Царица Небесная, но, почитая себя недостойным подобного посещения, спросил: «Вы — врач (и назвал имя и от-

чество лагерного врача)?» — «Нет», — отвечала Она. У батюшки возникла мысль, что, наверное, он умирает, и к нему пришла одна из сестер Иоанновского монастыря. Он спросил и об этом Пришедшую к нему. «Нет», — снова отвечала Она. Тогда Матерь Божия сказала батюшке, что он выздоровеет, и заповедала чтить Богородичные праздники. Батюшка, чувствуя любовь и сострадание Явившейся ему, будучи благодарным и признательным Ей, и, в то же время, боясь поверить себе, что он воистину видит Честнейшую Херувим и Славнейшую без сравнения Серафим, в чувстве глубокой благодарности спросил: «Скажите мне Ваше имя, чтобы я мог всю свою жизнь молиться о Вас!» Царица Небесная ответила, что люди называют Ее Марией, а настоящее, небесное Имя Она сказать ему не может, ибо он сгорит, как только его услышит. На этом видение окончилось. После небесного посещения здоровье батюшки пошло на поправку, и он скоро выздоровел.

Можно упомянуть еще о некоторых фактах и случаях из жизни отца Бориса. «Со всеми можно ужиться, — говорил батюшка, — я шесть лет спал на соседних нарах с уголовником, жил среди людей, совершивших не одно и не два преступления, — и, ничего, слава Богу! А они и ругались, и чего только ни творили. Я же делал свое дело (батюшка имел в виду, что он продолжал веровать, молиться, творить добро и т.д.). Уголовники — такие же люди, и у них есть совесть, и они чувствуют добро, уважение, хорошее отношение».

Один раз, в ночь Святой Пасхи, около двенадцати часов, о. Борис потихоньку вышел из барака, чтобы пропеть пасхальный канон. Когда батюшка уже допевал канон, к нему быстрым шагом приблизился кто-то из лагерного начальства. По жестким лагерным законам нарушившего подобным образом режим расстреливали, расценивая такие действия как «попытку к бегству».

— Стой! Кто здесь?! Николаев? Ты?

— Я, товарищ начальник, — ответил батюшка.

— Что ты здесь делаешь? — строго спросил подошедший.

— Молюсь, товарищ начальник. Христос Воскресе! — откровенно сказал батюшка, понимая, что терять ему уже нечего, готовясь к смерти.

— Воистину Воскресе! — неожиданно ответил ему начальник. — Только никому ничего не говори. Быстро возвращайся в барак!

Господь умягчил сердце начальника, испытывавшего уважение к вере батюшки, готового умереть за исповедание Имени Христова, и жизнь батюшки по Промыслу Божию была сохранена. Батюшка часто повторял слова христианского философа Тертуллиана о том, что душа человеческая по природе — христианка. И при этом подчеркивал, что душа «не просто верующая в Бога и признающая Бытие Божие, а именно — христианка»: вера во Христа как Истинного Бога, в Его Воплощение и Воскресение, любовь и приверженность христианским идеалам ей глубоко присущи и для нее естественны. Вышеописанный случай является прямым доказательством этой истины.

Батюшка, как и подобает христианину, добросовестно повиновался властям, оставаясь твердым и непреклонным лишь в вопросах веры, которую свято хранил. Видя во всем происходящем Волю Божию и проявляя послушание Господу через ближних, он не отказывал в помощи и союзникам. В один год в лагере разразилась эпидемия пеллагры, и ежедневно в каждом бараке умирало по несколько заключенных. В день празднования памяти преподобного Серафима Саровского умерших было особенно много. Вечером заключенные пришли с тяжелых работ и разошлись по нарам. Дневальный стал подходить к каждому с просьбой, чтобы помогли ему вынести покойников из барака. Никто не соглашался. Увещания в том духе, что «с каждым завтра может случиться то же самое», не действовали. Наконец, дневальный подошел и к батюшке: «Николаев, может быть, ты пойдешь?» Батюшка, уставший и изнемогший, не отказался. Они с дневальным вынесли из барака двадцать покойников. Пока их выносили, батюшка молился о упокоении душ усопших. За оказанное послушание Господь укрепил силы батюшки и ниспослал ему мир и духовную радость. Работать он старался по совести, насколько хватало сил.

Однажды, при раздаче заключенным мизерной платы за труд, батюшке нечаянно выдали большую сумму, чем положено. Обнаружив ошибку кассира, батюшка вторично подо-

шел к окошечку, где происходила выдача денег. Охранники сочли, что Николаев хочет получить что-то ещё, и обрушились на него с упреками и ругательствами. Батюшка, подойдя вновь к окошечку кассы, сообщил о переплате и вернул «лишние» деньги крайне изумленному кассиру. Случай был из ряда вон выходящий, ведь в условиях заключения многие не считали за грех и украсть, но — вернуть деньги?! О произошедшем стало известно лагерному начальству, и сам начальник лагеря вынес заключённому Николаеву благодарность. Однако не похвала была нужна заключенному Николаеву, но — мир совести, который невозможно приобрести ни за какие земные блага.

Приводя примеры из своей лагерной жизни, батюшка учил нас, какими нужно быть и как должно поступать, но также и объяснял, как поступать не нужно. Он говорил, что, к сожалению, не все, кто именовал себя христианами, явили себя таковыми в условиях лагеря. Например, батюшка рассказывал про одного священника отца П., который выменивал у заключенных продукты за табак, всеми «правдами и неправдами» входил в доверие к начальству, стремился к начальственным должностям (ни для кого не секрет, как этого можно было добиться, находясь в заключении), а когда достиг желаемого, то, в угоду начальству, заставлял своих подчиненных работать «на износ», так что они болели и умирали. Выйдя из заключения, он добился места на хорошем приходе, стал настоятелем и снискивал себе славу «пострадавшего за веру», но дела свидетельствовали о жизни этого человека лучше любых красивых слов.

«Самое страшное явление нашей жизни — это нелюбовь, немилосердие. Сатана любит людей злых, жестоких. Ведь там, где нет любви, — нет христианства, нет Божественной благодати, и зло может расти и шириться, как и сколько угодно. Православие основано на любви. На Страшном Суде Господь не спросит, сколько мы поклонов положили, но будет судить нас за наше отношение к ближним: накормили ли мы, напоили ли, одели ли, помогли ли, утешили ли и т.д.<sup>1</sup> И помните: «Милосердие без сострадания — это пустой звук». Это сказал не богослов, но обычный чело-

---

<sup>1</sup> Мф. XXV, 35–36.

век, артист Алексей Баталов. Но это сказано верно, потому что любое живое существо чувствует сострадание, любовь, а также и неприязнь, и равнодушие. Христианин не может равнодушно и спокойно смотреть на то, как люди страдают, как мучаются создания Божии, живые существа. Он будет делать все возможное, чтобы помочь страждущим, облегчить их страдания. Любовь к ближнему — это желание ближнему всякого блага, то есть добра, и стремление всяким способом содействовать его благополучию, осуществлять это добро. А если человек ради собственной выгоды и наживы не брезгует ничем, если он не только обижает ближнего, но и не щадит его, сокращая своим немилостивым обращением его жизнь, — это не христианские поступки. Дорогие мои, бойтесь так поступать. Важно не то, что скажут о вас люди, ибо, по слову Христову, «Гóре, ѣгда дóкряк рѣкѹт кáмъ вѣн челоуѣцѹ»<sup>1</sup>, но то, как вы поступаете перед Богом, какое у вас душевное состояние, куда вы идете — к Царствию ли Божию или в обратном направлении. Добро нужно делать не из человекоугодия, не ради славы, но ради Бога и самого добра. А человеческой славы и почета бегали все Святые угодники Божии, все праведники. «Прѣкыкáлй къ любкѣи, къ кѣтѣ прѣкыкáетѹ н̄ бгѹ къ нѣмъ прѣкыкáетѹ»<sup>2</sup>. Преподобный Исаак Сирин говорил, что «сердце милующее распаляется любовью ко всякому созданию Божию: от Бога до человека, от человека — до скотов, и от скотов — даже до злых духов — и последних человеку с таким сердцем становится жалко, как отпавших от жизни Божией»<sup>3</sup>. (Хотя в последнем случае нужно быть осторожным). Чувства ненависти в сердце христианина быть не должно».

В лагере под Ковровом произошло знакомство батюшки с подвижниками благочестия отцом Александром и матерью Ефросиньей, где они пребывали в заключении за исповедание Имени Христова. «За колючей проволокой» человека не называют по имени, а тем более в те грозные годы, оказавшись в системе ГУЛАГа, о таком понятии, как

---

<sup>1</sup> Лк. VI, 26.

<sup>2</sup> I Ин. IV, 16.

<sup>3</sup> Исаак Сирин, Прп., Слово 48. О различии добродетелей и совершенств всего поприща//Творение. Сергиев Посад, 1911. С. 205–206.

личность, заключенный должен был забыть, по мнению творцов системы, раз и навсегда: ему присваивали номер или называли по фамилии. Но фамилий этих двух людей никто в лагере не знал: все, от начальника лагеря до последнего уголовника, называли их «отец Александр и мать Ефросинья». Причиной всеобщего уважения и даже, можно сказать, любви являлось то, что их любовь и кротость покоряли сердца и гасили злобу. Они были истинными христианами. В лагере отбывало срок множество христиан, духовенство, но такое уважение, которое можно назвать всеобщим, снискали лишь два человека. Отец Александр обладал той простотой и веселостью, которые происходят от незлобия, доброты. Он не потерял эти свойства и в лагере, и к каждому человеку относился по-доброму, что весьма трудно дается в экстремальных, тяжелых условиях лагерной жизни. Он мог пошутить, знал много песен, с ним каждому было легко. Но мало кто догадывался, что это душевное облегчение было плодом молитв праведника.

Мать Ефросинья, казалось, жила по правилу, данному преподобным Амвросием Оптинским: «Никого не осуждай, никому не досаждай, и всем — мое почтение». Складывалось впечатление, что все люди для нее — Ангелы, и она не видит в них ничего худого. Но это свойство нельзя было назвать наивностью: взгляд праведницы **ОТРАЖАЛ ЕЕ ДУШЕВНУЮ ЧИСТОТУ**. Если же она и замечала дурные поступки человека или его недостатки, то старалась всячески этого человека оправдать: «Он — хороший. Это его лукавый попутал» и т.д. Когда по заводским цехам (на территории лагеря находился завод) шел начальник лагеря, он всегда здоровался с матерью Ефросиньей:

— Здравствуй, мать Ефросинья.

— Здравствуйте, товарищ начальник, — отвечала матушка. — Как Ваше здоровье? (Этот вопрос звучал искренно, она говорила с каждым человеком «от всей души», без лести и человекоугодия).

— Ничего, помаленечку, мать Ефросинья. А ты как себя чувствуешь? Не болеешь?

— Да нет, все слава Богу, товарищ начальник, потихоньку, с Божьей помощью, трудимся, жаловаться не приходится.

Безропотное несение жизненного креста, мирность, доброе отношение, приветливость имеют большую цену везде и многоценны в очах Божиих.

Батюшка до конца жизни воссылал благодарность Господу и его Пречистой Матери за свое освобождение: в тот день недели, когда он вышел на свободу — каждую субботу или с пятницы на субботу, — он читал акафист Благовещению Пресвятой Богородицы «*Ѡзбрѣнной кождѣмъ побѣдѣицею...*», от всей души благодаря общую всех Заступницу... В этот день освобождалась большая партия заключенных. После того, как им выдали документы и деньги на проезд, освобождающихся построили и стали выводить через узкую калитку. «А десять лет назад мы входили в лагерь через широкие ворота», — вспоминал батюшка. У батюшки, от дней юности навывшего богомыслию, эта калитка вызвала размышления об узком и тесном пути в Царство Небесное, явившись напоминоманием евангельских слов<sup>1</sup>. Порожек у калитки был довольно высоким, а ноги у заключенных за время пребывания в лагере распухли так, что первые же выходящие не смогли справиться с «препятствием» и упали от слабости, споткнувшись о порожек, а за ними полегла и вся шеренга. «Ну, ничего, — продолжал рассказ батюшка, — потихонечку мы вышли. Сил идти не было». Отойдя на некоторое расстояние от лагеря, батюшка встал, обернулся и снял шапку.

У лагерных ворот стояла новая партия заключенных. Батюшка сострадая им, стал о них молиться. Смотри на входящих, осеняя их Крестным знамением, он пел: «*Не ктомоу держака смертнаа возможегъ держати человекки: хр҃тоу ко ениде, сокр҃ушаа ѿ разорѣаа еилю еѣ; еказѣмь кыкѣгъ аа; пророцы согласно радѣютѣа: предѣта, глаголюще, епѣа ещ҃нымъ къ кр҃к: ѿзидите, кр҃ни къ воскресѣнїе*»<sup>2</sup>.

В этом разделе мной были переданы наиболее яркие эпизоды из жизни батюшки, записанные с его слов, но не вошедшие в его автобиографию. Надеюсь, что эти дополнения откроют и проявят еще несколько «сторон и граней» личности отца Бориса, что может быть не бесполезно для читателя.

<sup>1</sup> Мф. VII, 13–14.

<sup>2</sup> Кондак воскресный, 7 гласа.

## ОТЕЦ БОРИС, КАКИМ МЫ ЕГО ЗНАЛИ

В нашем знакомстве и сближении с отцом Борисом мне ясно видится действие Промысла Божия. Всемиловитый Господь, соединяющий судьбы родственных по духу людей на пути в Его Царствие, привел меня, недостойную, к старцу — игумену Исайе (Будюкину), под строгим и любящим взглядом которого прошли мои детство и юность. О. Исайя завещал мне, чтобы после его кончины я обращалась за советом к его духовному другу и сотаиннику протоиерею Вениамину Румянцеву. Отец Исайя и отец Вениамин воистину были «одного духа». Именно от отца Вениамина я узнала о протоиерее Борисе Николаеве, которого тот назвал своим другом, имея в виду дружбу духовную.

За год до кончины о. Вениамина я приехала к нему из Пюхтиц: это была наша последняя встреча. Батюшка сказал, что мы с ним более не увидимся в земной жизни, и, подобно тому, как некогда сказал ему самому наш общий духовник игумен Исайя, он указал рукой на небо и произнес: «Там увидимся». Я выразила сомнение, увижу ли я батюшку в Небесных обителях, поскольку, по грехам моим, вряд ли сподоблюсь быть там, и спросила, к кому мне обращаться за советом. О. Вениамин ответил: «Затрудняюсь кого-либо тебе назвать... Вот только есть у меня друг — отец Борис — под Псковом». Ни фамилии, ни точного местонахождения о. Бориса я тогда не спросила. Я жила в Пюхтицком монастыре, и ни во Пскове, ни в его окрестностях никогда не бывала: мне казалось нереальным найти в неизвестном месте незнакомого священника. Но слова о. Вениамина остались у меня в памяти. Трудно было тогда себе представить, что через некоторое время пути Промысла Божия приведут двоих человек — одного — из далеких Пюхтиц, а другого из маленькой деревушки на Псковщине — под кров одной возрождающейся обители для того, чтобы в ней затеплился духовный огонек, сохраненный старцами и поддерживаемый молитвами тех в душах их близких о Господе. Прошли годы. Святейший Патриарх благословил меня, недостойную, восстанавливать обитель в Москве, и по его молитвам стали приходить люди, желающие посодествовать возрождению святыни. Среди них был большой любитель церковного пения, московский

художник Николай Анохин, который привел в обитель своего близкого знакомого Николая Гурьянова. Однажды, беседа со мной, Николай Гурьянов рассказал мне, что он знаком с протоиереем Борисом, жившим под Псковом, и помогает ему по хозяйству. Он отзывался о батюшке как о священнике высокой духовной жизни и упоминал о его друге отце Вениамине. Я попросила Николая Гурьянова во время следующего посещения батюшки спросить его, не тот ли он самый отец Борис, с которым был дружен покойный отец Вениамин Румянцев, и вскоре получила утвердительный ответ. Тогда я через Николая пригласила батюшку погостить в обители, если он пожелает приехать в Москву. Познакомиться ближе нас заставила болезнь батюшки.

Овдовевший батюшка жил тогда в стареньком домике в глухой деревне Толбицы совсем один. Его здоровье с детства было слабым, а лагерное заключение и жизненные невзгоды подорвали его окончательно. Почтенный возраст и старческие немощи давали себя знать. В январе 1994 года он заболел воспалением легких. В его возрасте и в тех условиях, в которых он жил, лечение представлялось затруднительным, поэтому отцу Борису предложили приехать на лечение в нашу обитель. И он согласился. Впоследствии он вспоминал: «Бурные волны житейского моря прибили мой челн к стенам тихой обители. Слабый, больной, измученный старик переступил я ее порог, и ощутил в ней что-то родное, близкое. Я вернулся туда же, откуда вышел — на свою духовную родину...»

Мы встретили старца на вокзале и отвезли в обитель. Здесь создали условия для его выздоровления, пригласили к нему врачей, обеспечили уходом. Он начал постепенно поправляться. Во время его пребывания в обители мы с ним часто и подолгу беседовали о духовной жизни, о трудностях, встречающихся в деле возрождения монастыря. Батюшка говорил, что в наше время насельникам обителей предстоит нелегкий, сугубый труд — восстановление порушенных святынь и, одновременно, возрождение духовной жизни обителей. Причем последняя задача — главнее и намного сложнее первой. Монастырь нужно создавать прежде всего как духовный организм, а иначе это будет лишь памятник архитектуры. Я рассказала батюшке о проблеме духовного окор-

мления сестер. Все они имели в миру духовников, и чтобы не оставить их без духовного окормления, я была вынуждена отпускать сестер к духовникам примерно раз в месяц. Духовники, судя о происходящем в обители со слов своих духовных чад, давали им различные наставления и, не видя общей «картины» монастырской жизни, невольно вносили разлад в ограду монастыря (говорю, конечно, далеко не о всех духовниках). Отец Борис сказал, что обители необходим свой духовник, и он должен быть непременно один. Если сестры оставили мир и все, что в мире, то они под единым духовным водительством должны идти к Царствию Божию, ибо *ѣ́дина гдѣ, ѣ́дина кѣ́ра, ѣ́дино крѣ́щеніе*<sup>1</sup>. Тогда я ответила батюшке, что в настоящее время это вряд ли осуществимо: я хорошо осознавала, чем я рискую, делая подобный шаг. Но батюшка заметил, что если все останется, как есть, то ничего хорошего в плане духовного становления обители ожидать нельзя.

Приняв к сведению совет батюшки, я стала искать опытного в духовной жизни священника, могущего быть отцом о Господе для всех нас. Я останавливала взор то на одном, то на другом духовнике, спрашивала их мнение по разным вопросам, просила даже поисповедовать сестер — но ни одно из этих лиц не было утверждено Святейшим Патриархом в качестве монастырского духовника. После первого посещения обители батюшка еще несколько раз приезжал в Москву на лечение и останавливался у нас по моему приглашению. Батюшка всегда боялся кого-либо обременить или в чем-то стеснить, но, видя искреннее расположение к нему и желание помочь, склонялся на мои просьбы остановиться в монастыре. При этом он всегда старался отблагодарить всех, кто оказывал ему даже незначительные благодеяния, и принести духовную пользу обители молитвой и своим богатейшим опытом. Его благодарность значительно превосходила сделанное ему добро. Нужно сказать, что советы батюшки разительно отличались от слов тех, кого я предполагала видеть наставниками сестер. Отец Борис никогда не предлагал своего совета, не будучи спрошенным, но если была на то благословенная причина — не скрывал истины и возвещал ее. Если

---

<sup>1</sup> Еф. IV, 5.

другие часто говорили: «Матушка, у Вас все хорошо», — он мог сказать: «Доченька, вот то или другое ты делаешь неправильно». Для него существовала лишь правда Божия, а не «мнение большинства».

Многие призывали меня «воевать и сражаться» с незаконными «арендаторами» монастырских помещений, а батюшка считал «революционные» методы недопустимыми. Он увещевал меня действовать «в духе кротости»<sup>1</sup> и христианской любви со всеми, поскольку смиренномудрие и любовь привлекают Божественную благодать и помощь Свыше там, где ничто человеческое помочь не в силах. Он ставил «во главу угла» духовную жизнь и нравственное преуспевание, а не внешнее благополучие. Понимая, что этот путь — крестный и что не многие идут им, я, грешная, все же решилась попробовать действовать по совету батюшки — и, несмотря на трудности, преодолеваемые только его молитвами, увидела добрые плоды от послушания. Тогда я подумала о возможности иметь в обители столь опытного наставника и молитвенника.

Все время служения и помощи батюшки нашей обители я бы разделила на три неравнозначных периода, соответствующих степеням духовного возрастания сестер: 1) период знакомства и взаимного привыкания, то время, когда батюшка еще не был духовником обители, — этот период стал как бы «вступительным», предваряющим время духовничества; 2) начальный период духовничества, за который совершилось постепенное приятие сестрами как учения, так и духовного пути, по которому их желал бы вести батюшка — в это время он подготовил почву наших сердец, чтобы упавшее на нее духовное семя могло «пустить корни», взойти и принести плод; 3) период духовного окормления, ознаменованный переездом батюшки в нашу обитель, в который передача духовного опыта старца осуществлялась непосредственно, в близком общении с ним. Именно к продолжению преемственной духовной связи батюшка и готовил нас многие годы, своей молитвой помогая духовным всходам правильно и равномерно развиваться и возрастать. Когда батюшка почувствовал полную готов-

---

<sup>1</sup> Гал. VI, 1.

ность духовных детей воспринять его слово и ощутил себя (по его выражению) «нужным» — он незамедлительно переехал к нам навсегда. Итак, начну последовательно рассматривать каждый из вышеупомянутых периодов.

**Первый период.** Приезжая к нам, живя в стенах обители, отец Борис с большим усердием посещал богослужения, и, по моей просьбе, проводил духовные беседы с сестрами. Пока был в силах, ходил на общую трапезу и во всем следовал монастырским установлениям и правилам, несмотря на почтенный возраст и старческую немощь. Мы испытывали к батюшке большое доверие, хотя и мало его знали — казалось, что мы знаем его всю жизнь. Еще до того, как батюшка стал официально нашим духовником, многие из сестер стали обращаться к нему с просьбами помолиться о них и их близких, спрашивали совета относительно духовной жизни. Он мог и уклониться от ответа по смирению, но чаще ради духовной пользы просящего разрешал недоумение и отвечал на волновавший вопрос.

Декабрь 1994 — январь 1995 г. В одно из посещений батюшки я попросила его подняться на клирос и попеть с сестрами. В то время сестры не были готовы «править» службы без посторонней помощи, хор состоял не только из сестёр, основную часть составляли светские певчие, да и управлял «наемный» регент. Конечно, такое пение нельзя было назвать строго монастырским. Батюшка высказал тогда мне свои пожелания, чтобы в хоре пели, или, по крайней мере, управляли им сестры, а среди песнопений было больше монастырских, молитвенных, и если даже и авторских, то — истинно церковного духа. Он желал, чтобы знаменный распев и произошедшие от него киевский, болгарский, греческий сделались основой богослужебного пения в стенах древнего монастырского храма. А также чтобы на клиросе во время будничных служб пели «череды» сестер, для чего необходимо было ознакомить сестёр с богослужебным уставом и обучить пению. Все вышесказанное отец Борис впоследствии сам воплощал в жизнь.

В день памяти Святой Мученицы Татианы батюшка впервые обратился к сестрам на трапезе. Поздравляя именинниц, он в приветственном слове сказал о значении женского монашества и о святых женах и праведницах — под-

ражательницах жен Мироносиц, не оставивших Спасителя на Его Крестном пути, о тех самоотверженных женщинах, которые отстояли Церковь в годы гонений. Он пожелал сестрам быть подражательницами жития святых жен.

1995 год — Попразднство Пасхи. В этот раз батюшка впервые посетил монастырскую просфорню, находившуюся тогда в небольшом помещении игуменского корпуса. Сам батюшка был мастером печь просфоры, и по моему благословению принялся учить сестер изготовлять и выпекать просфоры. Но учил он не только тому, как месить тесто и печь, но и тому, с каким сердцем исполнять это святое послушание. Батюшка обращал наше внимание на то, чтобы пекущие просфоры старались пребывать во всякой чистоте, и прежде всего, — стремились к чистоте сердечной; совершали бы богоугодное дело с молитвой, относились к приготовлению святого хлеба с любовью и благоговением, трудясь по совести пред очами Божиими.

В этот же период батюшка стал обучать сестер колокольному звону. Он говорил, что звон, призывающий верующих на богослужение, — это благовестие о Христе и вечных истинах, звучащее вне Церкви. Это напоминание о Боге, выраженное не в слове, а в звуке, которое понимает и воспринимает каждый человек, как верующий, так и далекий от Церкви, ведь душа человеческая «по природе — христианка». Обращаясь к звонарям, отец Борис сказал им: «Церковный звонарь, исполняя свое служение, пусть твердо помнит, что он исполняет святое и великое дело евангельского приставника, созывающего званных на вечерю велию<sup>1</sup>. Предварив мысленно краткой молитвой первый удар благовеста, пусть он скажет своим колоколам: «Благовѣстѣ дѣнь ѿ днѣ спїніѣ г҃а на́шего»<sup>2</sup>. И в бессловесных звуках колокольного благовеста он втайне услышит ответ: «Благовѣстѣ ѿ зѣмліє, радостѣ кѣлію, хвалїтѣ, некегѣ, кѣжїю г҃а»<sup>3</sup>. Батюшка старался привить звонарям серьезное и благоговейное отношение, предостерегая от различного рода крайностей: от непомерной удалости или, наоборот,

<sup>1</sup> Лк. XIV, 16–24.

<sup>2</sup> Пс. XCV, 2. Прокимен на утрене Благовещения.

<sup>3</sup> Припев на 9-й песне канона на утрене Благовещения.

тихого, неслышного звона; от «игры» в колокола без молитвы и благоговения, когда звон воспринимается как красивая музыка; от безвременного и слишком продолжительного звона или произвольного сокращения его по нерадению. Он считал, что звон, как и любое другое дело, может отчасти свидетельствовать о внутреннем состоянии человека: если он не живет духовной жизнью, то самый красивый звон напоминает мирскую музыку, и далеко не самую лучшую. Отец Борис всегда и в любом деле противостоял равнодушию, говоря, что безразличие — это не есть бесстрашие.

Во время этого же посещения батюшкой были прочитаны первые небольшие лекции по знаменному распеву.

**Второй период.** В очередной приезд батюшки, я предложила ему стать нашим духовником. Отец Борис, по свойственному ему смирению, отказывался: он никогда ничего не приписывал себе и искренне считал себя недостойным принять на себя это бремя. Он ссылаясь на возраст, болезненность, говорил, что ему будет затруднительно окормлять московскую обитель, живя в деревне под Псковом. Я в свою очередь спросила батюшку, не согласится ли он, приезжая три-четыре раза в году в Москву на лечение, одновременно исповедовать сестер. К тому времени я уже несколько раз побывала и у батюшки в Толбицах, и связь между ним и обителью, молитвами живых и усопших близких нам духовно людей, становилась все прочнее. Батюшка еще колебался, но последовало благословение Святейшего Патриарха, а также благословение духовника и друга батюшки — отца Николая Гурьянова — и отец Борис за послушание подъял на рамена нелегкий крест духовничества.

Осенью 1995 года по благословию Святейшего Патриарха батюшка становится духовником обители. В осенний приезд он подробно и обстоятельно беседовал с каждой сестрой о ее духовной жизни. К исповеди же он относился чрезвычайно серьезно и ответственно. Если у него была назначена исповедь, то он даже не вкушал пищи, пока не исповедует духовных детей. Неизменным требованием отца Бориса на исповеди было ясное осознание кающейся каждого конкретного греха, борющейся ее страсти как причины и

«корня» греха. А пересказ каких-то событий и перечисление бесконечных мелочей батюшка сразу же резко останавливал. «И мелочи бывают важны, но они должны быть высказаны четко и конкретно и с осознанием своей вины», — говорил батюшка. Обычно все мелкие, каждодневные проступки и прегрешения сестры исповедовали нашим приходским священникам перед Причащением Святых Христовых Таин. К батюшке же они приходили с серьезными духовными болезнями, подобно тому, как идет больной к профессору медицины. Но это требование касалось только исповеди. Если сестры испрашивали благословение для личной беседы с батюшкой, или если такая беседа начиналась невольно во время прогулки с ним по монастырю или на монастырском подворье, каждая могла говорить с ним, о чем угодно, и спрашивать о любых предметах.

Что сделал батюшка для моей грешной души? Он воскресил в ней все то, что было возвращено в ней моими духовными наставниками игуменом Исайей и отцом Вениамином, но, в течение жизни, было мной забыто, засыпано греховным мусором, извращено вследствие моих ошибок и падений — я имею в виду не добродетели, которых у меня нет, но правильные духовные понятия и ориентиры. Молитвы батюшки оказывали даже бóльшую помощь, чем его наставления: по его молитвам самые безнадежные монастырские дела увенчивались успехом; помощь Божия была ощутима и ясно видна, и высшая, небесная правда торжествовала там, где зло расставляло свои сети; враждующие смирялись и примирялись; жестокие сердца умягчались. И, что самое главное, — в душах сестер совершалось внутреннее духовное преображение.

Когда Святейший Патриарх благословил батюшку на духовничество, он принял нас, как духовных детей, данных ему от Бога, и в полной мере нес бремя ответственности за каждую, повторяя слова Подвигоположника Христа: «*ѿзи ѡ гнѣхъ молю, не ѡ ксѣмъ мѣрѣ молю, но ѡ чѣлхъ, ѿхже дѣмъ сѣи мнѣ...*»<sup>1</sup>. Говоря так, отец Борис имел в виду меру своей ответственности и отеческой заботы. Помню, как Его Святейшество, благословив батюшку на многотрудное служение

---

<sup>1</sup> Ин. XVII, 9.

духовника обители, беседа с отцом Борисом в алтаре монастырского храма, сказал о том, что поставленный им имеет богатый опыт, не только духовный, но и – жизненный, и просил батюшку как можно полнее передать опыт и правильные духовные понятия насельницам ставропигиального монастыря. Слово Первосвятителя было принято батюшкой с большой готовностью, и он старался как можно лучше исполнить патриаршее благословение, став для нас любящим, но и требовательным наставником. Его первым «условием» было стремление чад к духовному совершенствованию, а не к чему-либо скоропреходящему.

Батюшка мог и не выслушать человека, сверх меры погрузившегося в житейский водоворот и живущего лишь суетными попечениями. Особенно строгим и непреклонным становился он, если подобной немощи была подвержена сестра обители, которая переступила порог монастыря, но душой жила в миру, проблемами своих близких, думая об их телесных нуждах, забывая о том, зачем и для чего она пришла в монастырь. Батюшка учил отречению от мира, понимаемому как отречение от греха, царствующего в мире, а не от наших ближних. Но частые контакты с миром и отлучки из обители он не поощрял в силу того, что мирские люди живут совсем по-другому, и инокия при частом общении с мирянами незаметно для себя разрушает особенное духовное устройство, с трудом приобретаемое, и, по словам Святых Отцов, она не вернется в келью и обитель такой же, какой из нее вышла. Здесь идет речь не о тех монастырских послушаниях, для исполнения которых сестра должна общаться с мирскими людьми и выходить за ограду монастыря, и не о том, что совершается по благословию духовного начальства, но о частом общении с родными и знакомыми без особенной нужды.

С самых первых дней своего духовничества в обители батюшка стал приучать сестер к ведению внимательной внутренней жизни, напоминая о том, что трезвение — это сердцевина духовного делания, без которого само делание не имеет осмысленности. Он учил постоянно быть на страже своего сердца, отвергать вражеские прилоги, не принимать худые помыслы, следить за своими мыслями, желаниями, борясь с тем, что есть в нас страстного и худого. Отец Борис призы-

вал к истинному, деятельному покаянию, исправлению жизни, не терпя самооправдания и запрещая вдаваться в осуждение других. «Не ищи в селе, поищи в самом себе», — повторял он старую народную поговорку.

Батюшка создал устав обители на основании древних святоотеческих традиций и уставов ныне существующих лучших обителей, в котором изложил не только правила монастырской жизни, но и осмысление значения монастыря и монашествующих в жизни Церкви и общества, в деле церковного возрождения. О нашей обители он писал: «Монастырь имеет свои специфические особенности. Расположенный в центре столичного города, он подобен маленькому островку безопасности среди бурного моря житейской суеты. Поэтому он призван и должен быть таким, чтобы всякий, переступивший порог его святых врат, сразу ощутил бы духовную сладость и теплоту этой духовной пристани. Его насельницы, как «кѣкѣнѣицы дѣквы, прѣрѣчѣткѣющіе дѣхѣмъ кѣдѣщиѣ»<sup>1</sup>, призваны возродить духовную красоту древнего монашества, созданного великими светильниками — Антонием Великим, Пахомием, Венедиктом, Василием Великим и Феодором Студитом».

«Несколько веков тому назад наши благочестивые и боголюбивые предки создали на этом месте женский монастырь в честь и память Рождества Пресвятой Богородицы, определив этим наименованием назначение этой святой обители, ее будущее. Юные девы, будущие насельницы этого монастыря должны были, особенно в первые годы своего иночества неуклонно следовать по стопам младенческой жизни Матери Божией; по пути, приведшему Ее ко вратам Храма Господня, где Она должна была продолжить Свое приготовление к Приснодевственному Материнству.

В настоящее время монастырь этот возрождается, и возрождается сугубо. Восстанавливая оскверненные храмы и монастырские корпуса, юные насельницы этой обители должны восстановить вместе с тем и древнерусское иночество в духе Святых Отцов подвижников. Эти «свещеносицы-девы» чистотой своей подвижнической жизни призваны возродить истинное Христианство на Руси.

---

<sup>1</sup> См.: 1-я стихира на хвалитех на Введение.

Восприняв благодатный огонь от «скѣтѣопріѣмной свѣщци, ѡщымъ ко чъмѣ ѡблкъшейсѧ»<sup>1</sup> в свои светильники, они призваны затеплить огоньки в душах православных христиан, посещающих святыя храмы возрожденной ими древней святой обители.

Возрождение духовности на русской земле батюшка связывал с возрождением монашества, в особенности — женского, на которое возлагал большие надежды.

С 1996 года отец Борис начинает посещать спевки сестер. Пока были силы, он приходил сам, позже сестры стали собираться в приемной зале игуменского корпуса, напротив которой находилась келья батюшки. Вместе с ним и его помощницей они разучивали догматики и антифоны знаменного распева, стихиры двенадцатых и великих праздников, ирмосы канонов. Особенно запомнилась всем та спевка, во время которой батюшка разучивал с сестрами канон и стихиры Сретения Господня. Он сам, глубокий старец, излагал для нас и разъяснял нам основную мысль праздника — о встрече души человеческой с Богом, о том, как нужно встречать и принимать Христа: «В трех стихирах на «Господи возвах», положенных Святыми Отцами-песнотворцами на первый глас, мы улавливаем это движение навстречу Господу. Сначала, в первой стихире «Гл҃го́ли, ѡ́мѡне», перед нашим духовным взором предстает само историческое событие. Вторая стихира «Прѣ́имнѣ, ѡ́мѡне» является связующим звеном между первой и третьей. А третья стихира «Прѣ́идемъ ѡ́ мѡ» содержит обращение — призыв к каждому из нас встретить Христа «пѣ́сньми кѣ́твенными» и принять Его в свое сердце исполнением Его заповедей, Его Святой Воли. Чтобы принять Его, нужно стремиться очистить сердце от греховной скверны, ибо «ѡ́и ѡ́гнь ѡ́ дѣкы рѡждѣ́йсѧ: ѡ́и ѡ́гнь ѡ́ кѣ́ кѣ́ слѡ́ко», и только чистые сердцем Бога узрят. На словах «ѡ́и ѡ́гнь ѡ́ дѣкы рѡждѣ́йсѧ» голос батюшки звучал более тихо и трепетно, а на словах «ѡ́и ѡ́гнь ѡ́ кѣ́ кѣ́ слѡ́ко» — более утвердительно, громко и возвышенно. Он не делал этого специально: пение лишь отражало величину того духовного богатства, которым он обладал, силу его духа. Он желал «возвести» на-

<sup>1</sup> См.: Акафист Пресвятой Богородице, икос 11 / Канонник. М. 1994. с. 98.

ши умы и сердца, возвысить наши понятия до этих Божественных истин. «Пение — это также проповедь, — говорил батюшка, — но как можно проповедовать, если человек не живет тем, о чем он желает сказать? Такая проповедь не будет действительна. Если же подвигающийся стремится к исполнению Заповедей Божиих, хоть и ошибаясь, но со временем приобретая навык в их исполнении, то сама его жизнь становится проповедью».

Когда отец Борис пел «Нынѣ ѿпѣиши» Архангельско-го, то возникало такое чувство, что молитва Праведного Симеона Богоприимца стала как бы его собственной молитвой. Батюшка разучивал с сестрами не только песнопения большого знаменного распева, но и других распевов, произошедших от знаменного, а также произведения протоиерея Турчанинова, священника Д. Аллеманова, песнопения из Синодального сборника и старинные монастырские песнопения. Он любил петь Славословие Великое, привезенное к ним во Псков архиепископом Арсением<sup>1</sup> (в сборниках его автором часто называется Кольцов), трипеснец Великого пятка «Къ чѣбѣ ѡч҃иеннѹ» прот. Турчанинова, где каждое слово в его исполнении обретало для нас свой смысл, светильны «Чергѹгъ чкѹй» и «Разкѹйника ѿгѹразѹмнѹго» из Синодального сборника, «Тѣкѣ ѿдѣѹциѹгоѹ» болгарского распева в изложении прот. Турчанинова, которое исполнял так, как это может делать лишь соучастник происходящего — это был плач о Погребаемом, плач с молитвой и надеждой на Воскресение, свет которого приближается.

Батюшка изредка поднимался и на клирос по моему благословию (без благословения он не делал ни шагу, в прямом смысле этого слова; он также всегда сообщал мне о мельчайших погрешностях и ошибках, которые он невольно допускал). Он помогал певчим в «чередах» или в общем хоре своей молитвой, ободрял боязливых и унывающих. Батюшка никогда не делал замечаний во время богослужения, но после службы, по прошествии некоторого времени, объяснял клиросным ошибки «в духе кротости».

---

<sup>1</sup> Здесь имеется в виду митр. Арсений (Стадницкий) (1862–1936), бывший с 1903 епископом и с 1907 по 1910 г. архиепископом Псковским и Порховским.

Приезжая к нам по несколько раз в год в течение почти десяти лет, батюшка провел цикл бесед о духовной жизни. На этих беседах он открывал нам, в чём состоит наука борьбы со страстями и стяжания добродетелей. Одной из любимых его тем была — о добродетели любви. Здесь он говорил о стремлении соделаться носителем великого дара всеобъемлющей Божественной любви, о преобразении страстного и жесткого сердца в чистое и «истинно милующее, распалюющееся любовью ко всякому созданию Божию». Отец Борис искренне желал, чтобы между сестрами воцарилась настоящая христианская любовь, чтобы дух любви распространялся на все наши действия и отношения, вплоть до отношения к неодушевленным предметам, которые нельзя, например, бросить, как попало, но после использования привести в порядок и положить на свое место. Не только беседы батюшки, но вся его жизнь была для нас уроком любви. Как духовный отец, он являл ту любовь, которая полагает душу «за други своя» и больше которой, по Слову Спасителя, не может быть.

Во время «общих» бесед батюшка никогда не указывал на немощствующую и ошибающуюся, никогда никого не обличал и не обижал, но все покрывал любовью, молясь втайне о вразумлении и исправлении согрешающих. И даже в личных беседах батюшка весьма редко обличал, но, по-видимому, много и усердно молился Богу о каждой сестре, и вразумление свыше приходило: по молитвам батюшки сестры начинали видеть в себе то, чего раньше не замечали, и, с его помощью и поддержкой, делать хотя бы маленькие шаги по пути к Богу и Его Царствию. Человек может усердно подвизаться и много трудиться, но без святого, а не слепого<sup>1</sup> послушания, без смиренномудрия и любви к ближним и всему созданию Божию, к которым он должен стремиться (поскольку невозможно сразу достигнуть этой духовной высоты), без внимательного отношения к своей внутренней жизни он приходит в плачевное состояние и вместо шествия к Царствию Божию или стоит на месте, или движется назад.

---

<sup>1</sup> См. гл. Наставления: О послушании духовному наставнику и откровении помыслов (с. 108).

К сожалению, за время семидесятилетнего «пленения», за годы безбожия правильные духовно-нравственные ориентиры были утрачены, вследствие чего желающие вести в наше время духовную жизнь часто избирают совсем не тот путь, по которому нужно следовать. Только благодаря таким людям, как батюшка, можно было узнать и, хотя бы отчасти (в силу нашей духовной слепоты), понять, что это за путь, и в какую меру приходят те, кто его избрал. Батюшка показал своей жизнью, что духовная стезя, ведущая к совершенству, — это отнюдь не «шествие впереди с флагом» к неким рекордам, не преуспевание лишь во «внешних» житейских делах (хотя труд за послушание ради Бога он всячески поощрял, говоря о его пользе), но — «узкий» спасительный путь внутреннего делания, молитвы, трезвения и труда не напоказ, не ради человеческой похвалы, но — перед Богом, ради Славы Божией и Царствия Небесного.

Чтобы сестрам было проще усваивать духовную науку, о. Борис написал книгу «Духовная жизнь как предначатие жизни вечной», в которой он говорит о реальности ведения духовной жизни в наши дни. Эта книга — опыт исследования духовной жизни в свете Священного Писания и творений Отцов Церкви. Написанное исполнено и пережито автором, для которого духовная жизнь была восхождением к Царству Живого Бога. Бог для батюшки не был далеким, но — Живым, Вездесущим, всё Исполняющим Господом всего, Владыкой жизни и смерти.

В 1999 году батюшка впервые посетил монастырское подворье, где беседовал с трудящимися там сестрами. В 2001 году он вторично приехал на подворье вместе со мной и сестрами и осмотрел восстанавливающийся храм во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих радости».

Мы видели, с каким трудом дорогой батюшка переносит долгие путешествия, но, несмотря на трудности, он безропотно нес крест послушания и ехал к нам, как отец — к детям, ради нашей духовной пользы. Всякий раз мы провожали батюшку в Толбицы с чувством, что можем более не увидеть его живым: его слабое здоровье и возраст не позволяли надеяться на то, что батюшка долго проживет. Но, сверх ожидания, Всемилостивый Господь продлевал

годы его жизни, как некогда — библейским патриархам. Отец Борис нисколько не жалел себя для ближних и был всем нужен, поэтому он прожил долгую жизнь, за время которой принес Господу многие плоды своих неустанных трудов. Уезжая от нас, он благословлял каждую сестру, и обычно говорил несколько назидательных слов и всем сестрам, и лично каждой. Мог сказать просто: «Расти духовно, доченька», или «Желаю всего наилучшего», или «Старайся, дорогая моя, подражать своей Святой», — но это бывало сказано с истинно отеческой любовью и благожеланием. И эта любовь намного превосходила родительскую. Как-то после подобных проводов одна из сестер со слезами призналась другой, что, если батюшка умрет, ей никто его не заменит, потому что она на самом деле нужна только батюшке, и только он ее так любит.

Любовь к нам батюшки была духовной, ровной, никого не выделяющей особенным вниманием, но одинаковой по отношению ко всем. Он как истинный пастырь, всегда был готов положить душу за каждую. Некоторое «разделение» было заметно лишь в том, что его чада о Христе имели неодинаковые способности и духовные нужды, и одни из них «могли вместить» слово старца в большей степени, а другие — в меньшей. Батюшка как-то сказал одной из сестер: «Я постарался сделать все, чтобы мои духовные дети меня не ревновали. Как только я вижу зарождающуюся в ком-либо ревность или зависть, или неправильное, недуховное ко мне отношение, то сразу пресекаю таковые в самом начале, иногда и удаляя от себя чело-века до тех пор, пока он не погасит в своей душе греховное чувство».

Батюшка учил сестер любить и поддерживать друг друга, оказывать друг другу помощь, но отнюдь не наставлять и «не властвовать над наследием Божиим». Нужно ли говорить, что его наставления о любви и кротости не приходились по душе тем, кто пришел в монастырь не спастись, но «спасать» других, кто переступил порог обители, чтобы «удобно прожить», добиться признания, славы или власти. Батюшка молился и за таких людей, помогая им словом, делом и любовью даже в большей мере, чем остальным, следуя примеру Доброго Пастыря, Который оставлял девянос-

то девять овец и шел спасать одну заблудшую. Но если у человека не появлялось правильного духовного стремления, если он не желал слушаться духовного отца, батюшка никогда не связывал его воли и не заставлял оказывать себе послушания. В таких случаях он говорил, что «невольник — не богомольник» и что само отступление может научить человека тому, как хорошо исполнять волю Господню и жить в доме Отца Небесного и как плохо быть лишенным Божественной жизни. Батюшка ценил тот дар свободы воли и выбора, которым Сам Творец наградил человека, не переставая при этом молиться о заблуждающемся, но предавая последнего в волю Божию — и дальнейшие события всегда развивались по слову батюшки. Если сестра пересматривала свои жизненные ценности, изменяла цель своей жизни и начинала бороться со страстями, она оставалась в обители: если же она продолжала жить самочинно, недуховно, то выходила из ограды монастыря, хотя ее никто не гнал и не преследовал. Батюшка никогда не относился плохо к отошедшим на «страну далече», он повторял святоотеческое слово: «Люби грешника, но ненавидь грехи его». Он не осуждал таких людей, говоря нам лишь об отличии их целей от цели спасающихся.

В 2002–2003 годах в обители началось восстановление игуменского корпуса. На первом этаже этого здания я очень желала устроить удобное помещение для батюшки, чтобы ему не приходилось подниматься на второй этаж и чтобы ему было легче дойти до церкви, посещение которой доставляло ему духовное утешение.

В 2003 году батюшка впервые справлял день Ангела в обители. Его поздравляли насельницы обители, а также все его духовные дети и почитатели. Теперь мы стали усиленно просить батюшку переехать к нам в обитель насовсем. Батюшка любил родные места, где прошла его жизнь, но, помолившись Господу, внимая нашим просьбам и видя в переезде прежде всего духовную необходимость, он решил приехать и остаться в Москве до своей кончины. Он нисколько не заботился о себе, когда ехал к нам, но думал исключительно о нашей духовной пользе.

**Третий период.** Доныне свежо в нас воспоминание, как поздней осенью 2003 года встречали мы батюшку в обите-

ли. По недавно покрывшему землю белому чистому снегу ранним утром приехал он в монастырь со своей келейницей. Переступив порог нового дома, он не спеша произнес: «Мир... дому сему». В наших сердцах и сейчас звучат эти слова, сказанные прерывающимся, но исполненным духовной силы и власти голосом старца. Он воистину принес нам мир Господень.

Теперь батюшка остался с нами навсегда, и, встречая вместе с ним наше первое Рождество, мы впервые ощутили, какими близкими и понятными могут быть слова ангельского благовестия: *слава въ вышнихъ бгѣхъ, и на землѣхъ мнѣхъ, въ челоѣцѣхъ блгоколѣнїи!* В день Рождества сестры впервые пришли поздравить батюшку с праздником: пропели ему духовные стихи и рождественские колядки и поднесли скромные дары, изготовленные своими руками. Сестры посвятили своему батюшке стихотворение, в котором повествование о пришествии на землю Христа Спасителя было соединено с нашими искренними пожеланиями стать лучше при помощи Божией, молитвами нашего духовного отца, шедшего путем смиренномудрия и напутствовавшего нас к Царствию Христову:

### **Слава в Вышних Богу**

Слава в Вышних!.. Ангелов хваленье  
Огласило полночь Рождества:  
Царь Небес облекся во смиренье —  
Золотую ризу Божества.  
Колыбель с нерукотворной сенью  
Тайну эту трепетно хранит:  
В яслях Новорожденный Младенец —  
Прежде век Рожденный — возлежит.  
Пусть темна и холодна пещера,  
И безмолвно сомкнут тяжкий свод,  
Но жива в сердцах смиренных вера  
В долгожданный, радостный приход.  
Те сердца, светильник возжигая,  
Огонь любви от ветра берегут,  
Гостя Неземного ожидая,  
Чтоб надолго дать Ему приют.

Не смолкает песнь благодаренья  
В тех сердцах, и с Ангелами вновь  
Воспевают люди во смиреньи  
Гимн Тебе — Безмерная Любовь!

«Темнота и холод» пещеры, вертепа были образом нашего внутреннего состояния. Подобно тому, как Всемилостивый Господь благоизволил родиться в холодном вертепе и прийти к «сядящим во тьме», так же и его служитель пожелал прийти к нам, не могущим согреть его любовью, для того, чтобы самому согреть нас и воспламенить в наших душах огонь Божественный, если мы предуготовим души покаянием и смирением...

Первый Великий пост, проведенный батюшкой в обители, запомнился нам тем, что он стал для каждой из нас «временем благоприятным, временем покаяния». Батюшка с моего одобрения ввел для сестер на время поста каждодневное откровение помыслов. Наш духовный отец говорил всем нам и каждой в отдельности, чтобы мы проводили пост в молитве, трезвении, молчании, «отложив дела тьмы», осуждение, всякого рода пересуды, празднословие, злословие, клевету на ближних, а также подвизаясь в борьбе со страстями — гордостью, раздражительностью, завистью, ревностью и т.д. Послушание слову батюшки, в особенности, его пожеланию «больше молчать и меньше осуждать», а также откровение помыслов, не позволяющее врагу «свить гнездо» в сердце того, кто не таит на Исповеди его происков и обличает себя, а не ближних, внимание к происходящему в душе и сосредоточенность в молитве принесли каждой благие плоды. Батюшка говорил нам, что монашеская жизнь — это «житие постническое», как говорится о ней в чине пострига в монашество, а *и́стинный по́стъ сътъ злы́хъ ѿчужде́нїе, коздрѣжанїе ѡзыка, ѡрогчи ѿложѣнїе, похотѣи ѿлѣченїе, ѿглаголанїа, ажѣ ѡ клаткопрѣгѣплѣнїа. си́хъ ѿискѣденїе*<sup>1</sup>. Сам батюшка посещал почти все великопостные службы, молясь рядом с моим местечком. Иногда он поднимался со стула, одной рукой опираясь на палочку, а другой — держась за

<sup>1</sup> Стихира на стиховне 3-го гласа, на вечерне в понедельник Первой седмицы Великого поста.

оградку игуменского местечка. Тогда убеленный сединами согбенный старец, весь вид которого выражал кротость и смирение, напоминал мать, склонившуюся над колыбелью, или большую, белую птицу, распростершую крылья для защиты птенцов.

Такое небольшое наблюдение было запечатлено в стихотворении «Священный символ Руси», которое впоследствии было положено на ноты. Эта псалма посвящена бабюшке.

## Священный символ Руси

Посвящается дорогому духовному отцу  
Митрофорному протоиерею Борису Николаеву  
В день его 90-летия

Нет, Святая Русь не станет былью,  
Хоть века идут своей чредой:  
Белый лебедь трепетные крылья  
Распростер над темною водой.

Над глубокой бездной проплывает  
Словно Ангел, не касаясь вод.  
Тихий свет вечерний озаряет  
Оперенье белое его.  
Для него ль земное притяженье,  
Коль зовет блаженная страна?  
Смотрит вниз он — Неба отраженье,  
Смотрит вверх — Небес голубизна.

Он с молением взор свой устремляет  
К стороне родной, где ждут отцы,  
Но любовь душе его вещает,  
Что за ним плывут его птенцы.

Вновь простерты трепетные крылья,  
И добра свершилось торжество.  
Русь жива! Она не станет былью,  
С нами наш отец — и Бог его!

*Монахиня Серафима*

3.01.2005 г.

Мы приходили поздравлять батюшку с великими праздниками и памятливыми событиями его жизни. Нужно сказать, что эти поздравления становились праздниками более для сестер, чем для батюшки: он всегда смущался, искренне считая себя недостойным никаких поздравлений, но каждый раз от сердца благодарил, поскольку благодарность была неотъемлемым свойством его души. Батюшка был чужд того, что называется «ложным смирением»: при всей своей неподдельной скромности он умел вести себя с достоинством, обладал внутренним духовным благородством, во всем его поведении чувствовались простота, своевременность каждого слова и действия, духовная красота. Для подобных поздравлений нам предоставлялась возможность: во дни Рождества Христова и Святой Пасхи; в день Ангела батюшки — по совершении им богослужения в храме и на праздничной трапезе; в день его иерейской хиротонии — 28 октября, на праздник иконы Божией Матери «Спорительница Хлебов» и в день его рождения (3 января по н. ст., память Свт. Петра, митрополита Московского). Сестры подносили батюшке подарки, пели псалмы и духовные канты, читали стихи, а я обычно говорила ему приветственное слово.

Летом 2004 года батюшка неоднократно приезжал на монастырское подворье. Он жил в сестринском корпусе на первом этаже. В его келью были перевезены чтимые им иконы, поставлен письменный стол: его распорядок дня на «отдыхе» отнюдь не изменялся. За все время своего священнического служения батюшка не знал, что такое отпуск. Он не понимал, как можно «отдыхать от Бога», но никогда не осуждал тех, кто берет отпуска, жалел утомленных трудами, уставших и не запрещал «разумный» отдых для подкрепления сил. Также и в отношении воздержания он считал, что у каждого своя мера, зависящая от здоровья человека, его физических особенностей, возложенных на него трудов и т.д., хотя сам он вкушал пищу лишь дважды в день — утром и вечером (или, если был с утра на службе, в обед и вечером) и был истинным постником. Самовольных, «неуставных» постов он не признавал. Своим благословением он разрешал от установленных постов больных людей ради восстановления их здоровья, но сам, будучи больным в гораздо большей

степени, чем многие из обращающихся к нему, поста не нарушал и не изменял своих жизненных правил.

Он никогда не отказывался и от данного ему послушания, каким бы сложным и тяжелым оно ни было, уповая на помощь и силу Божию, совершающуюся в немощи. И Господь ни в чем не посрамил его упования, даруя ему гораздо больше просимого. Таков непреложный духовный закон послушания, и батюшка это знал лучше, чем кто-либо другой. Поездки на подворье были для батюшки скорее послушанием, нежели возможностью отдохнуть. Он приезжал туда, чтобы принести духовную пользу сестрам, живущим и трудящимся на подворье. Там сестры имели большую возможность побеседовать с батюшкой, помолиться вместе с ним, увидеть его жизнь вблизи. Он говорил нам, что пришедший в монастырь должен стать «пятилетним ребенком» в отношении послушания, идти, куда поведут, делать, что скажут, и исполнял на деле то, чему учил. Своими действиями он невольно подавал пример терпения, смирения, послушания, уступчивости, любви к ближним. Поражало его доверие каждой из нас, батюшка сам мог попросить и прощения у любой сестры. С ним было спокойно, радостно.

Пока храм только восстанавливался, батюшка, с моего благословения, под большие праздники служил всенощные бдения келейно. А с утра совершал чин обедницы, помяная множество живых и усопших. Всегда начинал с монастырского синодика, помяная Святейшего Патриарха Алексия, Архиепископа Арсения, Игумению Викторину. Затем перечислял по именам всех сестер, благодетелей обители и своих духовных детей. Потом молился о усопших сестрах Иоанновского монастыря, своих духовных наставниках, родителях, своей матушке Марии и многих близких ему людях, духовных чадах, страдальцах за веру, пребывавших с ним в заключении в лагере. Он помнил имена своих учителей, воспитателей, тех, кто хоть раз в жизни сделал для него что-либо доброе. В такие дни батюшка мог также отслужить молебен, прочесть акафист празднуемому Святому или образу Царицы Небесной и сказать молящимся с ним краткое слово назидания.

Летом же 2004 года я серьезно заболела. Не ради моего прославления, но единственно для славы Божией и в знак

моей искренней благодарности, я вынуждена сказать, что за меня, недостойную, молился неизменный покровитель монастыря — Святейший Патриарх. Молились и все, кто меня знает, слезно молился и дорогой батюшка. В эти дни наш духовный отец явился для сестер Ангелом-утешителем. Они часто собирались около него и говорили об их общем горе. Он утешал сестер словами о том, что я буду жива, а у него самого из-под очков струились слезы — он очень жалел меня, грешную. Любящий отец, как мог, прятал эти слезы и продолжал утешать.

Одна из сестёр решилась на некий неразумный поступок, ей казалось, что этим она окажет мне помощь. На самом же деле, её замысел не принёс бы ничего доброго ни ей, ни мне. В тот день батюшка сидел в кресле около игуменской, а сестра проходила мимо и подошла под благословение, ничего не сказав о своем намерении. Отец Борис посадил ее рядом с собой на маленькую скамеечку и начал с ней беседовать. Как только та собиралась вставать и уходить, батюшка находил очередной предлог, чтобы ее оставить около себя. Так просидела она около старца с трех часов дня до десяти вечера. Разговаривали на различные темы: о церковных песнопениях, уставах разных монастырей, о духовных вопросах и о природе, батюшка рассказывал истории из своей жизни, даже шутил. Многократно говорили и обо мне. И только тогда, когда сестра успокоилась, «пришла в себя» и мысленно отказалась от своего решения, батюшка сказал: «Ну, вот, доченька, теперь иди спать. Спокойной тебе ночи». По прошествии некоторого времени, переосмыслив события этого дня, сестра поняла, что батюшка, по благодати Божией, узнав о ее состоянии (ему была открыта мысль сестры), своей любовью отвратил ее от неверного шага. Послушание, которое в тот день должна была выполнить сестра, было ею исполнено на следующее утро за короткий промежуток времени, что произошло также по молитвам батюшки.

Совместные молитвы о выздоровлении были услышаны Всемилостивым Господом: Он восставил меня от одра болезни. Дорогой батюшка помог мне и всем нам своей молитвой и в кратковременное мое отсутствие уберег от бед моих немощных чад.

На престольный праздник обители — в день Рождества Пресвятой Богородицы — Божественную Литургию в обители совершал Святейший Патриарх. Он не оставил своей милостью и нашего батюшку, уделив ему внимание, которого тот почитал себя недостойным, и сказал ему несколько слов как духовнику обители. Батюшка не только выстоял всю службу, но и пришел на трапезу, «преодолев» несколько лестниц подъема и проделав довольно сложный для него путь, все трудности которого может понять лишь больной человек более чем почтенного возраста. Он шел, задыхаясь, еле передвигая ноги, влекомый только чувством долга. Он делал это, как смиренный послушник Его Святейшества, желая быть с нами до конца и проводить Первосвятителя нашей Церкви.

То, что батюшка был великим тружеником на ниве Христовой, мы знали со времени первых его посещений монастыря, но яснее и лучше увидели жизнь своего пастыря, когда он поселился в обители. У каждой из нас остались о нем примерно такие воспоминания:

...Раннее утро. Еще темно. В приемной отца Бориса горит настольная лампа — он работает в своем «кабинете», как, полусушня, он называл смежное с его кельей помещение, где он исповедовал сестер и принимал посетителей. За столом, около большого образа Тихвинской иконы Божией Матери, особенно им почитаемого, он готовится к очередной беседе с сестрами: заранее составляет конспект, читает, делает выписки из лежащих перед ним книг. Как трудно ему с его здоровьем и совсем слабым зрением столь долго сидеть за столом и читать напечатанное мелким шрифтом в книгах, «разбирая» предложения по одному слову, по буквам, при помощи увеличительного стекла. Но он работает, стараясь как можно больше успеть сделать для нас. Батюшка уверен, что такова воля Господня, и исполняет возложенное на него послушание.

Утро. Батюшка идет в церковь, он медленно ступает, опираясь руками на две палочки. У него — сильная одышка, ноги старца с трудом передвигаются по дороге к храму, но в руках у батюшки — большая сила. Руки труженика, благоговейного совершителя Таинств, буквально «несут» его немощное старческое тело в храм Божий, к Божественной службе. Обычно мы ведем его с его помощницей Зоей,

но иногда он идет сам. Кто-нибудь из сестер или богомольцев помогает батюшке подняться по лестнице, ведущей в храм. Едва переводя дух от подъема, он все же благословляет всех, кланяющихся ему и испрашивающих благословения, или отвечает на поклон поклоном.

Наконец, батюшка — в алтаре. Здесь для него приготовлен стульчик, но он мало сидит, часто вставая и молясь стоя, с большим благоговением. Врачи категорически запретили батюшке даже наклоняться, а он может «забыться» и, будучи устремленным духом ко Господу, в молитвенном порыве положить земной поклон, упасть ниц перед престолом. Ему помогают подняться священнослужители и сестра-алтарница.

Какая у нас радость, когда батюшка сам совершает богослужение! Он стоит у престола Божия, опираясь на палочки, оставляя их лишь тогда, когда благоговейно воздевает руки. Он служит точно в соответствии с Уставом Церкви и церковными традициями, как говорили богомольцы — «по старинке». При сильно развитом чувстве ответственности он строг к себе до крайности. Каждое слово произносится четко и ясно, исполнено духовной силы. Батюшка знал наизусть многие Евангельские зачала, можно сказать — почти все, помня порядок совершения богослужения во всех тонкостях — Господь наградил его прекрасной памятью и сохранил ему этот дар до самой смерти... Херувимская песнь. Великий вход. Батюшка переживает душой Крестный путь Спасителя: это переживание невозможно «сделать искусственно». Как исповедник и страдалец за веру Христову и как отец своих духовных детей, принимающий за них бесчисленные раны и страдания, он идет, следуя за Господом. И его молитва, и внутренние переживания достигают высочайшего напряжения. Кажется, что вот-вот батюшка упадет под тяжестью своего жизненного креста, вот-вот его трепетная, страдающая за нас душа покинет немощное тело, но Господь невидимо подкрепляет его, и он идет дальше... После отпуска каждой службы он, уставший и обессиленный, непременно говорит проповедь, не оставляя нас без назидания. Завершается богослужение, но молитвенный подвиг батюшки на этом не оканчивается. Он видит духовных детей с их скорбями и нуждами, видит желающих услышать сло-

во утешения, и его духовному взору открывается еще многое, чего мы видеть не в состоянии. И он принимает посетителей, ободряет, утешает, исповедует, проводит беседы, отдавая себя людям без остатка, безо всякой жалости к себе.

Иногда батюшка выходит на монастырский двор. Сидит у игуменского корпуса или гуляет по монастырскому двору. Он говорит, что так «разрабатывает ноги», чтобы было легче выстаивать богослужение и священнодействовать, а также потому, что «движение — это жизнь»... Наконец батюшка добирается до трапезного храма Казанской иконы Божией Матери. «Батюшка, как же далеко Вы убежали, Вас не догонишь», — говорит ему одна из сестер. Батюшка по-доброму улыбается, даже чуть-чуть посмеивается шутке: «Да, родная, далеко убежал. Нужно мне ходить, иначе дела мои будут плохи». Сестра берет батюшку «под руку», и с ее поддержкой он возвращается к игуменскому корпусу и садится в кресло. Вокруг него собирается «стая» сестер, или они подходят по очереди для беседы, открывая душу любящему отцу. Выбрав время, подхожу к нему и я, и не могу не остаться около него, несмотря на множество монастырских дел. Бывает, что идущие мимо богомольцы подходят к батюшке спросить его совета. Он со всеми приветлив, и хотя не видит многого глазами, но внутренним взором видит и духом чувствует, кто к нему подходит.

Из окна своей кельи батюшка видит так же ясно, как и находясь на монастырском дворе. Вот какая-то сестра полет клумбы под дождем. Батюшка умоляет пойти и увести ее, чтобы она не простудилась. Вот кто-то идет с тяжелой ношей, батюшка переживает, молится, перекрестит идущего. Живя для других, он старался никого ничем не обременить, не быть в центре внимания.

...Вот батюшка сидит в одиночестве в кресле на монастырском дворике. Перед ним — небольшой газон, по периметру которого посажены цветы; вокруг цветущих растений вьется множество пестрых бабочек и шмелей. Откуда их столько в большом, шумном городе? Мимо проходят люди: богомольцы, рабочие, паломники, и просто гуляющие по территории монастыря любители старины. Батюшка смотрит на происходящее несколько поверх очков, и в его взоре видны глубокая пронизательность и понимание. Он — не вне реаль-

ности, он любит и благословляет все сотворенное Господом, но в то же время он сосредоточенно молится. Батюшка пребывает в Боге и с Богом. Если подойти к нему и что-нибудь спросить — он непременно ответит и поговорит с вопрошающим, но жаль нарушить его беседу с Господом-Сердцеведцем.

...До самого позднего вечера не гаснет свет в келье и приемной батюшки. Он читает, пишет, молится, работает над песнопениями большого знаменного распева и над своей автобиографией. Автобиографию батюшки можно смело назвать его исповедью: он безжалостно осудил самого себя не только потому, что собирался перейти в Вечность, но и потому, что таковым было его отношение к себе. Нужно успеть сделать как можно больше, лишь бы хватило сил. К многочисленным трудам прибавляются болезни, недомогания, скорби от духовных детей, неизбежные для истинно доброго пастыря, полагающего душу за овец своих, и непрестанная борьба с врагом-диаволом, уже не столько за свою душу, сколько за души пасомых. Удар за ударом от того, кто человекóбкíица к'к' íкони¹. Ни минуты покоя. Поддержка и помощь только Свыше. Утешение — лишь в Боге.

Свет в окошках гаснет. Начнется ли кратковременный отдых? Вряд ли. Страдальческий одр батюшки — место молитвы. Горячая, слезная, покаянная молитва и моление за духовных детей, за всех — ближних и дальних, не прекращается всю ночь или прерывается кратким сном.

Батюшка остался в памяти сестер именно таким, но все вышеприведенное — лишь «зарисовки» из его жизни, полной картины мы дать не в состоянии.

Так продолжалось изо дня в день: аскетический труд, молитва, личный подвиг.

Подвиг есть и в сраженьи,  
Подвиг есть и в борьбе, —  
Высший подвиг в терпении,  
Любви и мольбе², —

повторял батюшка слова поэта. Но этот подвиг был видим лишь отчасти и весьма немногими: батюшка никогда и

---

<sup>1</sup> Ин. VIII, 44

<sup>2</sup> Из стихотворения А.С. Хомякова (ред.)

виду не подавал, как тяжел его жизненный крест, и только с близкими ему людьми он иногда мог поделиться каким-либо своим переживанием, но это случалось редко. С нами — «духовными младенцами» — батюшка всегда был спокоен, ласков, хотя, при необходимости, мог и отругать, но это у него получалось по-отечески. Всегда желал поддержать в добром и ободрить скорбящих, «вдохнуть» в унывающую душу упование на Господа, любил также и добрую шутку. Бывало, кто-нибудь жалуется батюшке на уныние, а он отвечает: «Доченька, я сам такой — «нытик». Уныние бывает от разных причин: сказываются недостатки воспитания, «забитость» с детских лет, но чаще всего причиной является самовнушение, вошедшее в привычку, происходящее от недостатка веры и упования на Господа. Вот я, например, начинаю унывать: «Да куда я не похужу, да все у меня плохо, ничего не получается, еще и тут болит, и там болит, с астмой сорок лет «дружу», дышать нечем...» и так далее. Но куда же мы с тобой без Господа годимся-то? Без Бога — ни до порога. Вот и будем потихонечку молиться Господу, просить Его, чтобы помог нам. Молись, доченька. Бог «живет во Свете Непрístupном»<sup>1</sup>, но Мы имеем Ходатая — Господа нашего Иисуса Христа, Богочеловека, нас ради воплотившегося и пострадавшего. Он силен нам помочь, Он всегда нас услышит, какими бы грешными мы ни были. Главное для нас — стремиться к Царствию Божию».

Или скажет: «Многие хотят по духовной горке скакать, да звезды с неба хватать. Это называется «звездная болезнь». Поэтому, доченька, люди, вместо того, чтобы выше подниматься, катятся вниз. А если человек смирится, то Господь его остановит в падении и начнет возводить выше по степеням духовной жизни. А ты, доченька, со смирением берись, да тихонечко, ровненько иди по пути спасения — и все будет великолепно. А не так, — вж-жих, вж-жих», — и батюшка показывал рукой как бы «крутящийся вихрь». Нужно сказать, что батюшка вряд ли «унывал» так, как унываем мы, и причины его скорби были совсем другие, нежели у нас, но он, как отец или, лучше

---

<sup>1</sup> I Тим. VI, 15–16.

сказать, как любящая мать, шел рядом с каждым из своих детей, осторожно и бережно обращаясь с душой каждого. Он знал нас лучше, чем мы — сами себя.

## ШКОЛА ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

В 2004 году отец Борис начал проводить новый цикл бесед по Священному Писанию. Целью этих бесед не являлась передача отвлеченных богословских знаний или пересказ событий Священной истории — они стали для нас своего рода школой духовной жизни. Беседы батюшки раскрывали смысл и причины происходившего «древле»: он показал, насколько описанное в Священных книгах связано с нашей жизнью и касается непосредственно каждой из нас.

Вот праматерь Ева, вступившая в беседу со змием и «произвольно «расширившая» сказанные первым людям словеса Господни», но, по изгнании из рая, хранившая веру в Бога, упование на Господа. Она, ожидавшая обетованного Мессию, сказала о родившемся у нее первенце: «Приобрела я человека от Господа»<sup>1</sup>.

Вот Каин, пренебрегший словом Господа о том, что «грех лежит у порога» его сердца и, если он пожелает, он может, при помощи Божией, над ним властвовать, не принимая и не развивая греховных помыслов, борясь со страстью зависти.

Вот благочестивые праведники, идущие спросить патриархов-долгожителей и узнать Волю Божию через тех, кому Господь даровал такое исключительное долголетие, чтобы они, как хранители Священного Предания, могли передать его другим.

Вот великий в патриархах Авраам, совершавший и ошибки, которых не скрывает Писание, но достигший высокой степени веры и полного доверия Богу, соделавшийся отцом всех верующих.

А вот праведная Ревекка, исполнившая волю Божию, отправившись в чужую неведомую землю; смиренная труженица Лия; добрая Руфь, за послушание вошедшая в родословную Самого Спасителя... Вот кроткий Моисей, на-

---

<sup>1</sup> Быт. IV, 1.

званный другом Божиим, вот великий в покаянии своем Давид, уповавший на Господа и с Богом побеждавший врагов...

Праведники Господни соделались святыми не потому, что не ошибались и не согрешали, а потому, что принесли глубокое, всеобъемлющее покаяние и, возрастая в смирении, вере и надежде на Бога, стремились к Нему и достигали святости. На примерах Священного Писания батюшка показывал наши собственные ошибки и немощи и объяснял, как эти ошибки исправляются. Глубина и проницательность объяснений и замечаний батюшки поражали всех до такой степени, что сестры сперва не решались задавать ему вопросы по темам бесед. Батюшка же всегда желал услышать, что они поняли и усвоили из его слов и что осталось непонятым. Как-то раз он сказал:

— Вы, дорогие мои, сидите, «набравши в рот воды», а ведь то, что я говорю, касается нас с вами. Беседа для того и существует, чтобы спрашивать. Или вы меня боитесь?

Сестры не боялись батюшку, но порой темы бесед были настолько глубоки, что вопросы появлялись далеко не сразу. Бывало и так, что сам батюшка начинал задавать вопросы, желая узнать наше мнение или проверить наши знания по Закону Божию или в какой-либо другой области. Так, на одной из бесед он спросил:

— Как вы думаете, можно ли заставить полюбить кого-либо насильно?

— Нет, батюшка, — ответили мы.

— Правильно, — сказал батюшка, — любовь — это чувство. Как оно возникает — нам неизвестно, но в его развитии есть определенная постепенность. Господь мог бы сделать так, чтобы сотворенные им Ангелы и люди любили бы только Его и не отступали бы от Него, «вложить» в них такую любовь «совне». Но Ему было неуютно создать «любящих поневоле», ибо эта любовь несовершенна, в ней нет жизни, и в подобном случае невозможно духовное возрастание. Бог желает, чтобы Его любили по доброй воле, пользуясь дарованной Им же свободой, чтобы таким был выбор самих людей. Господь наш Иисус Христос во время Своей земной жизни неохотно творил чудеса, особенно в первый период Своего служения людям и проповеди Царствия Божия. Почему? Во-первых, потому что Он не желал преждевремен-

ного расширения Своей славы, а во-вторых, всякое чудо, изменяющее ход установленных Божественных законов, включает в себе принуждение: человек вынужден верить и любить, он поставлен перед очевидным фактом. Да, и чудеса бывают иногда необходимы, если на то есть воля Божия, но гораздо лучше возрастать в вере и Божественной любви от исполнения заповедей Господних и жизни во Христе. Помните об этом, дорогие мои.

Батюшка часто говорил еще и о том, что Дух Святой, вещая устами Святых Пророков и Апостолов, действуя через богодухновенных и богопросвещенных авторов книг Священного Писания, не уничтожал личности каждого из них, их особенностей. «Господь Бог не сотворил всех людей одинаковыми, — повторял батюшка. — Народная поговорка говорит: «Бог лесу не сравнял». Поэтому нельзя слепо «копировать» угодников Божиих и подвижников благочестия — нужно им подражать так и в такой мере, насколько каждому дал Господь. У всех святых было общее стремление к Богу, общая цель, их объединяло Православие — все то, что правым и прямым путем было унаследовано от Святых Апостолов и Отцов нашей Церкви, а в остальном — сколько людей, столько к Богу и путей».

В конце 2004 года батюшка опасно заболел. Сильная простуда перешла в бронхит и воспаление легких. При больных легких для него представляла опасность даже обычная простуда, а в то время многие болели, и, предположительно, это было инфекционное заболевание. 3 января 2005 года, несмотря на плохое самочувствие, батюшка принял сестер, пришедших к нему с поздравлением, келейно отслужил благодарственный молебен, и даже произнес к собравшимся небольшое слово, в котором отнес содержание евангельского зачала об исцелении десяти прокаженных непосредственно к своей жизни. Рассказал о начале своего пути к Богу, о сестрах Иоанно-Предтеченского монастыря, которых он знал, о своей бабушке, водившей его в церковь и принимавшей в своем доме сестер обители, несших послушание вне монастырской ограды, например — монахиню Мартирию из часовни, принадлежавшей монастырю. Батюшка от всего сердца благодарил Всеблагого Бога за то, что сподобил его послужить Ему, Его святому храму, про-

жить такую долгую и столь исполненную милости Божией жизнь. И просил сестер молиться о нем, повторяя Апостольские слова: *Μολίτητε ὑπὲρ τῶν ἁμαρτωλῶν ἵνα ἰσχυροῦσιν ἐν κυρίῳ, ἵνα ἡμεῖς ἔσταιμεν ἡμεῖς ὡς ἡμεῖς ἐσμὲν*<sup>1</sup>. Слово батюшки, произнесенное им в его последний день рождения, имело своей целью показать нам, как путь Божественного Промысла привел его в нашу обитель: воспитанник монахинь Иоанновского монастыря, знавший праведниц и восприявший от них дух любви Христовой, он, как носитель этого духа и учения, был призван передать его нам, своим духовным детям. Батюшка, готовясь рассказать нам о своей жизни, изобразил на листе бумаги своеобразную схему или, лучше сказать, образ своего пути — от одной обители до другой. Все жизненные «остановки» этого пути, по Божественному смотрению, приближали его к нашему монастырю. Батюшка сказал о том, что наши судьбы находятся в русле того же дивного и непостижимого Промысла Божия, по которому каждая из нас оказалась в стенах этой обители, куда призвал Господь и его, как духовного наставника, и, соответственно, у каждой есть своя миссия — стремлясь к Царствию Божию и возрастая в Божественной любви, служить Богу и ближним теми способностями или талантами, которыми наделил Господь. Сравнивая оба монастыря — его воспитавший и им возрождаемый, батюшка сказал: «Я вижу и чувствую вокруг себя тех же сестер, с тем же стремлением к Царствию Божию, пусть они носят другие имена, и у них — другие судьбы — но суть одна!» Это, хотя бы небольшое стремление к Царствию Божию воспитал в нас дорогой батюшка. В сказанном им слове батюшка выразил и искреннюю радость и благодарность Богу за то, что его жизненный опыт не остался «под спудом» и «талант — не зарыт в землю». Батюшка чувствовал, что он нужен своим духовным детям, и говорил, что прожил жизнь не зря, поскольку у него на духовном пути есть последователи. Дай-то Бог, чтобы его слова исполнились на нас, грешных и немощных!

Батюшка выздоровел, и на праздник Богоявления Господня пришел в храм. Сестрам запомнилось, как он молил-

---

<sup>1</sup> Евр. XIII, 18

ся во время Великого освящения воды. Батюшка с трудом стоял. Он читал, прерывающимся из-за сильной одышки голосом, по нескольку слов, произнося их громко и четко, но то не было чтением в повседневном смысле этого слова, то была беседа с живым Богом, присутствие Которого ясно ощущалось. Никогда еще в храме не было такой благоговейной тишины: все стояли, затаив дыхание, боясь нарушить эту беседу.

В 2005 году батюшка завершил цикл бесед по Ветхому Завету, и мы с ним начали «проходить» период Нового Завета. Эти беседы были сложнее и насыщеннее, но мы слушали с огромным интересом. Тема «Беседа Спасителя с Никодимом» была для нас особенно сложной, так что одна из сестёр спросила батюшку: «Батюшка, Вы говорите с нами о таких великих истинах — о словах Господа, имеющих столь глубокий смысл, что мы многого не в состоянии еще понять, подобно тому, как и Никодим не мог понять всего, что говорил ему Господь. Но он ушел от Спасителя удовлетворенным, утешенным, как вы нам сказали, и он, просвещенный Господом, впоследствии все понял, эти истины ему открылись. Значит, нам также можно надеяться на то, что если мы сейчас не понимаем или не до конца понимаем ваше слово, то когда-нибудь потом поймем?» «Да, моя родная, — ответил батюшка, — хороший вопрос ты задала. Сейчас вы не можете многого понять и воспринять в силу объективных причин, но пока я жив, я должен и обязан дать вам все то, что имею. Впоследствии, когда в этом будет необходимость, Господь откроет каждой из вас то, что нужно, в той мере, в какой каждая будет способна воспринять. Только не сходите с того пути, который вы избрали, держитесь его!» Хотя мы понимали далеко не все из сказанного батюшкой, и часто видели в его многогранном и глубоком слове лишь «поверхность», воспринимая его односторонне, но никто из нас не отходил от него неутешенным, неуспокоенным, духовно неудовлетворенным.

В 2004 году к нам на монастырское подворье неожиданно приехал Святейший Патриарх. Внимательно всё осмотрев, он благословил начинать служить в восстанавливаемом храме иконы Божией Матери «Всех скорбящих радости». Мы спешно принялись исполнять благословение

Святейшего Владыки. Чтобы подготовить храм к богослужению, приложили старание и труд близкие духовные чада батюшки. Одновременно с работами в храме, все мы общи-ми усилиями подготавливали удобное просторное помеще-ние для летнего отдыха батюшки в большом деревянном до-ме. Чтобы батюшка имел возможность бывать «на воздухе», к дому была пристроена веранда с видом на храм и сад. В 2005 году Пасха на подворье была встречена пер-вым богослужением в храме.

15 мая 2005 года батюшка справлял свой последний день Ангела. А мы, несмотря на почтенный возраст нашего старца, и не предполагали, что эти именины будут для него последними: так хотелось, чтобы он еще пожил и порадовал нас! Было солнечное воскресенье, третья неделя по Пасхе, посвященная женам Мироносицам. Такое совпадение, в си-лу многих причин, было радостным и казалось нам неслу-чайным. Во-первых, батюшка весьма чтит Святых жен Ми-роносиц, преклоняясь перед их любовью ко Спасителю, приводя их нам в пример, говоря о том, что они не оставили Господа на Крестном пути и тогда, когда почти все ученики разбежались от Божественного Учителя. Во-вторых, один из периодов жизни батюшки был тесно связан с храмом в честь Святых жен Мироносиц, который он посещал во Пскове. В-третьих, подражательницами жизни Святых жен были праведницы, встретившиеся батюшке на жизненном пути, духовно возраставшие и воспитавшие его: игумения Иоан-новского монастыря Сарра, мать Людмила, мать Арсения, матушка Мария, мать Евфросиния, которую батюшка узнал в заключении, и многие другие. Он глубоко почитал прос-тых верующих тружениц, молитвенниц, отстоявших нашу Церковь в годы гонений, продолжавших посещать богослу-жения, хранить веру и Церковное Предание.

Сестры посвятили духовному отцу стихотворение, ко-торое было ими прочитано во время праздничной трапезы.

### **Жены Мироносицы**

Святые жены, в дар от всей земли,  
Свой скорбный путь слезами орошая,  
Ко гробу миро бережно несли, —  
«Кто нам отвалит камень?» — вопрошая.

Кто ж любящим сердцам отверзет вход,  
Как не Любовь Воскресшая Живая?!  
Тот, Кто, чрез них, всем радость ниспошлет,  
Небесным светом души озаряя.

О ученицы верные Христа!  
Ваш путь земной о Небе возвещает:  
Немногословны чистые уста,  
Но добродетель Истину являет.

И те, кто вам последовал в пути,  
Стремясь всем сердцем к райскому Чертогу,  
Смогли любовью души обрести  
И обручить Спасителю и Богу.

Их сердце глубоко, а жизнь — чиста:  
Они одни, под бременем страданья,  
Верны и у подножия Креста,  
Тверды и кротки в годы испытанья.

Один из близких духом сим женам,  
Напутствуемый ими и хранимый,  
Был Господом навек дарован нам,  
Как пастырь добрый, искренне любимый.

Знав праведниц, он восприял от них  
Дух кротости, любви и всепрощенья.  
Его молитвой, помощью Святых,  
Да будет с нами их благословенье.

В этот светлый день у батюшки как будто прибавилось сил. Он пришел на трапезу, с любовью приготовленную для него сестрами обители. На трапезу были приглашены все духовные дети и почитатели батюшки: он был очень тронут поздравлением и, казалось, чувствовал себя находящимся в своей духовной семье. Сестры пропели батюшке многолетие, а также псалму «Священный символ Руси» и различные духовные канты. Нам запомнилось, как мы провожали батюшку из трапезной до кельи. Я его вела с о. Серафимом, а позади шли сестры и пели «Христос Воскресе». Наши ду-

ши ощущали светлую пасхальную радость, и так хотелось идти за батюшкой, не только провожая его, но и по жизни, как бы ни был труден этот путь. Воспоминания об этом дне глубоко запечатлелись в наших сердцах.

После дня Ангела батюшка уехал на подворье, где и совершал богослужение на праздник почитаемого им угодника Божия Святителя Николая. Мне довелось присутствовать на Всенощном бдении и Божественной Литургии, сослужил батюшке отец Серафим, пели сестры обители. Во время вечерни отец Борис приходил на клирос и пел с сестрами, сам читал паремии. Он вышел на литию, а на утрени — на полиелей, сам помазывал освященным елеем. За Божественной Литургией батюшка поминал своего усопшего друга и наставника — протоирея Николая Гурьянова, а также моего почившего духовника игумена Исаяю, которые были в тот день именинниками. По окончании богослужения батюшка обратился к молящимся со словом назидания. А надо сказать, что ни одно совершаемое им богослужение не проходило без проповеди, как бы ни чувствовал себя батюшка — он считал проповедь Слова Божия своим долгом и обязанностью. Батюшка говорил о жизни святителя Николая, все добрые дела которого не может вместить ни одна книга, и даже множество книг: «Доброделание стало потребностью его боголюбивой души. Как злой человек не может не творить злое, иначе он не найдет покоя своей душе, так человек добродетельный любит и желает творить добро, находя множество причин сделать как можно больше благих дел. В сердце такого человека возрастает Божественная любовь, и он предвкушает небесные блага уже здесь на земле». Батюшка пожелал всем молящимся за богослужением прийти в эту меру, достигнуть этого благодатного состояния молитвами Святителя Христова Николая.

Жизнь батюшки на подворье в том году никак нельзя было назвать отдыхом, но, несмотря на плохое самочувствие, он продолжал свои духовные труды, с любовью и благодарностью относясь ко всем, кто оказывал ему хоть малейшую услугу.

Последнее богослужение батюшка совершал в день Святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла. Он келейно отслужил всенощную, за которой молились и сестры. Те,

кто в тот вечер молился с батюшкой в его келье, были потрясены силой его молитвы: он молился так же, как и всегда, строго церковной молитвой, изредка подпевая клиросным, но чувствовалось, что он стоит у некоей черты, отделяющей видимый мир от невидимого, и Святые Угодники сослужат ему. То, что соединяло батюшку с Горним миром, можно было бы назвать даже не молитвой, а общением. Батюшка готовился к переходу в вечность, вернее, готовил нас к этому событию. Он всегда предупреждал нас, что это время может наступить скоро, но в этом году с особенной грустью и яснее, чем всегда, говорил о расставании. Он давно приготовил себя для Царствия Божия, и жизнь на земле при его болезнях и скорбях была для него непрекращающимся страданием, но он жалел нас и, чувствуя приближение смерти, всячески старался нас поддержать и утвердить на спасительном пути.

12 июля 2005 года утром батюшка совершал Божественную Литургию. В сельский храм пришли молящиеся — постоянные прихожане, приезжие, дачники, жители окрестных деревень. Все испытывали особенный духовный подъем, молитвенно-радостное состояние. По совершении Литургии батюшка вышел говорить проповедь. Ему подали стул: стоять долгое время на амвоне он уже не мог. Когда мы с о. Серафимом усадили батюшку, вокруг него собралось множество детей. Взобравшись на ступеньку, они, подобно стайке птичек, сели около батюшки, а те, которые были постарше, подошли вплотную к амвону.

«Деточки...» — ласково произнес батюшка. Держа в руке Крест, он поприветствовал прихожан и поздравил их с праздником. Сказанное им слово было глубокомысленным. Он говорил о путях человеческого спасения: пути Апостола Петра — простого и «некнижного» человека, имевшего пламенную веру и любовь ко Господу; и пути Апостола Павла — разносторонне образованного богослова, имевшего не меньшее стремление к Богу и Его Царствию. Батюшка сказал, что в сей день Святая Церковь, вспоминая жизнь Апостолов Христовых, указывает нам эти два пути, чтобы мы, назидаясь примером Святых Угодников, выбрали бы ту стезю, которая нам подходит, в соответствии с нашим душевным устройением, воспитанием и образовани-

ем. «Послужите Господу, дорогие мои, тем даром, которого сподобил Он вас, теми способностями, которыми Он вас наделил. У Бога всего много: много дарований, много путей к Нему — неисчерпаемая бездна благодати. Старайтесь же жить по воле Божией, любите Господа и все его творение, идите к Царству Света — ведь ни для кого не закрыта дорога в Небесное Отечество», — сказал в завершении проповеди батюшка.

С осени 2005 года батюшка стал слабеть. В конце сентября, перед праздником Воздвижения Креста Господня, по благословению Святейшего Патриарха в монастырь была принесена великая Святыня — частица Животворящего Крестного Древа. В ожидании прибытия святыни сестры просили батюшку помолиться, чтобы им выдержать все труды и искушения, неизбежные при многочисленном стечении народа. «Где Крест Господень — оттуда бежит вся сила вражия. Не бойтесь», — сказал в ответ на просьбу батюшка. Испытания и трудности, несомненно, были, но великая сила Креста, неизреченная Божественная благодать ограждали наши души и подкрепляли в трудах.

Его Святейшество прибыл в обитель поклониться Святыне в день отдания праздника Рождества Богородицы. Поскольку наш монастырь основан матерью героя Куликовской битвы князя Владимира Андреевича Храброго, обитель была включена Его Святейшеством в число памятных мест, где проходили юбилейные торжества. 25 сентября Святейший Патриарх совершал в обители Божественную Литургию. Батюшка присутствовал на богослужении, но дойти до трапезной он уже не мог. Он благословил сестер прочитать за трапезой слово Святителя Кирилла Иерусалимского о Кресте Господнем и предоставил для этого книгу из своей библиотеки. В составленном же чтении на отдание праздника были отражены мысли батюшки о празднуемом Рождестве Пресвятой Богородицы и о битве на Куликовом поле, где совершилась духовная победа русских людей, которую предварило их глубокое покаяние, осознание необходимости единства, стремление к братской любви и желание духовного возрождения Святой Руси.

В 2005 году был выпущен в свет нотный сборник «Песнопения службы Святым Царственным Страстотерпцам

императору Николаю, императрице Александре, цесаревичу Алексею, великим княжнам Ольге, Татиане, Марии, Анастасии», распетые большим знаменным распевом. Автором этого сборника является батюшка, все стихиры, приведённые здесь, распел он сам.

...Последние беседы с сестрами батюшка проводил уже не в трапезной, куда ему трудно было дойти и подняться по лестнице, а в игуменском корпусе, в своей приемной. В последних беседах батюшка желал глубоко запечатлеть в сердцах слушающих учение Христово. Он как бы проводил духовную параллель между евангельской историей и жизнью нашей обители. Он говорил о том, как пять тысячелетий человечество ожидало Христа Спасителя, как люди готовились встретить и принять Мессию. Подобным образом долго готовил нас батюшка к тому, чтобы мы приняли Евангельское учение о Царствии Божиим и Божественной Любви!

«И вот, пришел Спаситель, — говорил батюшка о первом пришествии Христовом, — не в славе, а в уничижении, показывая нам путь смиренномудрия и кротости и сокрывая от врага нашего спасения «кѣіію кѣгочѣтіа тѣінѣ»<sup>1</sup>. Он воплотился от целомудренной и смиренной Приснодевы, воспитанной во Святаия Святыя, привыкшей дышать священным воздухом Храма Господня и принимать волю Божию. Батюшка останавливался и на событиях жизни святых родителей Предтечи и самого Крестителя Господня, описанных Евангелистом Лукой, который был близок к этому семейству: он показывал, как пример святых может научить вере, смирению перед Богом, нежеланию славы человеческой, жизни в Боге... Иисус Христос, как истинный, совершенный Человек «рагчѣше њ крѣплѣшегѣ дѣомѣ»<sup>2</sup>, пребывал в послушании у Своей Пречистой Матери и мнимого отца, любил природу, из жизни которой впоследствии черпал многочисленные образы и сравнения для Своих притч. Он был крещен Предтечей, исполняя «кѣіакѣ прѣкдѣ»<sup>3</sup> (что означало также и помазание свыше на царское, пророческое и первосвященническое служение), совершил Божественную Четыредесятни-

<sup>1</sup> I Тим. III, 16.

<sup>2</sup> Лк. II, 40.

<sup>3</sup> Мф. III, 15.

цу в пустыне, даруя людям силу и благодать побеждать врага-диавола, призвал к Себе учеников, создав единственную в то время на земле школу духовной жизни».

Батюшка объяснял нам Заповеди Блаженства, сопоставляя их со степенями духовной жизни и показывая возможное возрастание человека в Законе Господнем. Рассказывал об избрании Господом двенадцати Апостолов и о наставлениях, данных им Божественным Учителем, разъяснял содержание беседы Господа с Никодимом. Наш духовный отец желал, чтобы мы твердо знали основные догматы нашей Православной веры, а также чтобы мы старались жить по Заповедям Божиим и Евангельские строки не были бы для нас «просто буквой», не имеющей реальной отношения к жизни, но чтобы наши души ожили и пробудились для истинной жизни в Боге. Батюшка говорил не об отвлеченных предметах, но о высшей реальности, о том, чем жила его боголюбивая душа... С каким благоговением и душевным трепетом он рассказывал о Царице Небесной: «Сколь немногое, — говорил он, — мы можем прочесть о Ней в Священном Писании, и сколь о многом Она просила умолчать святого Евангелиста Луку, с которым беседовала и которому передала подробности Своей жизни единственно для Славы Божией. Но и того немногого достаточно, чтобы Ее ублажили «кѣи рѣди»<sup>1</sup> человеческие. Пусть же и нам послужат примером добродетели Матери Божией: смирение, скромность, целомудрие, кротость, молчаливость, отсутствие тщеславия, любовь к врагам. Она достигла высшей степени христианского совершенства, и ее несказанное смирение и преданность Воле Божией были возвеличены Богом настолько, что Она сподобилась стать Препоблагословенной Богородицей, Матерью Христа Господа».

Отец Борис часто пел догматик седьмого гласа «Мѣти ѡѣкѡ познѣмѣа ѡи» большого знаменного распева: святые мысли и чувства песнотворца уже давно соделались его собственными. Глубина и таинственность седьмого гласа и чувство благоговения и любви батюшки к Матери Господней каждый раз создавали впечатление, что он видит каким-то иным, внутренним зрением духовный мир и возно-

---

<sup>1</sup> Лк. I, 48.

сится духом в горнее Царство Славы. Он говорил, что профессор Ленинградской Духовной Академии Заболоцкий, читая лекцию о знаменном пении, вдохновенно произнес: «Когда я пою знаменное, меня здесь нет. Я весь — там (и он показал рукой на Небо). Если бы меня спросили, как поют на небесах Ангелы и Святые, я бы без промедления ответил, что их пение очень близко к знаменному». То же самое мог бы сказать и сам батюшка. Его пение догматика открывало слушающим богословие в слове и музыке.

Здесь и прославление Матери Света, Чистой Девы, родившей Богочеловека «пáче глòба и́ рáзумá», и благоговейное, священное недоумение перед великой тайной: «и́ чòдèè ржтвá твоиò сказати ѿзвѣкъ не мòжетъ», — батюшка выделял это «не», как бы говоря «умолчанного не испытывай, ибо все великое и дивное мы научены чувствовать молчанием». В этом пении слышалось и небесное ликование и предвкушение Царства Славы: «прелáкнѹ ко гшцѹ»; и удивление перед непостижимым сошествием Божиим на землю: «непòстижнѹ гшгь сòбразѹ рòждѣнiя». Здесь было и проповедание всемогущества Божия, силы Господней: «ндѣже ко хòщетѹ бгѹ», — в этом месте рука батюшки возносилась вверх и на слове — «бгѹ» делала утверждающий жест, и его голос приобретал новую силу, отражая непреложность истины. А после, на словах «пòбѣждáетѹ гшгьтвá чинѹ», и голос и рука батюшки вещали о Господе, как о Владыке всего, все исполняющем, проникающем в самые глубины человеческого естества, Законодателе, могущем изменить ход положенных Им естественных законов, совершающем все сие ради спасения людей — здесь рука батюшки с высоты постепенно шла вниз, как бы в глубину. В завершении же стихиры — исповедание Приснодевы истинной Матерью Божией и прилежная к Ней молитва о спасении всех нас.

Отец Борис пел этот догматик в то время, когда говорил о Царице Небесной или о знаменном пении, чтобы пояснить на примере и глубже запечатлеть в сердцах слушателей духовные истины. К концу жизни голос батюшки несколько ослабел, но не только не потерял своей выразительности, а и приобрел нечто неуловимое, неотмирное, проникающее до глубины души — какую-то поразительную способность доносить до сердца то, что было им сказано.

Батюшка в последний раз причастился Святых Христовых Таин 10 декабря 2005 года на праздник иконы Божией Матери «Знамение», то был день диаконской хиротонии его духовного сына о. Серафима. До последних дней своей жизни он нес крест духовничества. Последнюю беседу с сестрами он провел за неделю до кончины. Темой ее была беседа Спасителя с самарянкой. Батюшка сказал о «вѣрѣю пришедшей на клѣдзь самарянынкѣ»<sup>1</sup> словами Златоуста: «Это была душа благомыслящая»<sup>2</sup>. И нас он увещевал мыслить о всех благое, никого не осуждать, всех оправдывать, отвергать злые вражеские прилоги — помыслы ропота, зависти, возношения и прочие, пребывать в богомыслии, трезвении, любви друг к другу, молитве. Он обещал, что «будет строго с нас спрашивать все то, чему нас учил», что изложено в его книге «Духовная жизнь». Кто бы мог тогда подумать, что это обещание «строго спрашивать» будет относиться ко всей нашей последующей жизни, что все, сказанное в тот раз батюшкой, — это своего рода духовное завещание нам, его детям!

Теперь батюшка говорил тихо, и на последних беседах постоянно спрашивал, хорошо ли мы его слышим и все ли мы понимаем из сказанного. Он хотел напоследок духовно «напитать» нас, уяснить все, что нам непонятно. Когда он говорил о Спасителе, увидевшем идущих к Нему людей, позванных самарянкой, и сказавшем Апостолам, что «нивы побелели и готовы к жатве»<sup>3</sup>, то с любовью обвел добрым, непередаваемым взглядом всех сидящих, как бы прощаясь с нами. Этим он дал нам понять, что нивы, которые дал ему самому Господь, — это наши души, введенные им в духовную жизнь. За несколько дней до смерти он еще принимал на исповедь сестер. Он попрощался со всеми, дал последние наставления, а скорбящих — утешал.

В пятницу, 23 декабря, батюшка почувствовал себя хуже. Похоже было, что у него какое-то инфекционное заболевание, поднялась температура, он жаловался на боль в спине. Но, несмотря ни на что, он принял на исповедь двух

---

<sup>1</sup> Кондак Недели о самаряныне.

<sup>2</sup> Иоанн Златоуст, Свт. Творения. СПб., 1902. Т. VIII. С. 208.

<sup>3</sup> Ин. IV, 35.

сестер. В субботу, 24 декабря, он с трудом мог встать с постели, но, когда келейница спросила его, будет ли он принимать сегодня сестер, он ответил утвердительно и, встав, пошел на Исповедь. В воскресенье 25 декабря состояние батюшки ухудшилось, у него началось рожистое воспаление на ноге, температура поднялась до 40 градусов. Мы приняли все меры, чтобы облегчить его страдания и хоть немного «сбить» температуру, вызвали врача. Батюшка ощущал сухость во рту; профессор Александр Викторович Недоступ, у которого я, помимо вызванного врача, консультировалась по телефону, сказал мне, что это — очень плохой признак. В понедельник, 26 декабря, состояние дорогого больного несколько улучшилось, но ненамного. Ночами батюшка не спал, по-видимому очень страдая, у его постели постоянно дежурила келейница Зоя. Ему было тяжело, «нечем» дышать, он постоянно просил то усадить его на постели, то снова положить: из-за чрезмерной слабости он не мог сам ни сесть, ни лечь. Память и сознание батюшки были ясны, он хорошо понимал все происходящее, всех помнил и узнавал. Большое утешение доставляли батюшке посещения Николая Гурьянова, которого батюшка очень любил.

Во вторник, 27 декабря в день памяти Священномученика Илариона (Троицкого), я присутствовала на патриаршем богослужении в Сретенском монастыре. Служба совершалась благолепно и торжественно, но на душе моей было скорбно: я с тревогой думала о батюшке. Молясь о здравии духовного отца, как будто слышала в своем сердце ответ: «Батюшка уходит». В этот день я застала батюшку живым, но слабеющим. Ночь прошла без сна. На следующий день, 28 декабря, праздновалась память Преподобной Софии Суздальской — одной из Святых покровительниц нашей обители (она принимала монашеский постриг в ее стенах). По монастырским делам мне пришлось уехать на целый день на подворье, и вернулась только к вечеру. Батюшка ждал меня. Он всегда меня ждал, но в этом последнем ожидании было нечто такое, чего словами не выразить. «Наконец-то ты приехала!» — сказал он. У меня, как обычно, было еще «море» дел. Но батюшка предупредил: «Смотри, этой ночью не суетись, ничего не делай», и попросил остаться с ним. Повинуясь одновременно какому-то внутреннему чувству и сло-

вам батюшки, я послушалась и осталась около него. То же внутреннее чувство побудило меня задать вопрос:

— Батюшка, может быть, вы хотите причаститься?

— Зачем? — спокойно и уверенно ответил он. — Я ведь недавно причащался.

— Может быть, вас пособоровать?

— Да я уже в этом году соборовался.

Голос батюшки был на удивление спокойным. Ни страха, ни переживания не слышалось в его словах, но только — прощальная ласка и любовь: он был готов идти «домой», в Небесное Отечество.

Мы с келейницей начали делать перевязку больной ноги батюшки и слышали от нашего терпеливого старца кроткое вразумление: «Скоро ли вы кончите? Это уже не нужно». Закончив, наконец, хлопотать, уложили батюшку, но через некоторое время он попросил посадить его на постели. Мы смогли усадить его между собой и, поддерживая его с обеих сторон, сидели, тихо о чем-то разговаривая. Вдруг батюшка стал клониться в мою сторону. Облокотившись на меня и положив мне на плечо свою седую голову, он весь как-то просветлел, его дыхание становилось реже и реже, и через несколько мгновений он предал душу Богу на моих руках.

«Батюшка умер», — такие слова сказала я, позвонив по телефону сестрам, собравшимся в этот вечер в храме и молившимся о здравии его (прежде я просила их помолиться, сказав, что батюшка очень слаб). Сестры ответили: «Этого не может быть!!!» Было 11 часов или начало двенадцатого ночи. Родной батюшка нас покинул... Но — нет! Он — рядом, совсем рядом, ощущения смерти нет, а в душах — лишь благоговение перед совершившимся таинством. Все так же слышен бой батюшкиных часов, милостивым взором смотрит с иконы Богоматерь... А из-за невидимой черты, за порогом Вечности обращен на нас тот же внимательный, глубокий, добрый взгляд...

В этот поздний час я позвонила в Зачатьевский монастырь матушке Иулиании (Каледа) и протоиерею Николаю Важнову, и они не замедлили приехать. С подворья к нам срочно выехал отец Серафим.

Тело батюшки облачал отец Николай, а помогал ему духовный сын покойного Николай Гурьянов и подъехавший

позже о.Серафим. По облачении и положении тела во гроб о. Николаем и о. Серафимом была отслужена первая заупокойная лития, на которой присутствовали мы с матушкой Иулианией и все сестры обители. После литии мы распределили между всеми время чтения Псалтири по усопшем, а о. Серафим взял на себя чтение Св. Евангелия. Отец Николай обещал приехать на отпевание и оказать помощь. Он сердечно поблагодарил за приглашение облачить тело усопшего, почтя за честь послужить и отдать последний долг достойному священнослужителю-исповеднику.

...После бессонной ночи ранним утром одной из сестер, шедшей читать Псалтирь по усопшему духовному отцу, пришли на память такие строки Священного Писания: «Трости надломленной не переломит и льна курящегося не угасит»<sup>1</sup>. Эти слова пророчества о Христе как нельзя лучше подходили к Его последователю: как духовник и пастырь он был именно таким. Другая сестра сказала, что всю жизнь батюшки и особенно последние дни пребывания его с нами можно было бы обозначить одним словом, написанным золотыми буквами: Смирение. Это также сказано верно.

День 30 декабря — день памяти пророка Даниила и трех отроков, которых батюшка любил и чтил, часто о них упоминая, был проведен нами в неизбежных хлопотах, чтении Св. Евангелия и Псалтири, служении панихид и литий в келье батюшки, где до времени вечернего богослужения находился гроб с телом усопшего. Около пяти часов вечера была отслужена последняя лития, и гроб с телом дорогого батюшки был с пением Трисвятого перенесен в храм и поставлен в центре храма. Началась вечерняя заупокойная служба, на которой присутствовали духовные дети почившего батюшки. За богослужением вечерни пятницы и утрени субботы вместе с песнопениями Мученику Севастиану и дружине его пели и заупокойные стихиры. Пели и догматик уходящего второго гласа большого знаменного распева: «Прѣйде г҃ь законна, бл҃годѣти пришѣдши» и на утрени — ирмосы канона — «Грдѣте людїе» также большого знаменного. Это воспринималось уже как наследие отца Бориса. Второй

---

<sup>1</sup> Ис. XLII, 3, Мф. XII, 20.

глас — глас Божественной любви, отражающий лучше других и идею Приснодевственного Материнства Царицы Небесной. По рассуждению Святых Отцов об осмогласии, как говорил батюшка, второй глас — есть также и глас перехода, прехождения от одного периода к другому, от временного к вечному. Слова многих заупокойных песнопений второго гласа повествуют о моменте разрешения души от тела и первых мгновениях после этого непостижимого перехода, а мелодия осмогласия всегда строго подчинена слову... Батюшкин голос больше не подпевал хору, но в сердцах поющих остались его слова и учение. И совпадение с песнопениями второго гласа, звучащими над телом почившего, воспринималось как некоторая закономерность: имевший в душе Божественную любовь, любивший и славивший Матерь Божию уходит в вечность — и остается с нами навсегда в своем слове и учении.

В ночь с 30 на 31 декабря над гробом дорогого усопшего читалось Св. Евангелие священнослужителями монастыря и Псалтирь — сестрами обители. Всю ночь в храме молились сестры, не имея сил покинуть батюшку. Они ставили новые свечи у гроба, поправляли горевшие лампадки. Не один раз за ночь они подходили к почившему и прикладывались к той руке, что благословляла их на доброе и указывала путь в Царство Небесное. Руки усопшего были белыми, мягкими, словно живыми, и от них веяло не могильным холодом, но — легкой, приятной прохладой. Это были все те же руки отца; и все так же сестры стремились подойти к батюшке, как тогда, когда он сидел на монастырском дворике или совершал прогулку.

Наступило утро. Покров гроба был усыпан цветами от сестер и духовных детей почившего. Приехал благочинный нашего округа протоиерей Олег, который должен был, по благословению Святейшего Патриарха, совершить Божественную Литургию и возглавить чин отпевания. Постепенно съезжалось духовенство из окрестных московских храмов; исполняя обещание, приехал и протоиерей Николай<sup>1</sup>. За Божественной Литургией всеми ощущалась благодатная молитвенная атмосфера богослужения, принесшая успоко-

---

<sup>1</sup> Всего на отпевание собралось 16 священников и 4 диакона.

ение и мир сердцам: мы понимали, что духовный отец нас не оставил, что он молится о нас.

Начался чин отпевания. Все песнопения и молитвословия этого чина приобретали для нас новый смысл: батюшка, невидимо присутствуя среди нас, говорил душе каждого, что он не умер, но перешел в иную, вечную жизнь, «и́дѣже нѣсть колѣзнь, ни печаль, ни коздыхніе», как и прежде напоминал о тленности всего земного и скоропреходящего. Вспомнилось объяснение им заупокойных стихир преподобного Иоанна Дамаскина — одного из создателей осмогласия...

В минуту нашей общей скорби Господь послал нам утешение. Отец Олег зачитал послание Святейшего Патриарха, адресованное к моему недостоинству и сестрам обители, по случаю кончины духовника нашей обители. Его Святейшество, как любящий отец, обратился к нам со словами утешения и отметил заслуги того, кому он сам вручил нас, грешных<sup>1</sup>. Милостивые слова нашего Первосвятителя поддержали и ободрили нас, за что я искренне благодарна Его Святейшеству.

Запели любимые стихиры батюшки на подобен «ѿгдѣ ѿ дрѣка», «Прїидїте поглѣдне цѣлокѣніе дадїмъ, братїе, оумѣрше мѹ, благодарѣще б҃га» (эти слова подчеркивал сам батюшка, пропевая данную стихиру). Сестры и богомольцы, духовные дети почившего, стали поочередно подходить ко гробу, прощаясь с телом дорогого усопшего. Он как бы безмолвно вещал нам: «Я с вами не прощаюсь. Я буду спрашивать с вас то, чему учил каждого, буду о вас молиться. Ведь любовь о Господе не может умереть!» При жизни отец Борис говорил нам о стихирах, исполняемых при «последнем целовании»: «Стихиры эти положены Святыми Отцами на подобен второго гласа «ѿгдѣ ѿ дрѣка». А что сделал Бахметьев? Он переложил эти песнопения на мелодию шестого гласа, совершенно изменив их характер. Зачем? Чтобы все это соответствовало придворному, светскому, а не церковному, понятию о погребении: если человек умер, значит, об усопшем нужно безутешно скорбеть, нужно отразить в песнопениях плач. Безусловно, можно и плакать, можно и в песно-

---

<sup>1</sup> Текст послания см. приложения, с. 241.

пениях выразить плач, как это прекрасно и выражено в стихирах на подобен «Бгда ѿ дрѣка», но плач — какой? Плач — с молитвой, плач — с надеждой! В песнопениях знаменного распева нет сплошного минора или сплошного мажора, подобно тому, как в земной жизни не бывает совершенной радости или безутешной скорби. «Кѣа жнчѣйкѣа глѣдотчѣ прѣкыкѣатчѣ печѣли непрѣчѣтна; кѣа ли глѣка стоитчѣ на землѣ непрѣлѣжна;» Батюшка молился о нас, и наш плач не был безутешным, но растворялся упованием, и нас утешала мысль, что земные страдания батюшки прекратились, а они были очень велики, поскольку он страдал за всех нас.

По завершении чина прощания гроб с телом почившего был обнесен вокруг храма с пением ирмосов «Помѣщннкѣ ѿ покрокѣчгѣль» и принесен в монастырскую усыпальницу, где была совершена лития. Новопреставленному пропели «кѣчнѣю пѣмѣчѣ», и при пении гроб был опущен в могилу. Святейший Патриарх благословил похоронить духовника нашей обители, много потрудившегося для ее возрождения, в монастырской усыпальнице. Мы глубоко и искренне благодарны Его Святейшеству, ибо всегда имеем возможность прийти на дорогую могилку и помолиться о упокоении нашего духовного отца. Мы возносим свои убогие молитвы за усопшего, а он предстательствует о нас пред Богом.

Для меня самой было очень знаменательно то, что духовника женского монастыря, духовного сына Иоанновских стариц, потрудившегося в деле возрождения женского монашества и воспитания монашествующих, провожали в последний путь инокини двух Московских обителей — Зачатьевской и нашей Богородице-Рождественской, и сестра из Елеазаровского монастыря. После празднования Рождества Христова могилу батюшки посетила и матушка игуменья Филарета с сестрами Подворья Пюхтицкого Успенского монастыря, почтив память почившего.

«Господь привел меня на духовную родину», — говорил батюшка. Дай нам Бог, молитвами почившего, затеплить в своих сердцах хоть малый огонек от того света, которым сияли древние обители, славившиеся высокодуховной жизнью своих насельниц!

Смиранный пастырь, незаметно и скромно проживший жизнь в далекой глухой деревне, но много сделавший для

Царствия Божия, был погребен в центре первопрестольного града. Он любил наш город и его верующих, молился за них, всегда поминая священноначалие, власти, своих благодетелей и духовных детей, и всех, кто ему был близок и дорог, а его сердцу был дорог каждый человек, ибо он видел в каждом образ Божий и неповторимую личность. Он был Православным Христианином с большой буквы, Сыном Церкви и её служителем. Он трудился «в доме Отца Небесного, ибо хорошо повиноваться Отцу»<sup>1</sup>. Дорогой батюшка, вечная память тебе, родной.

### ОТНОШЕНИЕ ОТЦА БОРИСА К БОГОСЛУЖЕНИЮ

Батюшка был образцовым священнослужителем, благоговейно и по уставу совершавшим Божественную службу, а также и молитвенником, глубоко сопереживавшим происходящему за богослужением, самой своей молитвой помогавшим молящимся с ним, хотя бы отчасти, постичь глубину, премудрость и красоту богослужения, почувствовать близость Горнего мира. К вышеупомянутым примерам из жизни батюшки можно было бы прибавить еще следующее. Как священнослужитель, он не отказывал в совершении треб, а тем более — Таинств. Перед совершением треб батюшка никогда ничего не ел, как бы поздно они ни совершались. На уговоры «перекусить что-нибудь» он всегда отвечал: «Сытое брюхо для ученья глухо, а для молитвы — тем более». Совершив чин отпевания, он, по обыкновению, поминал усопшего целый год ежедневно, а по истечении этого срока — на родительских.

Он добросовестно совершал свое служение, считая себя обязанным передать свои обширные знания тем, кому они могут принести пользу. Когда батюшка служил в Толбичах, он собрал, выучил и духовно воспитал большой хор. Сам он пережил всех своих певчих. Он учил поющих не только «петь разумно», но и «жить знаменно». Он заботился о том, чтобы певчие вникали в смысл богослужения. Та-

---

<sup>1</sup> Григорий Богослов, Свт. Слово 40 на Святое Крещение // Творение. Сергиев Посад, 1994. Т. 1. С. 551.

кое воспитание принесло свои плоды. Батюшка рассказывал, как бы не о своем приходе: «Один простой крестьянин пришел в храм на богослужение, а в том храме и батюшка, совершая службу, молился, и певчие также молились, поя Господу. После службы батюшка спросил этого крестьянина: «Ну что, Николай, ты понял, что-нибудь из того, что пели и читали?» Простой, но чуткий душой сельский житель ответил: «Не понял — а хорошо!» К сему рассказу батюшка обычно присовокуплял небольшое наставление о том, что в наше время в храмы часто заходят люди, которые не имеют понятия ни о духовном мире, ни о Церкви — знают лишь, что есть Бог, и больше ничего. И если они почувствуют, что у нас, верующих, царят любовь и мир, что мы понимаем, Кому мы молимся и Кого прославляем, что наши чувства искренние и мы «не играем», подобно артистам, а сопереживаем происходящему за богослужением, поем, читаем, если они услышат проповедь веры и с клироса, если жизнь поющих и служащих будет соответствовать проповедуемой Истине, то такие люди останутся в лоне Церкви, потому что им, хотя они многого и не понимают, будет хорошо.

Вот еще один небольшой рассказ, характеризующий батюшкиных певчих. «Была у меня одна певчая, — рассказывал батюшка, — звали ее Анной. Она не знала нотной грамоты, выучилась петь со слуха, но пела чисто, без фальши, имела красивый сильный голос (дискант). Она часто просила меня: «Батюшка, давайте споем «*Чръгѡгъ чкѡй*». Я ей, бывало, скажу: «Нюра, да ты ведь не допоешь, плакать будешь». — «Нет, батюшка, не буду». Начнем мы с ней петь — а она до конца допеть не может, плачет. Душа у нее чуткая была, она сокрушалась о своем недостоинстве и грехах. Так мы ни разу с ней этого песнопения до конца и не допели».

С первого года своего пребывания в обители батюшка — старейший «знаменщик» России, как называли его при жизни любители древнего распева, — начал постепенно раскрывать перед нами мир знаменного пения, читая небольшие лекции, посещая наши монастырские спевки. «Я — поклонник знаменного распева, но я его не боготворю, — говорил батюшка, — самым главным в песнопении является его содержание, его слово, а мелодия наша называется сло-

весной, поскольку она служит слову, отражая его смысл и досказывая то, что невозможно выразить словами... Никаким инструментом невозможно заменить человеческий голос, потому что он выражает тончайшие переживания человеческой души. Нельзя «сделать» эти переживания искусственным путем. Чтобы разумно петь знаменное, надо жить знаменно». Голос батюшки мы запомнили, наверное, на всю оставшуюся жизнь, подобно тому, как овцы знают голос своего пастыря. Он непередаваемо читал Евангельское зачало о Пастыре Добром на службах, посвященных Святителям. Этот голос подпевал нашему маленькому хору из алтаря, и, каким бы тихим он ни был, его было слышно и в самом дальнем уголке храма; этот голос подбадривал нас в минуты скорби, он мог быть исполненным простоты или Божественного вдохновения либо, что было весьма редко, раздаваться, как громовые раскаты, правда, без тени гнева и раздражения, без малейшей злобы.

Он говорил, что наше богослужение — это пение Богу и священнодействие, но и вся жизнь человека вообще может быть богослужением и непрестанной молитвой (в широком смысле этого слова). Отец Борис часто говорил нам в назидание, объясняя слова псалмопевца Давида, что посещающий храм Божий начинает «зрѣти крѣпость гдѣни», и постепенно жизнь Церкви становится и его жизнью, и он уже духом пребывает в «домѣ гдѣни всѣхъ днѣхъ животѣхъ»<sup>1</sup>, и находясь в храме, и вне его святых стен. Батюшка благоговел перед храмом Божиим, ощущая в нем особенное, благодатное присутствие Самого Бога. Он любил богослужение, и посещение храма было для него необходимостью.

Отец Борис помогал возрождать богослужебно-молитвенную жизнь обители, напоминая о необходимости совершения богослужений в соответствии с Церковным Уставом — Типиконом. Но говорил и о том, что, по традиции Русской Православной Церкви, мы должны чтить память и русских Святых, службы которым далеко не всегда указаны в Типиконе. Количество бдений, которые совершаются «ѣще и зкѣпчѣхъ нагтоуѣтель», должно, по мнению батюшки, соответствовать сложившимся традициям и быть

---

<sup>1</sup> Пс. XXVI, 4.

сообразовано с духовными силами молящихся. Он учил сестер богослужебному уставу, написав для них пособие, в котором раскрывается смысл и закономерность уставных правил, составленных Святыми Отцами на основании Священного Писания и Божественных законов. Батюшка объяснял, что история Божественных установлений уходит своими корнями к началу Мироздания, например то, что церковный день начинается с вечера: «И кы҃сть к҃ч҃еря, и кы҃сть о҃҃тро, дѣнь ѿд҃них»<sup>1</sup>. «в҃ч҃ернее поклонѣнїе, — воспевают Святые Отцы, — приносимъ тебѣ неск҃р҃немѹ ск҃тѹ»<sup>2</sup> и т. д.

## ОТЕЦ БОРИС И ДУХОВНЫЕ ЧАДА

Батюшка был для каждого из нас истинным духовным отцом: он не разделял своих чад на категории «хороших» и «плохих» и не пытался избавиться от тех, кого окружающие люди считали «плохими», недостойными, приносящими батюшке страдания или вред. Нет, он не отвергал таких, но принимал всех тех, кто был послан ему Богом, какими бы мы ни были, и за его молитвы, труды, смирение и долготерпение Господь совершал чудо изменения человеческих душ к лучшему. «Трудных» детей он, казалось, любил больше, ободряя их добрым словом и лаской, покрывая их немощи любовью. Батюшка часто вспоминал преподобного Макария Египетского, своим приветливым обращением и добрым словом соделавшаго из языческого жреца христианина и монаха. Когда мы спрашивали его: «Батюшка, как же Вы нас, таких вот, терпите?», он всегда рассказывал одну и ту же историю, неоднократно встречающуюся и в патериках, и в житиях Святых, о том, как к одному святителю пришла богатая женщина преклонных лет, прося дать ей девушку в услужение, которая могла бы принести пользу и ее душе. Святитель нашел ей кроткую и смиренную послушницу. Но та женщина, желавшая для себя пользы духовной, не была довольна выбором святителя. Тогда он прислал к ней служанку гордого и строптивого нрава, которая била свою госпожу и всячески досаждала ей. И раба Божия, на сей раз,

<sup>1</sup> Быт. I, 5.

<sup>2</sup> Стихира на «Г҃дн коззв҃ах҃» в субботу на великой вечерне, гл. 5.

осталась весьма довольна и благодарила святителя. Так и наш батюшка видел во всем происходящем Промысел Божий и умел из всего извлекать духовную пользу, стремясь научить и нас тому же. Ничто не могло ему повредить. Так «ἰζκοδὰ χεῖρὸς ἰὼ ἠεδογχοῖναγω»<sup>1</sup>, он был воистину как бы устами Божиими, провозвестником Его Святой Воли. Батюшка имел от Господа дар рассуждения: он, при необходимости, мог быть снисходительным или строгим и, по слову Апостола Павла, «κτῆμα κτῆμα κτῆμα»<sup>2</sup>. Его кротость не была лицемерной, батюшка мог переживать, выражать свою боль и сожаление, но слушающий чувствовал, что не гнев и раздражение движет батюшкой, но искреннее желание помочь. «Ну, доченька, что же это такое? — скажет бывало батюшка, — я сейчас должен буду тебя поругать...» А после этого он начинал объяснять, в чем заключалась ошибка.

Кроме таковых бесед, у нас иногда получались совсем неожиданные, «незапланированные» беседы и встречи с нашим духовным отцом, например, во время его прогулок, когда он потихоньку ходил по монастырскому двору с палочкой, или сидел в кресле около игуменского корпуса. Бывало, что я потихонечку совершала с ним «обход» всей обители: батюшка сидел в специальном инвалидном кресле, а я катала его по монастырским дорожкам. Тогда все сестры старались собраться вокруг батюшки и в непринужденной обстановке задавали ему различные вопросы. Батюшка очень любил, когда его духовные дети предлагали ему вопросы, и всячески поощрял в нас интерес к духовной жизни, желая, чтобы его не боялись и не стеснялись спрашивать необходимое. Каждая стремилась подойти к батюшке, принять его благословение, поговорить с ним. Это были незабываемые беседы, когда мы чувствовали в нем именно отца.

Темы бесед с батюшкой во время его прогулок были самыми разнообразными, характер их, хотя и зависел от вопросов сестер, по преимуществу был духовным и назидательным: батюшка имел широкие и глубокие познания в разных областях человеческой жизни и огромный духовный опыт, он мог ответить на любой вопрос и своим ответом

---

<sup>1</sup> Иер. XV, 19.

<sup>2</sup> I Кор. IX, 22.

направить мысль собеседника к небесному, духовному. Он проводил жизнь внутренне собранную, сосредоточенную, и каждая чувствовала, что и во время беседы батюшка молитвенно предстоял Богу. Но в этом не было и тени отчужденности: он, как солнышко, согревал нас своей любовью, сопереживая нам и жалея каждое страдающее создание Божие, от человека с его скорбями до голодного зверька или сорванного цветка, но дух его возносился горе, ко Творцу всяческих, и его молитва, как незримый мост, соединяла оба мира — земной и небесный. Побывать рядом с ним, просто так, даже не говоря ни слова, в молчании, сестры почитали за счастье, однако батюшка всегда спрашивал: «Доченька, а у тебя — выходной? На каком ты послушании? Ты не удержишься?» Дело Божие, исполнение воли Господней он ставил превыше всего.

Один раз, беседуя с нами о том, возможно ли любить Бога и приблизиться к Нему, «живущему во Свете неприступном», о Господе Иисусе Христе, воплотившемся от Приснодевы и искупившем нас «Ѡ клѣткѣ законныа чѣноу свою кровію», батюшка спел нам догматик пятого гласа знаменного распева, который завершается молитвенным обращением к Богу: «сѣй ѿ прѣжде сѣй, ѿвлѣи глѣ ѿкоу человекѣх, кѣже помѣлѣи насѣ»<sup>1</sup>. Богословие в звуке здесь выразилось в том, что на слова «сѣй ѿ прѣжде сѣй» святым песнотворцем положена фита. И батюшка исполнял догматик настолько глубокомысленно и духовно, что идея вседеприсутствия, всемогущества и безграничного милосердия Божия становилась ближе, понятнее, мысль передавалась слушающим, насколько кто мог ее воспринять.

Я могла бы привести много назидательных и трогательных примеров и случаев из жизни, свидетельствующих о любви и молитвенной помощи батюшки духовным детям, но я желаю предоставить возможность другим рассказать о нашем духовнике.

*Игуменья Викторина*

---

<sup>1</sup> См. стихиры на «Гдѣ воззвѣхѣх» в субботу на великой вечерне.

## ВОСПОМИНАНИЯ ДУХОВНЫХ ЧАД

Когда матушку назначили в Москву возрождать Богородице-Рождественский монастырь и мы поселились в обители, то, я думаю, по молитвам наших старцев, Господь открыл нам об отце Борисе. Отец Борис жил и служил в Псковской области в деревне Толбицы. Зимой батюшка сильно заболел и нуждался во врачебной помощи, тогда Николай Гурьянов привез его в Москву на лечение. Батюшка был очень слабенький, передвигался с помощью других. При встрече с ним, у меня сложилось впечатление, что это «старинный» батюшка, каких сейчас можно увидеть только на дореволюционных фотографиях. Хотя батюшка был очень больным, но при общении с ним чувствовалась благодатная сила, исходившая из его любящего сердца. У батюшки было слабое зрение, и при встрече он внимательно рассматривал собеседника из-под очков, и было ощущение, как будто батюшка видит человека насквозь.

С шести лет батюшка постоянно посещал храм. В то время недалеко от его дома находилось несколько женских монастырей, и потом он часто с любовью вспоминал о монашествовавших, с которыми был тесно связан и которые заложили в нем любовь к храму, правильное отношение к людям и благодаря которым он выбрал свой путь служения Богу. Он часто говорил, что духовная жизнь его началась в женском монастыре, и кончил он свою жизнь духовником женского монастыря.

Один раз мне пришлось побывать у батюшки в Толбицах, где он прослужил всю свою священническую жизнь. Стоя на службе и слыша голос отца Бориса из алтаря, я не могла сказать, что это голос восьмидесятилетнего старца. После службы батюшка пригласил нас к себе на трапезу в дом, где жил. Простая обстановка дома века батюшкиных родителей свидетельствовала о гостеприимстве хозяина и в то же время о его смиренной простоте.

После первого своего приезда в монастырь батюшка стал приезжать по два-три раза в год, и его ждали с нетерпением. При каждом посещении батюшка исповедовал сестер, проводил беседы о Священном Писании и о монашес-

ком житии. Беседы эти были глубокими и содержательными и охватывали большой круг вопросов.

Батюшка был очень музыкальным и обладал прекрасным голосом, сохранившимся до последних его дней, основательно знал знаменное пение, которому приобщился еще в молодые годы. Батюшка привил сестрам любовь к знаменному пению, сам проводил спевки, во время которых старался довести до нас духовный смысл песнопений, чтобы, исполняя их молитвенно и благоговейно, мы могли предать эти чувства всем присутствующим в храме.

Каждое слово в наставлениях батюшки было твердым и весомым: чувствовалось, что всё сказанное им испытано жизнью. Он обладал особым чувством долга и ответственности, и каждый раз, преодолевая слабость физических сил, с большим трудом и напряжением выполнял свое послушание Богу, воодушевляя себя словами — «я должен это сделать». У батюшки была хорошая память, такая, что он всех поминал без помянника. Его познания были разнообразны и обширны, батюшка мог удивить собеседника глубиной и подробностью ответов во многих областях знания.

Для всех нас батюшка был как Ангел Хранитель. Он очень переживал за духовную жизнь сестер и, когда у нас что-то получалось, радовался как ребенок и плакал от радости.

Приходя на исповедь, я всегда видела в батюшке полноту любви, сопереживание моим немощам, получала от него утешение и наставление к исправлению. Он почти всегда говорил: «доченька, ищи прежде всего Царствия Небесного». Я верила и не сомневалась, что по его молитвам Господь все устраивал к моей пользе. С того времени, как батюшка переселился в наш монастырь, я имела счастье видеться с батюшкой каждый день и рассказывать ему все проблемы: очень часто, приходя к нему и рассказывая свои «хождения» по разным организациям, прибавляла: «По Вашим молитвам Господь все устроил». На что он всегда отвечал: «Доченька, это по вере твоей», — и всегда смиренно отказывался, ничего себе не приписывая. Я унывала и расстраивалась из-за того, что не всегда могу попасть на службу и постоянно пребываю в суете. А он в ответ только и скажет: «Доченька, у матушки — корабль, а у те-

бя — машинное отделение», и сразу как-то все внутри успокаивалось.

За несколько дней до кончины батюшка заболел, у него появилось воспаление на ноге, держалась температура, он слабел. Вечером последнего дня его жизни мы с матушкой сидели в его келье, разговаривали, но чувствовалось, что силы покидают батюшку, что одного оставлять его нельзя. Около 11 часов вечера я только успела подняться в келью, как услышала голос матушки: «Мать Даниила, иди быстрее, читай отходную, батюшка умирает». Когда я спустилась вниз, батюшка уже отошел ко Господу, тихо склонив голову матушке на плечо.

*Монахиня Даниила*

**Облик батюшки.** Впервые я увидела батюшку в январе 1995 года в один из его приездов в нашу обитель. В 1995 году он еще мог самостоятельно, без посторонней помощи, ходить в церковь и на трапезу: ему был тогда 81 год. Помню, как я встретила батюшку на монастырском дворе: благоговейно ступая по земле святой обители, опираясь на палочку, тихой, неспешной походкой шел согбенный старец. Казалось, что он сошел с какой-нибудь картины девятнадцатого столетия — настолько неотмирным, нездешним был весь его облик, но в то же время он казался таким близким и родным. Его душа, исполненная Божественной любви, излучала ее, озаряя окружающий мир тихим светом, как бы светом лампы, и эту любовь ко всякому созданию Божию, которая «николиже ꙗ́вѣдѣтъ»<sup>1</sup>, никогда не умалется несмотря ни на что, невозможно было не почувствовать.

Одет был батюшка очень скромно: «старинное» коричневое пальто с небольшим воротником, шапка-ушанка, добротные, но такие же «старинные» сапоги. За одиннадцать лет, на протяжении которых я имела счастье знать батюшку, другой зимней одежды я у него не видела. Батюшка был крайне нестяжателен и скромен во всем, но никогда я не слышала от него ни слова осуждения в адрес тех, кто имеет нечто большее. Весь гардероб батюшки был, что на-

---

<sup>1</sup> I Кор. XIII, 8.

зывается, «наперечет», и всем известен — ничего другого он бы и не надел.

Я решилась подойти под благословение к батюшке, так как поняла, что передо мной священник (удивительно, что многие люди, не знавшие батюшку и видевшие его в светской одежде, например, на приеме у врача, сразу узнавали в нем иерея Божия). Как сейчас помню его пронизательный взгляд поверх очков — взгляд внимательный, устремленный как бы внутрь благословляемого, как будто батюшка созерцал неведомые самому человеку глубины его души, взгляд строгий и в то же время исполненный неизреченной любви, выражающий одновременно и сострадание, и желание от чего-то уберечь, предостеречь, и кротость, но вместе с тем его взор являл огромную внутреннюю силу, способную противостоять злу. Одним словом, это был одновременно взгляд профессора и любящей матери. Ту же профессорскую многоопытность, материнскую любовь и внутреннюю силу являла и его благословляющая рука.

Голос батюшки — необыкновенно красивый, очень широкого диапазона, но скорее низкий баритон или бас: он часто подпевал «басовой» партии в хоре. В его голосе слышалась глубина и сила, но одновременно — легкость и юность (никогда бы не подумала, что это говорит или поет глубокий старец). Батюшка также обладал тем, что профессиональные певцы называют «природной постановкой голоса». Но самое главное, его голос доносил до человеческих сердец слово Божие и отражал лучшие, святые чувства души этого удивительного человека. Те несколько слов, произносимых им при благословении с некоторой расстановкой: «Во Имя Отца... и Сына... и Святаго Духа» — были исполнены духовной силы, любви и благожелания даже по отношению к совершенно незнакомым людям. Чувствовалось (часто ум не мог этого вместить, но сердце ощущало и «понимало»), что через батюшку действует Дух Божий.

**Любовь батюшки.** Каждое дело, действие, слово батюшки было проявлением любви. Меня более всего поразило то, что человек, совершенно не знавший меня до момента нашей первой встречи и исповеди, принял огромное участие в моей жизни и, самое главное, в жизни моей души. Причем я почувствовала не только любовь, но и уважение ко мне, как

к личности, хотя я этого совершенно не заслуживала. Первое время батюшка называл меня на «Вы», но за этим стояла не обычная мирская вежливость и обходительность, а именно уважение. Потом стал называть меня «доченька», «родная», «деточка», и в этих словах слышалась искренность, любовь. Кто знает на опыте, что такое фальшь, лицемерие, на какие способны иногда люди, тот может отличить истинное чувство, в котором нет лицепрития, от мирской равнодушной вежливости.

Батюшка никогда не оказывал на исповедующегося «давления», ценя данную от Бога разумному созданию — человеку — свободу выбора, он убеждал в духе кротости, начиная свое обращение словами Священного Писания, редко повышал голос (только когда очень волновался). Как истинный пастырь Христов, он боялся повредить душе, опасался «заслонить» собой Бога и много молился о своих духовных детях. Бывало, прежде чем прочитать разрешительную молитву на Исповеди, он обращался ко Господу со словами: «Господи, помоги, вразуми, укрепи, направь к Царствию Небесному рабу Твою, прости ее согрешения и т.д.». При этом я ощущала, что Бог — близок и наш батюшка предстоит Ему и умоляет Его обо мне, грешной. Читая же разрешительную молитву, он крепко и с такой любовью держал обеими руками мою голову, будто бы в его руках был новорожденный младенец, которого он желал защитить, покрыть от невзгод и, в то же время, боялся уронить хрупкое и немощное создание.

Один раз я рассказывала батюшке о трудном периоде моей жизни. Батюшка внимательно меня слушал, предоставив мне возможность высказаться, и под конец моего рассказа произнес: «Доченька, как сказал один поэт:

«Силы хранит он в себе благодатные.  
Зорким умом прозревает он вдаль,  
Видит он скорби людские невнятные,  
Слышит он стоны... и всех ему жаль».

(Это стихотворение о Преподобном Серафиме Саровском, но батюшка в данном случае имел в виду себя.) Сказав это, батюшка заплакал. В тот момент я поняла, насколько батюшка всех любит, как дорог ему каждый

человек, как сильно и искренне он сопереживает чужому горю. И, кроме того, какое-то внутреннее чувство мне подсказывало, что батюшке многое открыто Богом, и ему не столь нужно от меня перечисление каких-либо моих жизненных обстоятельств — он многое знал сам, не только прошедшее, но и будущее. Но он умел скрыть Божественные дарования настолько, что многие и не догадывались о них. Он часто говорил мне об угоднике Божиим Преподобном Серафиме Саровском, как бы желая, чтобы он стал мне близок, и впоследствии, при постриге в мантию, мне, недостойной, дали его имя.

Меня удивляло, что он помнил (в его-то возрасте и при его занятости) о моих трудностях, искушениях, болезнях, всегда спрашивал, как я себя чувствую, каково мое внутреннее состояние. Если он сидел в креслице на монастырском дворе или на подворье «на свежем воздухе» и я подходила к нему и вставала рядом с креслом батюшки на колени, он всегда беспокоился по той причине, что я сижу на земле и, быть может, мне холодно. Также и на Исповеди, если я не могла долго стоять на коленях около батюшки, но терпела, не жалуясь на боль и усталость, он во время наставления вдруг говорил мне: «Доченька, я вижу, что ты устала, сядь на коврик, посиди». — «Батюшка, а можно?» — «Можно, я же вижу, что ты не можешь уже стоять».

Любовь батюшки проявлялась и в большом, и в малом. Самым большим ее проявлением была молитва о нас. Кто-то из Святых сказал: «Молиться за людей — это кровь проливать». Сколько батюшка пролил крови и слез в молитве, принимая удары от невидимых врагов нашего спасения, — об этом ведомо лишь Одному Богу.

### **Прозорливость батюшки и сила его молитв.**

1. На самой первой Исповеди батюшка предупредил о тех искушениях, которые ждали меня и с которыми я должна была бороться первое время жительства в монастыре. Я очень просила батюшку обо мне молиться и ужасалась тому, что должно было произойти. Но батюшка ободрял меня, сказав, что и Спаситель, как Человек, не миновал искушений, но победил их, освятив путь борьбы, «а о нас, грешных, и говорить нечего», — добавил он. Далее батюшка продолжил: «Вы же знаете, доченька, песню: «Во всем нужна сно-

ровка, закалка, тренировка. Умей и выжидать, умей и нападать. При каждой неудаче давай умей и сдачи...» Это песня из кинофильма «Первая перчатка», который я в молодости смотрел». Один Господь знает, что значили для меня эти слова: мой отец был тренером по боксу, мастером спорта, и песни из фильма «Первая перчатка» были почти «колыбельными» для дочери боксера. Все искушения, о которых предупреждал батюшка, не замедлили прийти на меня, и слова отца духовного исполнились до мельчайших подробностей. А в отношении борьбы можно сказать, что, действительно, мне пришлось «и выжидать», и «нападать»: неудач и ошибок было море, и только за молитвы батюшки удалось переплыть эту «морскую пучину», пережить трудное время.

2. Мой отец не был крещен. Его преклонный возраст и болезни были самой серьезной причиной моих переживаний и постоянного беспокойства за его жизнь. Когда я рассказала о нем батюшке, он подумал немного и ответил мне: «Молитесь за него, доченька. Молитвы близких людей Бог слышит, так как эти молитвы приносятся с любовью и усердием. Хорошо, когда мы знаем, о ком молимся и чего просим: это замечание относится и к молитве вообще. Нужно стараться вникать в слова молитвы, чтобы слова и чувства Святых Отцов со временем стали нашими собственными. А в отношении Вашего отца я могу Вам сказать, что если Вы будете стараться вести жизнь духовную и не сойдете с избранного пути, то и он придет к Богу». На мою просьбу помолиться о папе, батюшка сказал: «Что же, как смогу, помолюсь». Молитвами батюшки мой отец пришел к вере и крестился.

3. В один из приездов батюшки я попросила его побеседовать с моим отцом, всю жизнь страдавшим от непонимания окружающих: он имел философский склад ума и был человеком «не от мира сего» в самом лучшем смысле этого слова. После встречи с батюшкой папа искренне порадовался, что встретил понимание и поддержку со стороны старца-священнослужителя. Батюшка ему очень понравился. Они говорили о жизни, о спорте, о боксе, даже пели. Беседа с отцом, батюшка сказал ему такие слова: «Ну вот, до сих пор ты развивался физически, а теперь начинается твое духовное развитие». Отец ответил, что он старался развиваться и

духовно. Батюшка на это ответил: «И то верно. Человек состоит из духа, души и тела, у него все взаимосвязано. Но все же именно теперь ты будешь расти духовно». Примерно через год после беседы с батюшкой отец серьезно заболел: его поразил 50-процентный инсульт. Его недюжинная физическая сила, спортивные навыки и, всегда удивлявшая меня, ловкость не имели больше никакого значения. Осознав свою беспомощность, он стал обращаться к Богу и, когда еще мог ходить, по собственному желанию пришел в обитель, чтобы принять Крещение. Это случилось на восьмой день после моего пострига в иночество. Сбывались слова батюшки: «Если ты не оставишь избранного тобой пути — Господь не оставит твоего отца». После совершения над ним Таинства Св. Крещения отец прожил еще год и 31 января 2000 г. отошел ко Господу. Нужно сказать, что батюшка и матушка Игумения категорически запрещали мне воздействовать на папу при помощи уговоров и настойчивости, чтобы не помешать ему сделать самостоятельный выбор на его пути к Богу, но предоставить все Промыслу Божию. И молитвы батюшки сделали больше, чем любые увещания.

4. Перед тем, как отец окончательно слег, батюшка сказал мне: «Что же, доченька, мир — не ад, не преисподняя. Нет. И там есть много доброго и хорошего, но ты, доченька, держись твердо того пути, который ты избрала». Не прошло и месяца, как мне пришлось идти в мир и ухаживать за больным отцом: он уже не мог сам себя обслуживать, а родные отказались ему чем-либо помочь. Не буду описывать всех наших злоключений, но скажу, что если бы не молитва батюшки, то силы зла, ополчившиеся на нас и имевшие в своих руках верные орудия, не только стерли бы нас с отцом с лица земли, но и погубили бы наши души. В этот период совершались великие чудеса милости Божией, но мою руку удерживает от их описания лишь то, что многие участники событий еще живы, и я не желаю им ничего плохого.

5. Батюшка старался передать мне свои знания и по регентскому делу. За его святые молитвы я полюбила знаменное пение, научилась распевать стихиры на подобен, стала немножечко разбираться в вопросах церковного пения и, не имея специального образования, смогла худо-бедно управлять хором. Когда батюшка пел, — в особенности «знамен-

ное», — чувствовалось, что он пребывает не здесь, а в Горнем мире, что он видит невидимое нами и воспевает хвалу Богу. Он любил Божию Матерь, чтит Ее (как я потом узнала, Царица Небесная однажды являлась ему). Батюшка непрерываемо пел богородичны знаменного распева, в особенности догматик седьмого гласа. Хотя батюшка был искренним поклонником знаменного пения, он его не боготворил. Как и во всем, в этой области он советовал придерживаться «золотой середины», то есть разучивать не одни знаменные песнопения, но и произведения композиторов XIX — начала XX столетия, таких как прот. Турчанинов, прот. Аллеманов, Архангельский, Смоленский, Львовский, песнопения старинных и монастырских напевов, греческого, болгарского, киевского распевов. Он говорил, что тому, кто начинает учиться молиться и только еще вникать в смысл богослужбных песнопений, невозможно предложить сразу осмыслить все богослужение, составленное лишь из песнопений знаменного распева.

И нам он советовал к праздничной службе разучивать не так много знаменных песнопений, а в будние дни — распевать стихиры на подобен, на который они положены. Основные критерии подбора богослужбных песнопений для батюшки были: 1) их молитвенность; 2) их близость по смыслу к осмогласию и к знаменному распеву<sup>1</sup>. Он часто объяснял мне, как проходят архиерейские богослужения, какие песнопения лучше подбирать, как должен при этом петь хор: не должно быть «крика», не нужно терять молитвенности, от спокойствия регента зависит спокойствие хора. Я в то время еще толком не умела регентовать и недоумевала, зачем батюшка мне все это рассказывает. Впоследствии, когда мне пришлось управлять хором во время архиерейских и даже патриарших богослужений, я не только вспомнила слова батюшки, но и много раз убеждалась в правильности его слов.

Когда первый раз в жизни пришлось мне петь с хором догматик третьего гласа знаменного распева, батюшка сам

---

<sup>1</sup> Все эти вопросы батюшка рассматривает в своем труде «Знаменный распев как основа русского православного церковного пения». М., 1995.

поднялся на клирос, чтобы нам помочь. Он очень часто приходил на помощь в трудную минуту: помогало не столько его пение, сколько молитва. Мы начали петь, и от нашего страха и неуверенности пение вдруг резко «оборвалось». «Ну-ну-ну, — раздался спокойный голос батюшки, — давайте начнем еще раз». И мы допели до конца. И вот, после того как мы пропели догматик, батюшка с благодарностью поклонился регенту — какой-то девчонке, недостойной и внимания — и произнес: «Спаси Вас Господи». Таковы были его благодарность и смирение.

6. Также благословил меня батюшка заниматься пчеловодством. Трудно поверить, что человек, имеющий предрасположенность к аллергии, у которого возникает сильная аллергическая реакция от одного ужаления, сможет стать пчеловодом, преодолеть страх перед пчелами, полюбить их и «получать» от них каждодневно массу ужалений без вреда для своего здоровья, а даже — и с пользой. Много чудес видела я по молитвам батюшки на монастырской пасеке. Вот одно из них. Когда батюшка жил на подворье, собрались они с его келейницей служить дома всенощную, испросив благословения у матушки (надо сказать, что без благословения батюшка вообще ничего не делал). Матушка же благословила и сестер, бывших в то время на подворье, пойти к батюшке на всенощную. А у меня перед всенощной вышел рой, и я пребывала в раздумье — идти ли мне на службу или «снимать» рой. Позвонила матушке — она благословила идти молиться. «Ну, думаю, за батюшкины и матушкины молитвы все будет хорошо», но все же твердой уверенности у меня не было, мной овладевало малодушие. За время службы я как-то успокоилась, ведь возможность помолиться с батюшкой — событие совершенно особенное. Его молитва всегда была «сыновней» — святые мысли и чувства песнотворцев давно уже сделались собственными мыслями и чувствами, он беседовал с Живым Богом и со Святыми Угодниками с таким благоговением, и в то же время так искренне и просто, что мы все ощущали себя как бы на пороге иного мира, перед лицом Вечности, и батюшкино молитвенно-покаянное настроение передавалось отчасти и нам.

После всенощной я убедилась, что рой вошел обратно (!) в улей и пчелы «ждали» до тех пор, пока я не смогла при-

нять все необходимые меры по борьбе с роением и не разделила пчелосемьи пополам. Я видела в улье старую матку, с которой должен был выйти рой. Для нашего вида пчел этот случай — практически невероятный. Случай невероятен сам по себе, поскольку вышедший рой не может войти обратно в тот улей, из которого он вышел, это знает любой, даже начинающий пчеловод. Можно сказать, что по молитвам батюшки совершилось чудо.

**О послушании дорогого батюшки.** Он мог оказать послушание любой из нас, а матушку Игумению слушался беспрекословно. Бывало, я просила батюшку о чем-нибудь помолиться. Он исполнял просьбу с любовью и обычной для него добросовестностью. Помощь свыше скоро приходила, и, случалось, я, радуясь о совершившемся, быстро забывала о бывшей скорби и беде, забывала и поблагодарить Господа. В таком случае при встрече батюшка первым спрашивал: «Ну что? Как у тебя дела? Как там... (и называл мою проблему, перечислял обстоятельства и т.д.)». Я удивлялась: в его возрасте он помнил о том, о чем я уже давно забыла. Но он, как духовник, исполняя мое прошение, в силу своей любви и послушания не мог забыть о моих трудностях, переживая за меня, считая важным то, что со мной происходит.

Один раз я бежала к батюшке с корзинкой, несла ему обед. Позвонила из храма в келью батюшке, он сам поднял трубку телефона и благословил меня, сказав: «Неси, доченька, я тебя жду». Подошла я к двери игуменского корпуса и глазами своим не поверила, — батюшка со своими двумя палочками взобрался по ступенькам и открыл мне дверь.

— Батюшка! Как же Вы сами?.. А где Зоя?..

— Она, доченька, к врачу ушла.

— А что же Вы мне ничего не сказали?

— Да я, доченька, не хотел тебя задерживать...

Я помогла батюшке спуститься со ступенек и отвела его в приемную. Там он работал — готовился к беседе. «По дороге» я просила батюшку, чтобы он всегда предупреждал нас, когда он был один, и не открывал сам дверей игуменской. Батюшка обещал мне так и делать, и впоследствии всегда добросовестно предупреждал о том, что Зои нет рядом, или звал ее, а иногда и говорил: «Доченька, ты уж меня прости, не могу сам тебе открыть».

Один раз я пришла к бабушке, а он в это время читал книгу о Праведном Алексии Мечеве. Благословив меня, он сказал: «Вот, доченька, я, по благословию Святейшего Патриарха, исповедовался вот в этом храме (он указал на обложку книги, где был изображен храм Свт. Николая в Кленниках) у отца Александра. И о. Александр дал мне читать книгу о протоиерее Алексее Мечеве. Как видишь, я исполняю благословение духовного отца, и получаю большую пользу: многие, описываемые здесь, обстоятельства жизни старца сходны с моими». В этих словах бабушка преподал мне урок послушания, которое нужно оказывать духовному отцу, поскольку в этом заключается моя же духовная польза.

Приходя к бабушке, беседуя с ним, я часто жаловалась на свои неисправности и недостатки. А он с такой неподдельной искренностью мне отвечал: «И я, доченька, в этом отношении никуда не гожусь». И далее постепенно объяснял, как из этого моего неправильного состояния «выйти», как избавиться от греховной немощи. В последней нашей беседе я, выслушивая его ответ на вопрос о причине моего уныния и маловерия, переспросила:

— Правда ли это, бабушка?

И тут же я почувствовала на себе его «пронизывающий» взгляд, исполненный духовной силы, и услышала голос старца, произносивший каждое слово так, что усомниться было нельзя, да и невозможно:

— Я никогда не говорю того, чего я не испытал и не исполнил на деле, я говорю — от опыта.

Я вздрогнула и ужаснулась своему маловерию... Но передо мной снова был любящий отец, который ласково уговаривал, увещевал меня не унывать, уповать на Господа.

Однажды мы сидели с бабушкой у игуменской и беседовали. По дороге в храм и из храма шли люди, которых бабушка, по его собственному выражению, видел, «как деревья», но при этом всегда отвечал на поклон — поклоном, на приветствие — приветствием. Он спокойно и мирно смотрел на прохожих, но иногда начинал вглядываться в проходящих, беспокоиться (особенно переживал, когда кто-то нес мимо что-нибудь тяжелое, согнувшись под тяжестью ноши, были, несомненно, и другие причины его переживаний).

Для меня стало интересно, что же может видеть человек, у которого такое плохое зрение, но вслух я об этом батюшку не спросила, посчитав вопрос глупым, бестактным. И батюшка мне ответил: «Вот идет отец Н. Спаси его, Господи!.. А вот о. диакон мне кланяется, проходя мимо. Помогите ему, Господи... А вот... (и он перечислил нескольких из идущих мимо него)». Одна женщина подошла к нам, взяла у батюшки благословение и сказала ему о своих проблемах. Батюшка о ней помолился. Женщина, попрощавшись с нами, направилась к выходу, но свернула с дорожки раньше, чем нужно, и попала во внутренний дворик у игуменской. Это происходило у батюшки «за спиной». Он сказал мне: «Пойди и помоги ей выйти. Она заблудилась!» Я пошла и увидела женщину, которая не могла найти выход. Оказывается, у нее было очень плохое зрение, и батюшка о ней позаботился. Его духовная чуткость всегда меня поражала.

**Утешения в разлуке.** Когда тело батюшки лежало в гробу, весь его облик был необыкновенно светлым. Руки покойного батюшки были белыми и мягкими, будто живыми. Много раз за ночь, пока гроб стоял в церкви, в то время как священники читали Евангелие, а сестры — Псалтирь, каждая из нас, дежуривших посменно в храме, подходила и прикладывалась к руке покойного духовного старца. Ни у кого из нас в тот момент не возникало ощущения, что батюшка умер: от его тела, от рук, держащих крест, веяло не могильным холодом, а благодатной приятной прохладой и покоем. Никакого запаха тления не было и в помине. Приходила даже мысль: не живого ли мы хороним...

Певчих на отпевание съехалось много, пели и сестры. На клиросе в этот день ощущался «дух мирен», полное единодушие и взаимопонимание. Хор пел прекрасно. Я впервые в жизни увидела ноты священнического отпевания непосредственно перед самым отпеванием, на клиросе. Спеться было некогда. По молитвам батюшки Господь помог нам: хор прекрасно справился с задачей, а я смогла пропеть и пропеть «с листа» незнакомые ноты.

Когда прошло погребение и жизнь стала входить в привычное русло, пришло и неизбежное ощущение потери, почеловечески скорбное осознание произошедшего. Помню, как 3 января, в день рождения батюшки, мне было как-то

особенно скорбно. В усыпальнице, где совершалась панихида, было по-зимнему холодно, но здесь же была и частица лета: надгробие было устлано ковром из еловых ветвей и цветов, а в вазах стояли огромные букеты. Все цветы, хранимые холодом, были свежи и благоухали. После панихиды одна из сестер протянула мне белую розу, лежавшую в день погребения на гробе усопшего духовного отца. Я принесла розу в келью, поставила цветок в воду. Через несколько минут по келье разлилось дивное благоухание, как будто я принесла не розу, а огромный букет. Аромат все более усиливался. Несколько часов я находилась как бы в цветущем саду, потом аромат стал постепенно удаляться, исчезать, но и вечером благоухание цветка почувствовала одна из сестер (та, которая дала мне розу), стоя на пороге моей кельи. Самое удивительное заключалось в том, что, чувствуя благоухание, я, одновременно, ощущала в душе радость и утешение, и моя скорбь растворилась упованием. Я была, наверное, самой плохой дочерью своего духовного отца, и уж точно не заслуживаю никаких чудес, но по соизволению Того, Кто не желает «смерти грешника», батюшка, хорошо зная мое внутреннее устройство, поспешил меня успокоить и утешить.

*Мон. Серафима*

**Страх Божий.** Приснилось уже под утро и очень явно, что меня выгоняют из монастыря. Какая сразу горечь, печаль, терзание души овладели мной. Во сне я иду по территории монастыря и неутешно плачу. Встречаю свою маму — она зовет меня домой, утешает по-мирски... Но это меня не прельщает. Иду, рыдаю, а в мыслях — мои прегрешения: и нерадива, и завистлива, ленива... поняла, что достойна участи изгнания. В этот момент встречаю матушку с батюшкой, как бы меня ожидающих. Опустив голову, молча стою около них, ожидая помилования и едва надеюсь... Батюшка говорит строго: «Мы тебя прощаем, но ты помни, и хорошенько, — Имей Страх Божий!»

Я опускаюсь перед ними на колени, батюшка дотрагивается рукой до моей головы и опять твердо повторяет: «Страх Божий имей! Поняла — Страх Божий!»

Как мне было понятно в этот момент, что такое Страх Божий! Я проснулась вся в слезах. Теперь у меня эти слова

связаны с батюшкой: была осуждена — и справедливо, по своим грехам, и вот милость с уроком!

**Близость батюшкиного сердца.** Во время Великого поста на откровении помыслов, я сказала матушке, что задумала просить у нее благословения чаще навещать старенькую, тяжело больную маму. Матушка просила оставить этот помысел, объясняя пагубность и коварство лукавого мира. Мое сердце не соглашалось. Расстроенная, матушка ушла.

Через некоторое время она подошла ко мне и сказала, что батюшка тоже не желает моего отлучения из монастыря и хочет со мной поговорить... Как только я услышала слово «Батюшка», мое сердце замерло. Что говорила матушка после — я едва слышала: мое сердце почувствовало, как болит и скорбит сердце батюшки за меня, меня, такую убогую. И эта батюшкина боль сразу вывела меня из этого искушения, и я стала поспешно говорить, что не поеду к маме и к батюшке не пойду, так как сделаю, как он хочет.

*Мон. Иулиания*

Когда батюшка впервые появился у нас в монастыре, то произвел на меня впечатление беззащитного старца, и мне было жаль его, немощствующего. Хотелось поддержать его. Но как я могла поддержать его? В скором времени он сам стал духовно поддерживать монастырь, став нашим духовным отцом.

На протяжении десяти лет жизни в монастыре, находясь под духовным руководством о. Бориса, я постоянно получала от него помощь. Когда, побеждаемая страстями, я падала и находилась в унынии, и совсем уже отчаивалась продолжать духовную жизнь в монастыре, своей любовью, в молитве за меня к Богу, батюшка помогал обрести покой и мир в душе.

Помню, я очень хотела петь на клиросе и исповедала ему помысел, что хочу уйти из монастыря и перейти в другой монастырь, надеясь на то, что там мне позволят петь. Через некоторое время батюшка благословил меня петь на клиросе, и я поняла, с Божией помощью, что у меня нет ни силы голоса, ни соответствующей музыкальной памяти, чтобы там находиться, и когда меня благословили уйти

с клироса, я некоторое время расстраивалась, но потом решила, что для меня так будет лучше.

Последние два года своей жизни батюшка жил в монастыре и каждую неделю проводил беседы с сестрами (иногда только, если он совсем плохо себя чувствовал, беседы отменялись) на темы, связанные с событиями из Ветхого Завета, а затем и Нового Завета. Библейские события он разъяснял нам, сопоставляя их с близкими для нас событиями, с пользой для нашего внутреннего устроения. В конце беседы батюшка отвечал на вопросы сестер и очень огорчался, если вопросов не было, а иногда и сам задавал вопросы, чтобы понять, насколько внимательно его слушали. Благодаря этим беседам, далекий по времени Ветхий Завет становился более понятным.

От батюшки исходили мир и покой, которые передавались окружающим, и все вокруг умиротворялось. Батюшка однажды мне сказал, что в монастыре он ощущает себя трехлетним ребенком и не имеет своей воли. Так мягко он пытался воздействовать на своих духовных чад. Батюшка всех любил и за всех непрестанно молился. В частности, хочу сказать несколько слов о моей маме, погибшей незадолго до смерти о. Бориса. Узнав о ее гибели, батюшка стал сугубо молиться о ней, несмотря на то, что маму мою он не знал, но она знала о нем по моим рассказам, как о духовнике монастыря. И я надеюсь, что Господь внял молитвам батюшки.

Господи, даруй Царствие Небесное отцу нашему прот. Борису, покой и вечную память!

*Мон. Евдокия*

Батюшка открыл для меня, в чем заключается духовная жизнь, объяснил, как стяжать добродетели смирения и послушания. Он говорил, что монастырь — это высшее училище благочестия, здесь себя надо чувствовать пятилетним ребенком (в смысле послушания), куда ни направят, не раздумывая, идти, что скажут — сразу, не откладывая, исполнять. Батюшка, будучи очень ответственным, постоянно своим примером давал нам уроки смирения и послушания. Он не просил для себя даже необходимого (например, лекарства, без которого ему было трудно дышать), оставляя

это на Волю Божию, пока человек сам не вспомнит. Если кто-то по неосторожности причинял ему боль или оставлял без внимания — он относился к этому совершенно спокойно, покрывая все любовью.

Будучи девяностолетним старцем, больным и слабым физически, бывало, он с высокой температурой приезжал из-под Пскова нас исповедовать. Мы после исповеди уходили радостными и просветлёнными, а он глубоко переживал все наши грехи и неудачи.

Собирая последние силы, батюшка старался передать нам свой духовный опыт и знания. Он проводил с нами беседы по Священному Писанию, на которых разъяснял, что Слово Божие обращено к каждой из нас, учил извлекать уроки из жизни ветхозаветных и новозаветных праведников и грешников. Молитва батюшки, чувство, что он за тебя отвечает перед Богом, останавливали от падений. По его молитвам умирялись сильные внутренние бури, ропот, недовольство.

Помню, когда я только пришла в монастырь, батюшка, исповедуя меня в храме, в левом приделе Сочествия Святого Духа, сказал, что через 10 лет на этом месте я буду давать монашеские обеты, что в точности и исполнилось.

*Мон. Мария*

Еще при жизни батюшка спрашивал меня: «Ты читаешь мою книжечку? Читай». В трудные минуты жизни я беру ее в руки. Начинаю с того, что смотрю дарственную надпись, написанную дорогой и родной рукой. И текут воспоминания о дорогом батюшке...

Хорошо помню свою первую Исповедь у батюшки. Она происходила в храме вечером. Сёстры сидели в священном полумраке в ожидании своей очереди. Батюшки не было видно: он сидел за колонной, у входа в придел Святого Духа. Некоторые сестры отходили от него со слезами. А я, как всегда, думала, что говорить, как сформулировать, было волнительно и боязно... Стоя на коленях перед батюшкой, я впервые почувствовала, сколь великое Таинство — Исповедь. Исповедь у батюшки — не была простым перечислением грехов. Он помогал душе раскрыться и с покаянным чувством высказать свои грехи и страсти, но он ещё обнару-

живал причину, корень моих греховных болезней. Батюшка объяснил, как бороться со страстями и каковы будут результаты этой борьбы или нерадения. Он не поучал, а помогал понять примерами, образными выражениями, приводил высказывания Святых Отцов. И всегда у него находились ответы на наболевшие вопросы. Часто, выходя после Исповеди, я записывала самое необходимое. Я назвала это «заповеди батюшки». Как они теперь необходимы, когда батюшки не стало!

В большие праздники на подворье батюшка с Зоей всегда служили в келье (храма еще не было). Зная, как мы устаем от дневных полевых работ, батюшка никогда нас не понуждал к посещению таких служб, предоставляя нам самим решать, приходить или нет. Но чувствовалось, как он был рад тому, что мы приходили. Зажигали лампадку, затем одевали батюшке поручи и епитрахиль, и начиналась служба. Это для нас всегда был праздник особенный. Хотя пели и читали мы с ошибками и дремали от усталости, но батюшка приносил особое, молитвенное состояние и радость, и после службы мы уходили счастливыми и умиротворенными. Когда же он уезжал с подворья в монастырь, становилось грустно, наступала обыденность жизни.

Когда батюшки не стало, появилось чувство осиротелости. Но прошло некоторое время, и сердцу открылось — батюшка живой, он молится за нас, он слышит нас. Приходишь в усыпальницу помолиться за него, почитать Псалтирь, и тут появляется желание побеседовать с батюшкой как прежде. «Как дела, доченька?» — так и слышится его голос. Припадаешь к его могилке и как раньше отвечаешь: «Плохо, батюшка». Опять душа раскрывается, изливает всю накопившуюся боль, переживания, просит помощи и молитв. И через некоторое время все разрешается. Опять настает мир и покой: батюшка помолился и помог. И чтобы с тобой ни произошло, вспоминаешь, что говорил по этому поводу батюшка, какую «заповедь» дал, и что сказал бы он по этому вопросу, или возьмешь его книжку и считаешь.

*Мон. Христина*

В день моего поступления в монастырь 20 февраля 1994 года матушка давала мне начальные уроки иноческой жизни. Она только вернулась из Пскова и рассказывала мне об о. Борисе. Самого батюшку я впервые увидела осенью того же года.

Богослужения, которые совершал батюшка, были для нас праздником. Они отличались особой молитвенностью и благоговением. Когда батюшка служил, он преображался, возносясь душой ко Господу. Обладая многими талантами от Господа, он старался передать и нам своё духовное богатство. Батюшка проводил с нами беседы о духовной жизни, Священном Писании, занимался с нами знаменным пением и уставом церковным, научил печь просфоры, и о чем бы мы его ни спрашивали, всегда давал нужный и полезный совет.

Когда я пришла в монастырь, мне было 18 лет, я ничего не умела делать: какое матушка ни даст послушание — ничего не получалось. Матушка благословила меня на клиросное послушание, но держать свою партию я не могла и пела за кем-то. Так продолжалось до тех пор, пока батюшка не стал заниматься с нами пением. Много пришлось потрудиться батюшке, чтобы научить меня сначала держать партию, а потом даже и регентовать. Батюшка терпеливо объяснял, как надо регентовать, как подбирать песнопения, как вести себя на клиросе. Песнопения должны быть монастырского характера, то есть предавать молитвенное настроение. Надо уметь всех любить и всем прощать, с певчими вести себя с кротостью и терпением, но и не быть равнодушной, если человек на клиросе теряет страх Божий. Прежде, кроме общей последовательности богослужений, я ничего не знала, и когда матушка благословила меня учиться уставу, то батюшка стал заниматься со мной уставом. Я приходила к нему в назначенное время, и батюшка проводил урок, на котором объяснялась тема: батюшка не только строго требовал от нас исполнения устава, но и разъяснял смысл богослужений, почему нужно петь или читать то, а не иное. На следующем уроке задавал вопросы по пройденному материалу. Когда батюшка прошёл со мной весь круг богослужебного устава, он стал меня экзаменовать, задавая вопросы по Типикону. Каждый раз у меня по-

являлось много вопросов по Уставу, и их батюшка сразу разрешал. На мои вопросы, связанные с послушаниями уставщицы и регента, батюшка давал много наставлений. Надо внимательно готовиться к службе, обдумывать то, что происходит на богослужении, сама тогда смысл быстро поймёшь, и легче будет передать его молящимся. Пение должно быть покаянным, молитвенным, внимательным и неспешным. Всё должно совершаться с благоговением и страхом Божиим, по Типикону (как Уставу написанному Святыми Отцами), а по сокращённым «Богослужебным заметкам» служить нельзя, там многое упущено, и для монастырской службы это недопустимо. Мне запомнились батюшкины занятия по знаменному пению, на которых он объяснял смысл догматиков. Когда мы начинали петь знаменное, батюшка поднимался к нам на клирос по высокой лестнице, пел с нами догматик, показывая рукой все смысловые ударения.

По благословию матушки мы стали учиться печь просфоры. Оборудования у нас тогда не было, всё делалось вручную, и у нас с трудом получались только маленькие просфоры. Зимой 1995 года батюшка снова приехал к нам в обитель, и матушка попросила его показать, как пекут просфоры, объяснить всё, что касается просфорни. В сером подряснике, тогда ещё с одной палочкой, батюшка пришёл в просфорню. Он провёл с нами весь процесс приготовления просфор от замеса теста до выпечки. Батюшка, несмотря на свой возраст, целый день был в просфорне на ногах, подробно объясняя и показывая каждую часть процесса. Самым трудным было вымесить тесто: оно должно быть очень плотным, особенно для больших просфор. Батюшка весь кусок теста вымесил своими руками, затем отрезал от целого маленькие части и месил одну такую маленькую часть около двух часов, доводя до эластичности, а только потом раскатал и вырезал. Мы говорили ему: «Батюшка, Вам надо покушать и отдохнуть». На что батюшка ответил: «Святое дело нельзя бросать, надо делать всё до конца». Когда батюшка учил нас печь просфоры, он всё время молился, рассказывал о Преподобных Спиридоне и Никодиме, Просфорниках Печерских: они знали всю Псалтырь наизусть, и когда делали просфоры, пели псал-

мы. Вспоминал и Преподобных Сергия Радонежского и Серафима Саровского, как они совершали это святое дело. Батюшка дал наставления относительно изготовления просфор. Это святое дело должно совершаться в чистоте, с благоговением и страхом Божиим, в глубоком молчании, и с молитвой на устах. Здесь недопустимы посторонние разговоры, смех, шутки, так как выпекается хлеб для Таинства Божественной Евхаристии. После того, как батюшка побывал в просфорне и освятил её, по его живой молитве мы стали печь просфоры не только для себя, но и для других обитателей.

Последняя моя исповедь у батюшки была дней за 6 до его смерти. Батюшка дал мне много наставлений о монашеской жизни, так как я готовилась тогда к постригу, и сказал: «У тебя остаётся теперь только матушка, обращайся к ней всегда за советом, со всеми своими сомнениями и недоумениями, открывай ей всю свою душу, она очень опытная и мудрая наставница. Она поведёт тебя по нелёгкому пути монашеской жизни и доведёт до Царствия Божия. Подражай ей в добродетелях и учись у неё монашескому подвигу, это тебе будет нужно...» И ещё много важного сказал тогда батюшка, что навсегда осталось в моём сердце. После исповеди я подумала: «почему батюшка мне так сказал, ведь я всегда обращаюсь к матушке со всеми вопросами? Неужели это моя последняя исповедь у батюшки?» Скоро батюшки не стало, и мне стало понятно, почему он передал меня матушке.

*Мон. Сергия*

1992 год. В это лето я загорелась мечтой во что бы то ни стало побывать в Пюхтицах, но получилось так, что я поехала на о. Залита к о. Николаю. Там мне предложили помочь батюшке о. Борису в Толбице. У меня был отпуск, и я согласилась. Поговела, причастилась у батюшки о. Николая и отправилась. Когда я ступила на твердую землю, то оказалась на необычной земле, в каком-то нереальном мире. На берегу стояла машина, предложили довести до храма. У храма дом заколоченный. А где же о. Борис? Мне указали тропинку. Когда я вошла в дом после яркого летнего солнца, то поразила темнота и согбенный донельзя старик.

Я представилась и подумала: разве священники так живут? Мне стало жалко его.

Вечером батюшка рассказывал мне о знаменном распеве, о нем я услышала впервые, я улетала все выше и выше под его восторженный рассказ, боясь сорваться с высоты и разбиться. Передо мной был уже не сгорбленный старец, а пылкий юноша.

Когда настал день моего отъезда, я наготовила еды впрок, прибралась в доме, а надо было еще многое успеть: полить огород, наносить воды, и я бегала, как заводная. Смотрю, батюшка сидит на скамеечке, играет на скрипке, и поет: «*Μην ἄγκω ποζιμῶς ἔγῃ*». «Сядь, посиди, послушай», — говорит. Мне бы остановиться, а я: «Вам нечего делать, вот и пойте, а мне надо все успеть до поезда». Я ужаснулась тому, что сказала, и теперь ужасаюсь. Батюшка проводил меня на поезд, но такое больше никогда не повторилось, хотя скрипка лежит и теперь.

Приехала домой в Вильнюс, приступила к работе. Через какое-то время мне сообщают, что меня уволили по сокращению штатов. А я-то рада-радехонька: теперь можно поехать к батюшке. Батюшка просил меня жить у него. По приезде, я пошла к о. Николаю за благословением. Он принял меня в келье. «Вот видишь, — показал он на икону, где изображены были вверху рай, а внизу ад, — досмотришь батюшку — будешь там, а нет — туда попадешь», — и показал вниз. «Досмотрю, досмотрю, батюшка», — уверяла я его. Батюшка благословил меня большим крестом с головы до ног. Надо признаться, если бы не батюшкины молитвы, то я бы быстро сбежала: была одна нога в Толбице, а другая в Вильнюсе, и раскачивалась как маятник. И вот однажды я почувствовала, что и вторая нога тоже пристроилась в Толбице. Вечером говорю: «Батюшка, спокойной ночи», а он в ответ: «Слава Тебе, Господи, прижилось деревце на Господней земле». И как же он, дорогой батюшка, прозрел мое состояние?

Приходит как-то к нам батюшкина прихожанка и говорит, что она с детьми переезжает в город и просит дать ей денег. Батюшка только что получил зарплату в храме и отдал ей все деньги: «Тебе надо, на, возьми. У меня больше нет». Думаю, хоть бы немножко оставил для нас. Господь пропитал нас, а мне урок на всю жизнь.

Батюшка никогда не принуждал меня, и я удивлялась, почему он меня не учит как в монастыре или школе. Теперь я поняла, что это был учитель Высшей школы. Я часто и сильно обижалась на батюшку. И, когда я его прощала, он очень радовался. Он всегда мне говорил, что нельзя оставлять обиду на ночь, надо прощать до захода солнца. Это так он деятельно учил меня прощать обиды. Один раз я так рассердилась на батюшку, что в уме уже уложила чемоданы, чтобы уезжать. Было воскресенье, и надо было петь на клиросе. Придя на клирос, я почувствовала полную богооставленность. Стало страшно. Теперь можешь хоть день и ночь отбивать поклоны — никто тебя не услышит. Вмиг я распаковала чемоданы и стала просить прощения у Господа. Я поняла, что значит нарушить благословение.

Отец Борис как огня боялся славы. К нему с острова присылали много людей, говоря, что он такой же батюшка, как о. Николай. Но батюшка уверял всех, что напрасно они к нему пришли, он обыкновенный сельский священник.

Когда в полночь мы включали приемник, и звучал гимн нашей страны, батюшка всегда вставал навытяжку как военный и так стоял до окончания гимна.

#### *Посл. Зоя (келейница батюшки)*

Писать о батюшке мне нелегко, ведь жизнь его видится через призму событий моей собственной жизни. До встречи с батюшкой моя жизнь «летела под откос»: неправильное духовное руководство привело к расстройству здоровья и тупиковому состоянию в духовной жизни.

Господь милостив ко мне, не дал потерять веру в Церковь и привел сначала в монастырь к матушке Викторине, а потом и к батюшке.

Казалось, что батюшка ничего особенного не делал и не говорил, и меня ничего делать не заставлял, но так незаметно направлял, что вскоре жизнь стала приобретать определенный смысл. Все налаживалось: и в семье, и на работе, и в храме, и со здоровьем.

Мне посчастливилось часто ездить к батюшке под Псков, в Малые Толбицы, где он жил много лет и был, как он сам себя называл, «сельским батюшкой». Приедешь из московской суеты и забот и как будто после бури попада-

есть в тихую пристань: к батюшке в домик. Батюшка всегда очень радовался, когда к нему приезжали гости, говорил, что мы о нем не забываем, хотя это мы нуждались в нем, в его молитвах и утешении. Батюшка умел успокоить, поддержать, рассеять уныние и объяснить то, что со мной происходило, вселить в меня надежду, что все будет хорошо, а главное — по Воле Божией. Убеждал, что нужно принимать именно те обстоятельства, которые посылаются Богом для моего исправления и, в конечном счете, для моего спасения.

Несмотря на то, что у меня была семья, высокооплачиваемая работа, мне очень хотелось все бросить и остаться в монастыре. В духовной жизни ничего не понимала, но казалось, что в монастыре мое место. Как всегда в таких случаях, видела только своё желание, хотела, чтобы оно скорее исполнилось любой ценой, не думая, по Промыслу это Божию или нет. Сколько батюшка положил труда, чтобы у меня изменилось отношение к моей жизни, к тому, что я делала в то время. Я поняла, что все меня окружающее будет способствовать достижению моей цели, но надо набраться терпения, делать хорошо то, что делаю, и менять себя, свое устройство. Батюшка провидел и то, что я должна буду досматривать своих родителей, хотя у них было еще трое детей. Так это и случилось. Отец ушел из жизни четыре года назад, а маме уже 86 лет, и оставить ее не на кого.

Когда я попала к батюшке, мне казалось, что я много прочитала, много знаю в духовной жизни, но теперь мне видится, что батюшка меня воспринял как дитя неразумное, взял за руку и «повел» к этой духовной жизни. Прошло уже десять лет с первой встречи с батюшкой, могу сказать, что мое желание поступить в монастырь не воплотилось в жизнь, но я все ближе и ближе подхожу к этому. За это время я видела многих людей, которые пришли в монастырь и, не выдержав жизни в нем, ушли, мне жаль их. Я благодарна батюшке за то, что он научил меня терпению, понимаю, что все ниспослано Богом, что нельзя чинить произвол с собственной жизнью и «калечить» ее, торопя события.

Вспоминаю, когда произошли изменения в семейной жизни, было очень трудно: распад семьи произошел после

23-х вместе прожитых лет. Батюшка не оставлял своими молитвами в это сложное для меня время, и всё прошло на удивление спокойно и без душевной тяжести и боли, которые всегда присутствуют при подобных обстоятельствах. К этому добавился печальный диагноз — рак кожи на кисти руки. Поехала к батюшке — потер больное место и сказал: «Вот придумали тоже — рак, ничего нет». Через некоторое время на руке все бесследно исчезло и не возобновляется.

Во время работы на фирме пользовалась услугами водителя с машиной. Много приходилось ездить по Москве с ее напряженным движением. Дороги и маршруты изучила достаточно хорошо, но самой учиться водить не хотелось, так как боялась не справиться с трудностями езды по переполненным машинами дорогам. В какой-то момент батюшка благословил идти учиться вождению. Я заменила уже шестой десяток, но послушалась. Благополучно окончила курсы, получила права, успела купить машину до того, как ушла с фирмы, и вот уже четыре года езжу. Как же мне не предположить, что батюшка знал, что не будет денег на водителя, что надо будет возить старенькую маму, а мои больные ноги не позволят мне много ходить пешком!

Батюшка выглядел очень хрупким, нежным и немощным человеком, так и хотелось о нем позаботиться. Говорил тихим голосом, но случалось слышать его, когда он отвечал кому-то таким твердым и непререкаемым тоном, что трудно было поверить, что это батюшка говорит. Тогда чувствовалась в нем такая скрытая сила, которую он нам не показывал, она обнаруживалась в какие-то моменты, но отец Борис был необычайно скромен и старался оставаться для всех просто батюшкой.

С батюшкой было хорошо даже посидеть в тишине, не разговаривая, казалось, что разговор идет без слов. Это случалось и в Малых Толбицах, и в монастыре, где батюшка жил последние три года. Было радостно помочь батюшке хоть чем-нибудь в малом: проводить на службу и со службы в келью, снять пальто, переодеть обувь.

Батюшкин возраст часто заставлял молиться Господу о продлении его жизни ради нас, немощных, было боязно остаться на земле без батюшки, невозможно было себе

представить, как мы будем без него жить. Но вот и настал час расставания. Перед кончиной батюшки была тяжелая скоротечная болезнь, я не ходила к нему во время болезни, только от матушки узнавала о здоровье, поэтому, не видя батюшку, и не могла представить, что так близка его кончина...

Утром 29 декабря приехала в монастырь, и уже не застала батюшку в живых. Приложилась к батюшкиной руке, ощущения смерти не испытала, рука теплая, только чуть тверже, чем раньше. Главное, не было той скорби, которой боялась раньше. После похорон появилось чувство, что батюшка стал ближе и доступнее, что он теперь всегда со мной, в любое время. Можно с ним разговаривать, просить о помощи, взывать к нему: «Миленький наш батюшка, не оставь нас без заступничества и молитв твоих, помоги нам». Верю, чувствую, что батюшка нас не оставляет, все видит и помогает.

*Посл. Галина*

В начале января 2004 года я впервые увидела батюшку отца Бориса. В это время у меня был очень тяжелый душевный период. Я ехала на Исповедь, дрожа от страха, что не смогу искренне покаяться и рассказать о том, что творится со мной. Когда я вошла в келью и увидела батюшку, то слезы градом полились, и эта, первая моя исповедь, была такой, как будто вся моя жизнь была раскрыта, как будто батюшка без моих слов все знал и понимал. Батюшка сам спрашивал, а я только плакала и каялась. Он просто исцелил меня в тот день.

Позже батюшка разрешил нам с Виктором навещать их. И какая это была радость! Приедешь, и сразу к батюшке: «Батюшка, благословите!» Он благословлял своим необыкновенно сильным голосом, четко накладывал на нас крест, и сразу нисходили благодать и радость. Руки у батюшки были необыкновенные: в них была и сила, и ласка, и красота.

Вскоре после нашего знакомства с батюшкой, у меня умерла мама. Возникли такие обстоятельства, которые я просто не представляла, как разрешить. Я позвонила батюшке, рассказала, просила его совета и молитв. Он мне

сказал: «Молись, доченька, Господь милостив, и я буду молиться». Это было поздно вечером, а наутро все чудесным образом устроилось. И так по батюшкиным молитвам было не раз.

В радости духовного общения с батюшкой наша семья провела два года. Мы с Виктором планировали навестить батюшку и Зою 31 декабря, но неожиданно для самих себя собрались и поехали в четверг 29 декабря. Так Господь оказал нам милость побыть с батюшкой в последний день его земной жизни. В этот день отец Борис в последний раз на земле благословил нас.

*Виктор и Вероника Бурыкины*

Нас познакомила с о. Борисом Игумения Богородице-Рождественского монастыря матушка Викторина. Когда я впервые увидела о. Бориса, мое внимание привлекли его руки: живые и красивые. Благословляя меня, батюшка назвал меня Лией многочадной, но у нас тогда был только один сын Никита.

Из Москвы мы с мужем поехали в Толбицу к батюшке венчаться. В этот день праздновалась память Святых Бессребреников Космы и Дамиана. Батюшка служил Литургию, и прежде, чем обвенчать нас, он исповедал нас и причастил. Началось венчание. Мы оказались в каком-то нереальном мире: «Положи́а ѿгнѣ на глакѣхъ ѿхъ вѣнцы...», — стали выводить певчие тоненькими голосами, и мы почувствовали сопричастие Божие, затем «Нѣмѣ ликѣй». Батюшка положил епитрахиль на наши руки и повёл вокруг аналоя... Обратнo в Москву на поезде мы не ехали, а летели, так мы были счастливы!

У нас подрастал сын, и многое в воспитании не получалось, а батюшка расстраивался, что я делаю из своего ребенка кумира. Он учил, что одна часть наша, а две части Божии. Вскоре у нас родилась дочь Настя. Мы назвали ее в честь Анастасии Римляныни. Именно в день этой святой батюшка в 1951 году отслужил свою первую Литургию в Толбицком храме.

Когда сыну исполнилось 12 лет, батюшка сказал, что с этого времени начинает развиваться религиозное чувство. Мы однажды приехали с сыном в праздник Троицы. Это бы-

ло забываемо: всё в зелени, и очень много детей, крестный ход с иконами вокруг храма в день Святого Духа. С тех пор мы старались всегда быть в эти дни в Толбицах.

В 2002 г. вышла батюшкина книга «Духовная жизнь как предначатие жизни вечной», которая многое изменила в нашем сознании. После исповеди у батюшки мы всегда выходили обновленные. «Читай Псалтирь, — говорил он мне, — это и молитва и назидание».

Когда мы ждали третьего ребенка, мы попросили благословение у батюшки, если родится мальчик, назвать его батюшкиным именем. Батюшка благословил, и теперь у нас растет маленький Борис.

С любым новым начинанием или бедой мы всегда обращались к батюшке. За 4 месяца до кончины нашего батюшки моей маме сделали трепанацию черепа. Прежде всего мы обратились к батюшке прямо из Анапы, прося его молитв. Он очень внимательно следил за ее выздоровлением, не будучи с ней даже знаком. Он вымолил маму у Господа!!! Его молитвы были заступлением и покровом для нас от всего плохого.

*Алексей и Лия Рыбины*

## НАСТАВЛЕНИЯ

### О спасении и спасающихся

\* Творящий волю Божию никогда не будет забыт и оставлен Богом — ни в земной жизни, ни в будущем веке. Все люди обременены грехами и немощами, но нельзя говорить вместе с некоторыми новообращенными «ревнителями», что все грешники пойдут в геенну. Стремящиеся к Богу, немощствующие, но кающиеся, не погибнут: Господь будет вести их к Себе в Свое Царствие и спасать, промышляя о них полезное. «Въ домѣ Сѣца многѣ ѡбкѣтани многи г҃чѣ»<sup>1</sup>, — сказал Спаситель. Состояние душ различно, но Всемилостивый Господь желает спасти каждую душу, которая Его призывала и сотворила хоть немного доброго. Никакое, даже самое маленькое, незначительное добро не забыто у Бога, ни одна слезинка, пролитая в скорби о содеянных беззакониях, не остается незамеченной Всевидящим Оком.

\* Один неверующий человек сказал, что, хотя люди чаще отвечают на сделанное добро злом или неблагодарностью, однако добро делать необходимо, поскольку это доставляет пользу совершающему доброе и, кроме того, само добро, подобно разносимым семенам, где-нибудь да прорастает и приносит свои плоды. Если таково мнение неверующего человека, то как же должен рассуждать верующий?

\* Среди греховного мира все доброе и праведное неизбежно подвергается гонениям. Истина всегда гонима: я бы даже сказал, что истине необходимо быть гонимой на земле, иначе она не будет истиной. Если бы она принадлежала миру, «мир свое любил бы». Поэтому последователей истины не может быть много, и к ним обращается Спаситель с ободрением: «Не кѡнѣа, мѣлоѣ стѣдо: ѣакѡ бл҃гонзвѣклн Сѣцѣ

---

<sup>1</sup> Ин. XIV, 2.

кѡша дѣти кѡмѣ цр҃кѣ»<sup>1</sup>. Это Царство начинается еще здесь, на земле, в душах тех, кто его разыскал, кто стремится ко всему истинно доброду, святому и Божественному, а продолжается — в бесконечной жизни. Этот дар — Царство Небесное — не сравним ни с какими земными благами, и ничто не может быть равноценно ему. Тех, кто приблизился душой к Царству Живого Бога, и убождает Господь, говоря: «Бл҃жѣннѣ сѣчѣ, сѣдѣ понобѣчѣ кѡмѣ и нѣждѣнѣчѣ и рекѣчѣ кѣлѣкѣ зѡлѣ глаголѣ на кѣ лжѣще менѣ рѣднѣ: рѣдѣйтѣсѣ и кѣселѣйтѣсѣ, ѣкѡ мздѣ кѡша многа на небѣсѣхѣ»<sup>2</sup>.

\* Христовы последователи сильны не численностью, но тем, что воистину с ними — Бог. Благодатное присутствие и заступление Божие, пребывающее даже с одним, угрожающим Богу человеком, не могут не чувствовать окружающие его люди и все создание Божие. Святитель Иоанн Златоуст говорит: «Дайте мне лучше десять человек, творящих волю Божию, нежели тысячу беззаконников». Во времена Святых Мучеников в древности православные христиане отвечали, когда их спрашивали об отличии их веры и их Церкви от прочих: «Мы веруем во Святую Троицу и любим друг друга».

\* Помните, что страждущая добродетель сильнее, выше торжествующего (временно) зла, и гораздо действеннее последнего.

### О духовной жизни

\* Духовная жизнь есть такой образ земной жизни человека-христианина, когда дух человека, занимая господствующее положение в отношении души и тела, направляет их деятельность при помощи благодати Божией в сторону жизни вечной, то есть Царствия Божия.

\* Чтобы правильно и успешно шествовать по узкому пути духовной жизни, нужно иметь верную цель — Царствие Божие, приближение к Богу, богопознание, а также понимать, что эта цель достижима по мере очищения сердца человека от греховной скверны, страстей и по мере духовного возрастания подвижника в добре (или в добродетелях), что

<sup>1</sup> Лк. XII, 32.

<sup>2</sup> Мф. V, 11–12.

невозможно без благодатной помощи свыше. Только чистые сердцем Бога узрят.

\* Духовная жизнь подобна восхождению по скользкому склону горы. Подвизающийся, поддерживаемый Божественной благодатью, совершает восхождение «неспешной стопой», «старческим» шагом, осторожно, но твердо ступая по скользкому скату (батюшка приводил в этом случае строку из стихотворения о преподобном Серафиме Саровском: «Двигается старец неспешной стопой»). Он продвигается к вершине лишь потому, что его поддерживает Господь. Как только человек впадает в гордость и самонадеяние, думая, что он уже высоко поднялся («а можно бы взобраться и еще выше»), и начинает, приписывая себе и своим силам и способностям то, что ему и им не принадлежит, делать «рывки» и «скачки» вверх, любящий Господь, не желающий гибели подвижника, отнимает благодатную поддержку от восходящего, и он, лишенный помощи Божией, не только не может более идти вверх, но спускается все ниже, «скатываясь» по склону горы до тех пор, пока не осознает своей немощи и не смирится перед Богом. Смирненное состояние души сразу же привлекает Божественную милость и помощь. Рука Господня останавливает человека в его падении и вновь дарует ему Свою благодать. В таком случае подвижник вынужден продолжать восхождение с того места или с той ступени, куда он ниспал. Наученный горьким опытом, он старается впредь более полагаться на Господа, а не на свои труды и подвиги, как бы велики они ни были. Как гласит народная мудрость: «Без Бога — ни до порога».

\* Избранные Апостолы Христовы не могли долгое время пребывать на Фаворе. Падшее человеческое естество немощно: оно не в состоянии долго пребывать на высоких духовных степенях, как об этом свидетельствует Преподобный Макарий Великий и другие угодники Божии, достигавшие фаворской высоты духовного совершенства. Милостивый Господь может даровать и новонаначальному подвижнику высокое духовное состояние, «Фавор», чтобы утвердить его на спасительном пути к Небу. Однако нужно искать не состояний, а очищения души и совести перед Богом, и стремиться принести духовный плод, который, по слову Апостола, есть

«любы, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, многосѣрдїе, кѣра, кротость, воздержанїе»<sup>1</sup>.

\* «Фавор» — это состояние неизреченной, всеобъемлющей Божественной Любви: душа истинно милующая распалается любовью ко всякому созданию Божию, ей всех жаль, для нее нет «ни иудея, ни эллина»<sup>2</sup>, как свидетельствует о том преподобный Макарий Великий. Такая душа, имея в себе начатки Царствия Божия и предвкушая духовные блага уже в земной жизни, созидает Царствие Божие и вокруг себя: каждое прикосновение к внешнему миру человека, пришедшего в эту меру духовного совершенства, исполнено любви и граничит почти с чудотворением или является почти чудотворением. Человек, не оградивший себя смирением, не очищающий свое сердце, не может пребывать в подобном состоянии. По учению Святых Отцов, в частности — преподобного Иоанна Лествичника, полезно читать и вспоминать о том, как проводили жизнь Святые Угодники Божии, какого совершенства в добродетелях они достигли, похвально подражать им, но сразу же сделаться такими, как они — не только бесполезно, но даже и небезопасно. Принцип духовной жизни хорошо выражен в народной поговорке: «Вперед не бросайся, но и назад не оставайся».

\* Цель духовной жизни, состоящая в богопознании, достигается молитвой, которой главным образом определяется наше отношение к Богу, трезвением (внутренним вниманием), что, по учению Святых Отцов, является духовным подвигом аскетического самовоспитания, и трудом, которым определяется отношение к внешнему миру. Духовная жизнь, как и обыкновенная человеческая жизнь, имеет свои возрастные периоды, называемые степенями духовно-нравственного преуспеяния. Преподобный Никита Стифат говорит о трех степенях преуспеяния: очистительной, просветительной и таинственной или совершительной<sup>3</sup>. Преподобный Макарий Великий прибавляет к вышеназванным

---

<sup>1</sup> Гал. V, 22–23.

<sup>2</sup> Макарий Великий, Прп. Духовные беседы, послания и слова. Сергиев Посад, 1904. С. 71.

<sup>3</sup> Добротолубие. Сергиев Посад, 1993. Т. V. С. 151 (п. 41).

четвертую, приготовительную степень — «трудничество»<sup>1</sup>. Каждой степени соответствует свой образ молитвы, вид трезвения и труда. Духовный рост и развитие должны происходить постепенно и равномерно. Если растение развивается неравномерно, или слишком быстро, или замедленно — оно не приносит должного плода или совсем остается бесплодным. Человек, нарушающий Божественный закон, являющийся непреложным не только для духовной жизни, но и для всей одушевленной природы, всего живущего, становится духовно неполноценным, впадает во многие беды и ошибки. Чтобы их избежать, необходимо найти наставника, имеющего опыт духовной жизни.

### **О послушании духовному наставнику и откровении помыслов**

\* Батюшка часто приводил в беседах святоотеческие слова: «Иереев всех почитай, а в ком уверен — к тому прибегай, и не всякому человеку открывай свою душу»<sup>2</sup>. Также он имел обыкновение повторять своим духовным детям слова Священного Писания: «Дрѣвѣи чкѡи да кѣдѣчѣ мнѡзи, совѣтчици же чкѡи ѣдѣни ѡ чыслаци»<sup>3</sup>. Он говорил: «Всегда и на всяком месте человеку предоставлена возможность найти того, кому оказать послушание, было бы желание слушаться. Господь укажет наставника в соответствии с духовными нуждами и внутренним устройением подвижающегося. За преслушание наши прародители были изгнаны из рая. Вкусивший от запрещенного плода древа познания добра и зла, человек по суду Божию должен был «познать» и понять, какое добро, благо заключается в послушании Богу и какое зло — в непослушании Ему. Помня о том, откуда и ради чего он ниспал, человек должен начинать путь в Небесное Отечество именно с послушания».

\* Послушание бывает святое и слепое. Святым называется послушание, оказываемое ради Бога духовному отцу или матери и нашим ближним, во всем, согласным с Запо-

---

<sup>1</sup> Добротолюбие. Сергиев Посад, 1992. Т. I. С. 172–260.

<sup>2</sup> Нил Синайский, Прп. // Добротолюбие Т. II. С. 273 (п. 38).  
Ефрем Сирийский, Прп. // Добротолюбие Т. II. С. 447 (п. 56).

<sup>3</sup> Сир. VI, 6.

ведями Божиими, Священным Писанием, учением Святых Отцов, а также принятие и исполнение воли Божией в различных промыслительно посылаемых нам обстоятельствах. Слепым можно назвать послушание всем без разбора лица и цели послушания; причем, цель может быть весьма далекой от исполнения заповеди или воли Божией, а иногда и вовсе им противоположной. Смириться можно и перед сатаной, но в этом нет и не может быть ничего спасительного. Для того, чтобы оказывать истинно святое послушание, нужно быть внимательным, не оставлять духовного делания-трезвения и иметь на всякое дело благословение и совет духовного наставника. «Спа́сѣніе же ѣсть ко мно́зѣмъ совѣтъмъ»<sup>1</sup>, но не в советах многих, а в том, чтобы советоваться с одним духовно опытным человеком и с его помощью приобретать опыт духовной жизни.

\* Наши благочестивые предки испрашивали на всякое дело и начинание благословение Божие; и оно ниспосылалось им или через иереев Божиих, старцев, Святых Угодников и праведников, которым Господь открывал Свою Волю, или, если не представлялось возможности спросить человека, духовно опытного, благословение испрашивалось усердной коленопреклоненной молитвой всей семьи перед святыми образами, когда глава семьи обращался ко Господу, предавая Его милосердию всех своих близких. Так надлежит поступать и нам по примеру наших отцов и дедов: «сѣ́лай ѿ бл҃гословѣ́ніи, ѿ бл҃гословѣ́ніи ѿ по́жнѣтѣ»<sup>2</sup>.

\* Открывая духовному наставнику свои душевные немощи, мы обезоруживаем врага нашего спасения: когда мы разоблачаем его козни в какой-то области души, в ходе наших мыслей, которые подчас бывают не нашими, а вражескими, но принятыми нами за свои собственные, когда мы обвиняем себя в неправых чувствованиях, сердечных движениях, действиях, поступках перед духовным наставником, тогда диавол бывает обличен, обнаружен и посрамлен. Враг ничего так не боится, как быть узнанным, разоблаченным: после того, как откроются его дела, он этой дорожкой, т.е. тем, в чем он нас искушал, больше не пойдет. Он будет

---

<sup>1</sup> Притч. XI, 14.

<sup>2</sup> II Кор. IX, 6

продолжать искушать человека, но по-другому. А если не открывать его «вражеской работы», он «совет гнездо»<sup>1</sup> и прочно утвердится в какой-либо части души как в своем достоянии и будет, незаметно для человека, вести его к гибели через его страсть, скрываясь от духовного взора и не давая понять своих действий.

### О молитве

\* Молитву можно назвать душой Православной религии.

\* Молясь, мы должны понимать и осознавать, перед Кем мы предстоим и что испрашиваем себе в молитвах, о чем молимся. Когда мы произносим на молитве рассеянно лишь слова, то творим небогоугодную молитву. Подобное «искушение от мира» может быть на всех степенях совершенства духовной жизни; истинная же молитва, или, как называют ее Святые Отцы, «должная», приобретается путем духовного делания, то есть за счет внутреннего внимания и усиленной работы над самим собой. Когда человек молится искренно, хотя бы даже своими словами и о душевном, но с усердием — он уже стоит на пути к истинной, должной молитве.

\* Молитва, в том числе и молитва Иисусова, должна быть в русле исполнения воли Божией, заповедей Его. «Не вѣкъ глаголаи ми: гдѣ, гдѣ, внидегъ въ цркви нѣное: но чторай колю оца моего, ѿже състь на негѣхъ»<sup>2</sup>. В противном случае, употребление молитвы Иисусовой и любой другой, даже искреннее, не принесет плодов и духовной пользы.

\* Четыре качества истинной молитвы — покаянность, благоговейность, внимательность и неспешность — взаимосвязаны: от одного рождается другое, следующее за ним качество. От неспешного произнесения молитв появляется внимание к произносимому; от внимания рождается сознание, перед Кем предстоит молящийся, и благоговение к Святыне. А в свою очередь, сознание, Кому мы молимся, т.е. Безгрешному, Чистому, Святому Богу, по-

<sup>1</sup> Ефрем Сирин, Прп. // Добротолюбие. Сергиев Посад, 1993. Т. II. С. 447 (п. 56.)

<sup>2</sup> Мф. VII, 21.

лагает в душе начало покаянному чувству, приводит ее в сокрушение о грехах, и молящийся уже не одними лишь устами произносит молитву мытаря: «БЖЕ, мЛГНКЪ КЪ ДН МНѢ, ГРѢШНОМЪ»<sup>1</sup>.

\* Прежде чем приступить к молитве и обратиться к Богу, молящийся должен создать в себе самом мир и покаянное настроение. Наша молитва должна совершаться в Евангельском духе и быть исполненной святыми, добрыми чувствованиями и благожелательным отношением к нашим ближним. Молитва за врагов — это смиренное прошение о том, чтобы Милостивый Господь сделал врагов нашими друзьями, но ни в коем случае не просьба об отмщении за нас и наказании их. Те, если так можно выразиться, «молитвы», в которых есть место злобе, памятозлобию, гневу, ропоту и другим подобным чувствам, — также бывают услышаны: но слышит их не Бог, а сатана, «рассматривающий» такие прошения и иногда исполняющий их по поущению Божию.

\* Господь всегда расположен помочь человеку, желающему добра, каким бы он ни был. В древние времена язычники молились своим богам: они заблуждались, отступив от истины, но, тем не менее, их верования были своего рода богоисканием ветхозаветного человечества, людей, «сѣдѣицѣхъ ко тьмѣ... ѿ сѣни смѣртной»<sup>2</sup>, в душах которых жила и теплилась неугасимая искра духа. И если эти люди в своих молитвах просили о добром, то их слышал Истинный Бог, исполняющий «во благих» желание человека. Не тем ли более Он, Господь наш, сказавший: «Прогнѣте, ѿ дрѣвѣхъ камѣхъ: ѿицнѣте, ѿ ѡбръщнѣте: толцнѣте, ѿ ѡкѣрзѣнѣхъ камѣхъ»<sup>3</sup>, должен услышать и помиловать православно верующих в Него, «копїюцихъ къ немѹ дѣнь ѿ ноцнѣ»<sup>4</sup>.

\* Основная главнейшая молитва православного христианина есть молитва книжная, изложенная в православных молитвословах, то есть определенная и благословенная Православной Церковью. Отцы Церкви строго предупреди-

<sup>1</sup> Лк. XVIII, 13.

<sup>2</sup> Ис. IX, 1–2; Мф. IV, 15–16.

<sup>3</sup> Мф. VII, 7.

<sup>4</sup> Лк. XVIII, 7.

ли об этом молящегося, поскольку самоизмышленные молитвы, как бы красивы они ни были, являются произведением падшего разума, а молитвы, составленные Святыми Отцами, православны по духу и содержат правильные, «непрелестные», глубокие и святые мысли и чувствования, которые желательно бы усвоить, доброй христианской жизнью соделать своими собственными каждому из нас. Чтобы слова молитв и покаянные и благодарственные чувства, которыми они исполнены, стали воистину нашими, исходящими из сердца, нужно с ними сродниться жизнью, исполняя Заповеди Божии и их исполнением приближаясь к Царству Живого Бога. Желательно также, по совету Святителя Феофана Затворника, в свободное время прочитать положенные на правиле молитвы, «обдумать и občувствовать»<sup>1</sup>, узнать объяснение, толкование тех слов и мест, которые могут быть неясными, непонятными.

\* Говоря о молитве, Святые Отцы отмечают три степени духовного преуспеяния. Достигая первой степени, подвижник должен выработать в себе внимание, чтобы добиться молитвы непрерываемой; ибо первоначальная, прерываемая молитва бывает далека от устройства, и молящийся, рассеиваясь мыслью, не слышит сам себя. На второй степени он достигает умно-сердечной молитвы, когда, по словам преподобного Нила Синайского, «произносятся слова, а ум с умилением следует за оными, и знает, к Кому обращает прошение»<sup>2</sup>. Третья степень называется таинственной. У достигших этой духовной высоты совершается особенная молитва — «некое восхищение ума, всецелое отрешение его от чувственного, когда неизглаголаннми воздыханиями духа приближается он к Богу»<sup>3</sup>.

\* Должно сказать, что на первой степени духовного преуспеяния молитва должна быть обязательно произносимой громко или шепотом. Она должна совершаться как можно медленнее, чтобы дать возможность молящемуся вникнуть и уразуметь смысл и силу молитвословия.

---

<sup>1</sup> Феофан Затворник, Свт. Что есть духовная жизнь, и как на неё настроиться. Л., 1991. С. 171.

<sup>2</sup> Добротолюбие. Сергиев Посад, 1993. Т. II. С. 229.

<sup>3</sup> Там же.

\* Молитва есть начало нашего богообщения. До грехопадения человека весь Эдемский рай, в котором он жил, был для него собственно храмом, в котором Бог беседовал с безгрешными людьми, как Отец с детьми, поэтому первоначально люди не имели нужды в молитве. Но после нарушения заповеди Божией и изгнания из рая сладости, молитва приобрела для человека свой настоящий смысл и великое значение, как смиренное, покаянное, благоговейное обращение к Богу, испрашивающее у Него прощение, покров и защиту падшему и немощному созданию, желающему возвратиться от греховной тьмы к Невечернему Свету. В самой молитве начинается наше противостояние царству тьмы. Истинная молитва всегда вызывает отрицательную реакцию силы вражией — это один из признаков богоугодности нашей молитвы.

\* Враг пытается всеми мерами разрушить или осквернить нашу молитву. Таким осквернением является, например, зложелание в молитве, прошение об отмщении врагам. Также неугодна Богу молитва мелочная, когда в своей молитве человек усердно просит Господа исполнить свои земные желания, даже добрые, вплоть до мелочей, а также молитва «наемная», когда человек, не желая молиться сам, нанимает других молиться о собственных нуждах, такая молитва в жизни духовной может иметь место только тогда, когда просьба христианина помолиться за него другого человека, например, священнослужителя, подкреплена собственной молитвой.

\* Вера и любовь, как известно, сопутствуют всякой молитве: без них нет и не может быть молитвы. Истинный подвижник благочестия, будь то мирянин или инок, или священнослужитель, молится по любви и не только о собственном спасении, но о здравии и благополучии своих близких и знакомых. Совершая молитвенное правило, делая поклоны пред Богом, можно и должно поминать живых и усопших близких нам людей, но не в «многоглаголании», а кратко, со смирением.

\* Когда я находился в лагере, то однажды был свидетелем того, как заключенные большевики и эсеры спорили между собой: спорный вопрос касался методов уничтожения религии в государстве. Большевики считали лучшим и более

радикальным «революционный» метод: разрушение храмов, уничтожение верующих, осквернение святынь и т.д. Они говорили, что этим способом можно быстрее достичь цели. Эсеры же не считали действенными «грубые» меры: они предлагали метод «эволюции», говоря, что необходимо постепенно «выхолостить» и уничтожить молитву, сделать ее бесплодной, бессмысленной, ненужной в сознании верующих, тогда религия уничтожится сама собой без усилий и затрат. И должен сказать, что мнение последних было ближе к истине, поскольку религия — это союз Бога с человеком, при котором человек восходит к Богу в молитве и исполнении воли Божией, а Бог нисходит к человеку в Откровении Своей воли. Бог сотворил человека свободным, и не принуждает Свое создание к общению с Собой: Он лишь призывает человека «*ймнжъ вѣстчь г҃дѣамнѣ*», но обратиться к Богу и сделать шаг к Его Царствию должен, при помощи Божией, сам человек.

### О трезвении и покаянии

\* Если молитву мы называем «дверью» в духовную жизнь, то трезвение — «сердцевиною» ее: трезвение в духовной жизни то же, что семена внутри плодов.

\* Трезвение, по слову преподобного Исихия Иерусалимского, есть «духовное художество»<sup>1</sup>. Трезвением называется совокупность духовно-телесных подвигов и средств, способствующих духовному развитию и совершенствованию христианина, целый комплекс духовных деланий, основанных на внутреннем внимании. Это не просто «воздержание от излишеств», но глубинная и напряженная работа над самим собой. Без трезвения нет и не может быть духовной жизни в полном и истинном смысле этого слова.

\* В духовной жизни христианина трезвение имеет примерно такое же значение, как физическая культура и спорт в жизни физической: как эти занятия способствуют укреплению тела и воли человека, так трезвение способствует укреплению духовно-телесной природы христианина-подвижника и приводит ее в состояние гармонии, восстанавливая то, что расстроил первородный грех. Оно развивает и укрепляет дух, поработав тело духу.

---

<sup>1</sup> Добротолюбие. Т. II. С. 157.

\* Можно быть христианином по вере, но духовной жизнью не жить. Можно молиться Богу и трудиться ради Господа, но и то и другое должно иметь свою осмысленность: эту осмысленность и глубину каждому деланию придает именно трезвение, и только оно.

\* Трезвение непосредственно связано с внутренним вниманием, которое по сути есть самонаблюдение. Человек непрестанно следит не только за совершаемыми им действиями, анализируя их, но, опережая действие, научается видеть возникающие помыслы и душевные движения, различая их, одни — отравая, а другим — следуя. Учение о трезвении зиждется на основании Священного Писания и святоотеческих правил: Священное Писание и творения Святых Отцов есть то зеркало, в котором подвизающийся видит, насколько его мысли, чувствования и поступки соответствуют или не соответствуют Заповедям Божиим и вообще духу Православного Христианства. Но, чтобы вполне овладеть этим «Художеством», мало только знания и чтения Священного Писания и святоотеческих творений (поскольку не все написанное мы можем правильно понять и воспринять), здесь необходим также опытный и «непрелестный» духовный наставник, проходящий путь духовного делания.

Но трезвение — это не только самонаблюдение, равно как и покаяние — не просто раскаяние в содеянном, а аскетизм — не только самопринуждение, самообуздание и внешнее воздержание. Для преуспевания в духовной жизни необходимы *деятельные* трезвение и покаяние, ведущие к исправлению жизни, и всеобъемлющее, а не одностороннее, духовное делание — устроение Царствия Божия в душе подвижника при помощи Божественной благодати и всесторонних (внутренних и внешних) усилий и трудов подвизающегося, предпринимаемых ради очищения сердца от страстей, приобретения добродетелей, стяжания Духа Святаго, приближения к Богу.

\* Так же, как и молитва, трезвение возрастает, развивается и совершенствуется по степеням духовного преуспевания. Такие степени духовного взросления подвижника-христианина Святые Отцы Церкви основывают на Священном Писании. В частности, размышляя о девяти Заповедях Бла-

женства, изложенных Самим Спасителем в Его Нагорной проповеди (Мф. V, 3-12), можно разделить эти Заповеди на три части (по три Заповеди в каждой из частей) и обнаружить в них указанные выше три степени духовного преуспеяния (взросления). Также можно определить составные части каждой из трех степеней: смиренномудрие, покаяние, кротость — первая степень (см.: Мф. V, 3-5); желание спасения, милосердие, чистота сердца — вторая степень (см.: Мф. V. 6-8); благовествование мира, радование в связи с гонениями за правду и блаженство в связи с гонениями за Христа — третья степень (см.: Мф. V, 9-12). «Б҃гї же хотѣціи бл҃гоуспѣннѣ жити ѿ хр҃тѣ инѣк, гонїми кѣдѣхѣзѣ»<sup>1</sup>, говорит Священное Писание.

\* Преподобный Иоанн Лествичник изложил свое учение о совершенстве и преуспеянии в духовной жизни в виде 30-ступенной лествицы (лестницы) «в меру» полного «кѣзрѣгга хр҃гѣкка»<sup>2</sup>, то есть по числу лет возраста Господа Иисуса Христа, явившегося на проповедь народу. Преподобный Иоанн также начинает свою «Лествицу» словами о смиренномудрии, покаянии и кротости, далее он, излагая свое учение о добродетелях в духе девяти Заповедей Блаженства, исследует противоположные им пороки, а заканчивает «Лествицу» рассуждением о молитве, бесстрастии и трех христианских добродетелях — вере, надежде и любви — вершине добродетелей и венце совершенства. Создавая свой труд в основном для монашествующих, он обращается и к мирянам, желающим жить духовно и свято, с увещанием делать все доброе, что для них возможно: ведь духовная жизнь реальна для всех, а монашество — удобнейший, но не единственный путь ко спасению. Современным христианам, читающим «Лествицу», я бы посоветовал обратить большее внимание не на описываемые в книге внешние подвиги и деяния, такие как умерщвление тела суровым постом, бдениями и т.д. (хотя умеренное воздержание очень полезно), но на советы Преподобного, способствующие приобретению добродетелей смиренномудрия, послушания, кротости, незлобия. «Лествица» является богатейшей сокровищницей аскетической премудрости.

---

<sup>1</sup> II Тим. III, 12.

<sup>2</sup> Еф. IV, 13

\* Подвижник IV века Преподобный Макарий Великий приводит четыре степени совершенства духовной жизни, а именно:

1. Образование твердой решимости спастись о Господе (предочистительная степень).

2. Состояние трудничества (очистительная степень).

3. Состояние приявших действенность Духа (просветительная степень).

4. Высшая степень совершенства христиан (таинственная или совершительная степень).

Святитель Афанасий Великий находит некоторую связь заповедей блаженства с первым псалмом Давида. Вникая в глубину содержания псалма, нетрудно заметить те самые четыре степени духовной жизни, о которых говорит преподобный Макарий Великий<sup>1</sup>. «Бл̄жнѣх мѹжѣх, ѿже не ѿде на гокѣхъ нечестивыхъ (предочистительная степень — решимость оставить беззакония и встать на путь спасения), ѿ на пѹчтѣ грѣшныхъ не гдѣ (состояние трудничества, очистительная степень — борьба с внешними искушениями и удержание себя от греховных действий), ѿ на гдѣмни гдѣмни не гдѣ (состояние приявших действенность Духа — внутренняя духовная борьба, происходящая в сердце подвижника, доходящая до глубин, до «корней» его страстей, иными словами, борьба за очищение сердца, из которого, по слову Господа, исходят «злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления»<sup>2</sup>): но кѣ законѣ гдѣи колѣ гдѣ ѿ кѣ законѣ гдѣи побѣдѣ дѣнь ѿ нощь!» (высшая степень совершенства)<sup>3</sup>. Слово «побѣдѣ» в данном контексте означает занятие, постоянное упражнение и размышление. Однако это не умственное размышление о Законе, а богопознание, именно то, что Святые Отцы называют «зрением Горнего мира».

\* Начинаящий подвижник прежде всего должен заняться изучением Слова Божия. Чтобы хорошо узнать духовный мир, в который он направляется, ему необходимо изучить Закон Божий, Символ нашей веры, Заповеди Бо-

<sup>1</sup> Добротолюбие. Сергиев Посад, 1992. Т. I. С. 172–260.

<sup>2</sup> Мф. XV, 19.

<sup>3</sup> Пс. I, 1–2.

жии. Постоянное участие в церковном богослужении, чтение Священного Писания, домашняя молитва, духовные беседы с опытными, благочестивыми христианами — вот средства, указанные Святыми Отцами для этого духовного делания. Причем во время вышеуказанных духовных бесед вступающий на путь спасения должен научиться слушать, воспринимать и спрашивать то, что ему необходимо, но сам не учить и не разглагольствовать. Для новоначального лучше всего высказывать свое мнение без настойчивости, не уподобляясь учителю и наставнику, но смиренно предлагая свою точку зрения и хорошо помня, что сказанное неверно и безвременно многим повредило, а в молчании никто и никогда не раскаивался. Но всего вышесказанного не будет вполне достаточно, если подвижник еще на предочистительной степени не исследует тщательно самого себя, не распознает своего «внутреннего человека». Он должен выяснить свои недостатки и дать надлежащую оценку своему внутреннему состоянию в соответствии с Заповедями Закона Божия. Нужно сказать, что эта первая «оценка» не будет окончательной, и в течение духовной жизни подвизающемуся будет постепенно открываться поражение его души различными страстями и немощами, но первоначальный взгляд на самого себя в свете Заповедей Божиих рождает в душе человека покаянное чувство, способное «перерасти» в истинное, деятельное, всеобъемлющее покаяние.

\* «Познай самого себя», — говорят Святые Отцы-подвижники. Но с чего начать? Как научиться следить за тем, что происходит внутри, когда трудно бывает правильно понять и успеть среагировать на происходящее совне? Мы привыкли жить внешним и как бы совне, а нужно постараться войти в самого себя. И первым шагом может быть вот такое делание, которое можно проходить и в обителях, и в обычной мирской жизни. Каждый вечер можно уделять немного времени на самоиспытание. Для этого нужно уединиться, при этом уединение — это не обязательно уход от окружающих, но состояние внутренней сосредоточенности, мысленное отложение житейских попечений, внутреннее удаление от суеты. Сесть где-нибудь, собраться с мыслями и, вспоминая, мысленно пройти весь прошедший день, все события в течение дня, все, что непосредственно нас каса-

лось, в чем мы участвовали, и спросить себя, какие мысли возникали, какие чувства нас волновали, каковы были наши поступки, не было ли чего неподобающего, греховного, несоответствующего Заповедям Божиим в помышлениях, желаниях и действиях, насколько взаимосвязаны внутреннее состояние и наши поступки, какую реакцию вызывают в нас те или иные обстоятельства жизни. Из этих жизненных наблюдений можно делать выводы, какие страсти нас беспокоят, а также извлекать многие уроки и стараться на следующий день быть внимательнее в тех или иных случаях, постепенно привыкая сперва сдерживать себя от злых дел, а далее учась отражать помыслы, с которых начинается путь ко греху. Имеются в виду греховные помыслы, предлагаемые врагом и развиваемые нами по нашим страстям, а не вся мысленная деятельность человека.

\* В Рижской женской пустыни во времена, предшествующие революции, было такое правило в отношении трезвения. Новоначальная послушница вручалась опытной в духовной жизни старице, которая принимала её откровение помыслов. Старица давала своей подопечной памятку — листок с предлагаемыми вопросами, которые должна была задавать сама себе послушница в течение дня. Это своеобразное пособие оказывало немалую помощь тем, кто еще не привык следить за своим внутренним состоянием и внешними действиями. На листке были написаны вопросы: «Как ты провела ночь? Не было ли какого искушения в течение ночного времени? Как ты встала утром? С молитвой ли начала день? Не была ли ты побеждаема многозаботливостью, раздражительностью или еще чем-нибудь греховным в начале дня? Как встретила сестер? Как отнеслась к данному тебе послушанию? Выполняла ли его с ропотом и недовольством или приняла, как данное от Бога? Какие искушения встретились тебе в течение дня? и т.д.» Такую памятку может иметь каждый: как монах, так и мирянин. Совесть человека всегда подскажет ему, что он делает неправильно — только необходимо не заглушать ее голос и не обманывать самого себя. Хорошо, если Господь дарует человеку на сем пути духовного наставника, но это случается, как правило, тогда, когда желающий обрести путевого истинно стремится к Царствию Божию, а не к каким-

то другим целям, и готов оказывать послушание и исправляться.

\* Первоначальное покаяние православного христианина, вступающего на путь духовной жизни, должно быть полным, углубленным и всеобъемлющим. В результате тщательного, углубленного исследования своего внутреннего состояния он должен осудить себя, причем осудить беспощадно не «нищикати кнны ѿ грѣкѣхъ»<sup>1</sup>, как говорит Псалмопевец, то есть не искать оправдательных причин. Такое покаяние подобно исповеди умирающего или человека, который исповедуется за всю жизнь, исповедуется впервые.

\* В духовном делании нельзя предполагать состояния строго определенного; духовный рост не определяется временем, он управляется свыше соответственно духовному состоянию подвижника, а потому и грани между степенями точно определить нельзя. Человеческая природа состоит из трех частей: духа, души и тела. Эти три начала существуют вместе, однако в земной жизни человека они движутся по-разному, каждое начало по своей «тропинке» или «ярусу», как называет пути этих начал Святитель Феофан Затворник. Эти ярусы горизонтальны в отличие от степеней, которые расположены вертикально:

1-й ярус — телесный (удовлетворение лишь телесных потребностей с забвением о душе и духе — неудовлетворительный в нравственном отношении образ жизни)<sup>2</sup>.

2-й ярус — душевно-телесный — промежуточный.

3-й ярус — это занятия наукой, искусством, семейная и общественная жизнь, все, что мы называем житейским поведением.

4-й ярус — душевно-духовный — промежуточный.

5-й ярус — духовный («Дух, как сила от Бога исшедшая, которую вдохнул Бог в лице человека, завершая сотворение его, ведает Бога, ищет Бога и в Нем только Одним находит покой». Проявление жизни духа — страх Божий, совесть и жажда Бога, богоискание<sup>3</sup>).

---

<sup>1</sup> Пс. СХL, 4.

<sup>2</sup> Феофан Затворник, Свт. Что есть духовная жизнь и как на неё настроиться. Л., 1991. С. 17.

<sup>3</sup> Там же. С. 31–32.

Пять ярусов, а лицо человека одно, он может жить то одной, то другой, то третьей жизнью (то есть вести разный образ жизни), но прочие стороны не уничтожаются, а повинуются той, которая занимает господствующее положение. Если человек желает проводить жизнь духовную, то ему необходимо трезвение и молитвенное призывание помощи Божией, чтобы все силы души и тела покорить духу и чтобы все в его жизни служило одной цели — Царствию Божию<sup>1</sup>.

\* К вопросу о «Лестнице». Начиная проводить духовную жизнь, читающим святоотеческие книги, я посоветовал бы начинать не с «Лестницы», но с более для них понятных, хотя и не менее глубоких, творений Святых Отцов, например, с трудов Святого Феофана Затворника, с «Душеполезных поучений» Аввы Дорофея и т.д. Все эти книги отличаются от описаний Житий Святых и жизни подвижников благочестия (которые можно и должно читать каждому православному христианину, и по мере его возможностей, подражать жизни Святых и праведников) тем, что святоотеческие творения имеют сугубо аскетический характер, а следовательно, от читающих их требуется не только прочтение, но и исполнение написанного. Исполнить то, что написано в «Лестнице», хотя бы отчасти, может лишь тот, кто приближается к просветительной степени или достиг состояния «приявших действенность Духа», но до этой степени нужно духовно «дорасти». Чтобы переходить к более высокому, необходимо приобрести первоначальные духовные понятия. Осмысление даже «азов» духовной жизни, ее «азбуки», о которой пишет Авва Дорофей (например, святого послушания, от которого рождается смиренномудрие и т.д.), приходит не столько из книг, сколько из личного жизненного опыта. Но читать духовные книги полезно и нужно, и хорошо бы иметь благословение духовного наставника на прочтение того или иного святоотеческого творения.

### О любви

\* Самое главное свойство праведности, ее отличительная черта — это любовь. Любовь не осуждает, она всегда

---

<sup>1</sup> Николаев Борис, протоиерей. Духовная жизнь как предназначение жизни вечной. М., 2002. С. 34–36.

стремится всех оправдать, всех помиловать. Любовь рас-  
суждает о согрешающем: «Это враг-диавол его смутил».

\* Православная вера отличается от других вероиспове-  
даний тем, что она есть преимущественно учение о любви,  
жизнь по любви. Свойства истинной духовной любви пере-  
числены Апостолом Павлом в его Первом Послании к ко-  
ринфянам (Глава 13). Такая любовь никогда не прекраща-  
ется, «николіже ѿпадеѣтъ»<sup>1</sup>. Вот к такой любви нам должно  
стремиться.

\* Пристрастие или страсть отстоят от истинной любви,  
как небо от земли. Говорят, что «Бог ревнив». Неправда! Он  
есть Ревнитель, то есть, Он справедлив в истинном смысле  
этого слова, Он удаляется неправды, но не отнимает у Свое-  
го создания свободы воли. Ревность, зависть, ненависть,  
«властительство», любоначалие — это страсти, которые  
чужды и противны Божественной любви. Любовь же имеет  
две стороны: справедливость и милосердие. Любовь, обита-  
ющая в человеке, проявляется так: справедливость — более  
по отношению к себе (т.е. внимание и строгость к своим не-  
достаткам) и милосердие по отношению к ближним и всему  
созданию Божию.

\* Милости не будет там (т.е. у Бога), коль немилостив  
ты сам.

---

<sup>1</sup> I Кор. XIII, 8.

## АВТОБИОГРАФИЯ МИТРОФОРНОГО ПРОТОИЕРЕЯ БОРИСА НИКОЛАЕВА

**3 января. Сегодня — день моего рождения.** Я родился 21 декабря 1914 года по ст. стилю в 1 час ночи в клинике доктора Вольфсона. Дом этот стоит напротив пожарного депо на Советской (Великолукской) улице. Родился я на свет ребенком беспокойным, родители вспоминали: кричал беспрерывно. По совету медиков на следующий день я был наскоро крещен в ближайшей церкви Свт. Николая («Никола со Усохи»). Восприемники — сторож Богоприимцев (впоследствии диакон) и бабушка моя по матери Мария Герасимовна Карпова. Так как Крещение было поспеху «страха ради смертного», — имя мне дали без ведома родителей. Кто нарек — неизвестно. Папа был недоволен: он из крестьян, и хотел отметить крестины по традиции. После Крещения крик мой утих: говорят, что няни мои поили меня отваром мака. У матери исчезло молоко. Через шесть недель акушерка Вольфсоновской клиники пришла прививать мне оспу и заметила ненормальное состояние глаз: они были мутные и непрерывно вертелись. Глазной врач признал катаракту обоих глаз. По достижении семи лет требовалась операция.

Надобно рассказать о моих родителях. Мой дед по отцу Николай Николаевич — крестьянин деревни Путилово Богородицкой волости Порховского уезда Псковской губернии. После пожара он строиться не стал, а уехал в Псков со всей семьей: он, жена Анастасия и четверо детей: Иван, Николай — мой отец и две дочери — Ольга и Мария. В городе они занялись мелкой торговлей. В нашем роду торговой жилки не было: что ни пробовали заводить — ничего не клеилось. Вскоре дед умер от «солнечного удара». Дочери вышли замуж, старший сын Иван открыл фруктовый магазин и взял в приказчики моего отца. Потом отец и сам открыл такую же лавку. Иван же торговал до 1919 года и уехал за границу, а там пропал без вести.

Моя бабушка по матери происходила из почтовых чиновников: прадед почтальон псковской губернской почтовой конторы Герасим Карпов и его жена Матрона. В метрической книге Псково-Градской церкви Св. Косьмы и Дамиана (Запсковье) за 1859 год значится: 28 февраля родилась и 1 марта крещена Мария. Это была моя бабушка. В семействе Карповых кроме моей бабушки были еще две старшие дочери — Ирина и Татьяна (о братьях не знаю). Первая, Ирина, окончив гимназию, замуж не вышла: «не приглянулся жених», а их было много, и всю жизнь прожила в служении гувернанткой в домах разных господ. Там ее переименовали Ольгой в память умершей гувернантки, на место которой она поступила. Вторая сестра, Татьяна Герасимовна, вышла замуж за почтового чиновника Дорофея Сергеевича. Дети их умерли: одни в младенчестве, а старший сын Евстафий — в 19 лет, от чахотки. Схоронив мужа, Татьяна вышла замуж за Кричевского Косьму Ивановича, почтового чиновника, коллежского асессора. Детей не было. После ее смерти осталось наследство — капитал в банке. Умирая, она завещала все это тому, кто приютит под конец жизни и похоронит ее мужа Косьму Ивановича.

Мария, моя будущая бабушка, не помнила отца своего, мать тоже умерла рано, и малолетняя Мария осталась на попечении опекуни — старшей сестры Ирины. Ирина довела ее до 5-го класса гимназии и заявила: «Как хочешь, больше твоих денег нет». Мария очень хорошо училась: начальство предложило Ирине подать прошение о том, чтобы устроить ее на казенный счет, но, как рассказывала мне бабушка, «гордость не позволила». Тогда шла Турецкая война. Свирипствовал тиф. При псковской земской больнице открыли лазарет, куда привозили больных и раненых пленных турок. Туда 16-летнюю девочку Машу устроил знакомый попечитель, обещав заботиться и помогать ей: наставлять по службе. Там она прослужила в должности кастелянши несколько лет. Попечитель (я забыл его имя) опекал ее по службе, но не интересовался поведением. И она «свихнулась с пути»: начала гулять, родила сына Евгения, а позднее родился Алексей. Затем нашелся демобилизованный военный фельдшер (война ещё не кончилась) Яков Кузьмич Каргин, который увез ее на Украину

в город Полтаву. Там в 1889 году она родила дочь Лидию, то есть мою маму. Каргин удочерил девочку Лидию. Он жил в разводе с женой, а в то время развод фактически был вне закона — поэтому о венчании не могло быть и речи. Вскоре он умер. Они с земским начальником ехали по весеннему льду по реке и провалились. Оба заболели воспалением легких. Начальник — помоложе — выжил, а Яков умер.

Мария Герасимовна возвратилась на Родину с тремя маленькими незаконнорожденными детьми без средств, не имея ни специальности, ни образования. В Пскове был «Дом Трудолюбия», где таким давали мелкие работы. Но она могла сшить лишь фартук да подрубить носовой платок. Ей предлагали детей отдать в приют, но она отказалась и жила «благородным нищенством».

В школьные годы бабушки во Псков приезжала Государыня Императрица Мария Феодоровна и посетила гимназию. Одна из воспитанниц должна была приветствовать ее величество в форме стихотворения. Исполнить это назначили одну из первых учениц — Марию Карпову. Мария выучила составленный текст «Привета», прекрасно его исполнила и императрица ее «потрепала по щечке». Так рассказывала бабушка. И вот в дни своего скитания она написала прошение на Высочайшее Имя о помощи, напомнив этот эпизод. В ответ на это прошение из канцелярии на имя губернатора пришло распоряжение: «устроить детей учиться на казенный счет и об исполнении донести по принадлежности». Мальчиков определили на попечение Александровского Братства, а девочку — в Ольгинский приют «приходящий». Там детей приходящих кормили и учили. Выдали Лидии новую одежду, в том числе новые полусапожки. А дома тот же ужасный голод. Питались хлебом с водой (кипятком). Горячая пища — редкость. Добудет мать «четвертак» (25 коп.) или «двугривенный» (20 коп.) — купит чего лучше: булок или кренделей. Мальчики ходили в школу в лохмотьях с чужого плеча. Кто-то подарил старые полусапожки дамские старомодные. Мать отобрала у Лидии выданные сапожки для одного из братьев, а ей дала эти старые. Начальница приюта сделала выговор девочке Лиде, велев немедленно обуть казенные: «Здесь модничать не положено!» Дочка заплаканная пришла домой и рассказала маме, а ма-

ма изрекла: «Завтра ты в школу не пойдешь». Её отдали в другую школу. Там привязались к фамилии: она Каргина, а братья ее Карповы. Девочка училась очень плохо. Ее презирали как незаконнорожденную, притесняли и обижали. Дома озлобленная суровая и полуголодная мать срывала на ней всю злобу и ненависть к окружающему миру, а родительской ласки не было и в помине. На вопросы мать отвечала: «отстань», «перестань», «не твое дело» и пускала в ход ременную плетку. Лида росла забитой, робкой, постоянно плачущей, слабоумной. В школе получала тройки и двойки, в каждом классе сидела почти по два года. Очень обижалась на законоучителей-батюшек, которые беспощадно над ней издевались, пользуясь ее положением и бедностью. Но, при всем этом, она безумно любила свою маму до конца жизни; называла ее на Вы (так было принято в их семье, но мальчики, когда выросли, этого не придерживались). Вот эта-то безумная любовь все и напортила.

Между тем дети подросли. В семью явился дядя Косьма Иванович, «вооруженный» духовным завещанием своей покойной супруги Татьяны. Он был уже немолодой и больной. Поселившись у них, он сразу все наладил: снял новую квартиру, девочку отдал учиться портняжному ремеслу; прилично одел детей и устроил нормальное питание. Но распоряжаться средствами не давал — он знал характер Марии Герасимовны. Знал он и то, что долголетие его им нежелательно. Держал их всех строго, постоянно ворчал. Когда он умер, похоронили его в семейной могиле на Мирносицком кладбище, поставили памятник и ограду. Все это цело и поныне.

Бабушка моя получила в наследство пятнадцать тысяч николаевскими деньгами. Но «что легко наживается, то еще легче проживается» — говорит пословица. Бабушка сразу купила небольшой полукаменный двухэтажный дом на Никольской улице (Р. Люксембург), пристроила к нему еще флигель, завела коров для продажи молока, наняла прислугу и начала шиковать на все стороны. Завела знакомства с богатыми семьями. Кутила беспощадно: пиры и балы гремели и в будни, и в праздники. Не исполнился еще «сорокоуст», а граммофон уже гремел на всю улицу: «кутила, поистративши последние гроши, смеется как-то ве-

село, хохочет от души: ха-ха-ха-ха. Проехала — прощай мой капитал».

Я помню, что отношение к Церкви в нашей родне было индифферентное, чтобы не сказать обывательское. Только под старость бабушка стала молиться, ложась спать. За все время я не помню, чтобы она хоть раз причащалась, если не считать напутствия перед кончиной. Однако в дни этого своего «благоденствия» заделалась благотворительницей и почетной прихожанкой Ивановского монастыря.

Так постепенно расточалось легко доставшееся состояние. Нашлись и любители пожитья около бесшабашной богачки. В два-три года рассыпалось все. Ко дню свадьбы моих родителей дом уж был заложен. Бабушка пустила на квартиру моих новобрачных родителей, поручив им наблюдать за домом, а сама уехала в Питер и устроилась там по знакомству экономкой в один богатый дом к господам, но ненадолго. За годы расточения доставшегося наследства семейство Марии Герасимовны, будущей моей бабушки, стало на ноги. Дочь Лидия — моя мамаша — была наряжена как куколка, завела богатых подруг и вместе с ними веселилась, посещая все театры. За это время она выучила на слух множество оперных арий, романсов и вальсов, которые в дни моего детства любила напевать в хорошем настроении. От нее и я научился на слух, и по сие время помню.

Мальчишки тоже выросли. Старший, Евгений, окончив реальное училище, был направлен на службу в село Медведь Новгородской губернии помощником начальника почтовой конторы. Женился он на тамошней девице Надежде Васильевне. Детей не было. Младший, Алексей, окончил Землемерное училище, направлен был в г. Порхов Псковской губернии землемером и 18-ти лет женился на Екатерине Ивановне Куликовской. У них было двое детей: Модест и Игорь. В I Мировую попал в плен и три года пробыл в плену в Германии.

А у моей будущей матери было три жениха. Первым сватался окончивший духовную семинарию (имени не знаю). Отказала: «Какая я попадья? Что я там в деревне делать буду?» И она была права. Любая матушка — прежде всего домохозяйка. Это связано с физическим трудом, а она к нему не приучена. Да и сам жених накануне хиротонии вынуж-

ден был жениться на первой попавшейся. Вторым женихом был пожилой богач — ему также было отказано. С моим будущим отцом она познакомилась в соборе: тогда была мода у молодежи назначать там свидания. В то время у его родителей еще была «Мелочная лавка». А сам он промышлял мелкой торговлей себе в убыток. Бабушка категорически была против этого брака: «из мужиков, не престижный, не богатый и не деловой. Если будешь меня слушаться — подпишу тебе дом (!), а если не будешь, то прокляну и никакого приданого». Но обещание и угроза не подействовали.

Немного раньше бабушка пыталась устроить ее по знакомству в Ивановский монастырь, но дочь всю жизнь терпеть не могла ничего религиозного и к церкви испытывала какое-то особое, даже физическое отвращение. В храме она долго стоять не могла: ее тошнило от запаха ладана. Постов в семье Марии Герасимовны никаких не было: над постящимися соседями насмехались. В годы большевистских гонений на религию к этому еще прибавилась ее природная трусость и беспомощность. «Мы все трое — неверующие» — так высказался дядя Женя, старший брат моей мамы, когда мы встретились с ним в 50-е годы. Правда, второй брат, Алексей, в детские годы пел в хоре Барканова в Варлаамской церкви. Он имел высокий и чистый голос дискант. Но это было «детское занятие» и денежная выгода.

1912 год стал годом свадеб всех троих детей Карповых, в том числе и моей матери Лидии Яковлевны. К этому времени наследство все было растрачено. А на свадьбы требовалась немалая сумма. Бабушка, никому не говоря, заложила дом, которым всегда дразнила любимого сына Евгения и нелюбимую дочь Лидию. Все нужное к свадьбе бабушка не стала покупать в Пскове, а поехала в Питер, ради шика. Там они с Лидией проворонили один пакет из купленного, и пришлось по приезде покупать снова. Здесь, скрепя сердце, бабушка дала свое благословение «постылой» дочке. Но шика ради наняла хор Барканова Варлаамской церкви, славившийся тогда в Пскове как хор купеческих свадеб, две тройки лошадей и карету. Зная «богатство и форс» Карповой, извозчики потребовали деньги вперед. Венчание было совершено в Паромо-Успенской церкви. Певчим Барканова уплатили 25 рублей.

Молодожены, как положено, поселились в доме родителей жениха, но ненадолго. Мама рассказывала, как она первый раз в жизни взялась месить тесто и чуть не упала без сознания. Папаша мой продолжал свою убыточную торговлю: закупал огурцы и помидоры и возил продавать в Эстонию, а мама пошла по богатым домам портняжничать по знакомству — это был, конечно, не заработок. Мама предложила отцу наняться в работники к купцу Балагину (дом Балагина стоит на углу Конной), но он побился-побился и пристроился в приказчики к старшему брату.

Бабушка, хотя, скрепя сердце, и благословила маму, но, зная забитость и «безумную любовь» к ней дочери, сразу же начала осуществлять свою мечту. Она зазвала дочь к себе, дала ей «головомойку», а затем заперла под замок и далее запирала или строго приказывала никого не впускать и в особенности «дурака-мужика Кольку», т.е. моего отца. Не дождавшись жены, папа пошел «на поиски». Она его не пустила в дом: «Мама не велела жить с тобой, уходи». Он проник через окно и начал ее уговаривать. В это время явилась бабушка и началась шумиха. Затем она потащила их к адвокату по делам о разводах (тогда развод уже разрешался свободно). Что сказал им адвокат — неизвестно, но пыл на время затих. Потом неоднократно повторялся. Бабушка поселила их в свой «заложенный» дом на Никольской улице. А во флигеле жили квартиранты: Анна Гавриловна Толстохнова с семьей.

В конце марта 1914 года флигель сгорел: квартиранты подожгли свою застрахованную мебель. Бабушка уже «путешествовала», убегая от множества возрастающих долгов. Мама была в начале беременности. Она осталась одна дома и так растерялась и испугалась, что не обратила внимания, как в дом набралось полно народа, и под видом помощи открыли комод и разграбили, кому что понравилось. Прибывший на пожар полицмейстер всех выгнал, велел закрыться и никого из посторонних не впускать — большому дому пожар не угрожал.

Испуг этот, по мнению некоторых наших родственников, был причиной моего т.н. врожденного недостатка зрения. Но это не так. В семье Карповых, а потом Николаевых пост и молитва не в почете были. Шли дни Великого поста,

конец 5-й седмицы. Через девять месяцев 21 декабря родился на свет младенец Борис, т.е. я. Грехи родителей взыскиваются до третьего-четвертого рода. Но Господь милостив: ради деревенского благочестия порховских мужичков — предков моего отца и тех, кому я и ныне могу быть полезным, Господь сохранил и по сие время хранит меня для Царствия Божия и правды Его.

В августе началась I Мировая война. Папу моего мобилизовали, но забраковали и зачислили на курсы военных фельдшеров при военной школе Псковской дружины 129-го эвакуационного пункта. Окончив учебу, он стал служить фельдшером в 325-й Псковской дружине, а потом служил в лазарете пункта до своей кончины (25 мая 1919 года). К этому времени у нас был уже открыт на Сергиевской (Октябрьской) улице фруктовый магазин, и мама должна была заменить папу в лавке, и торговала в ней до закрытия ее при Советской власти. Бабушка пустила в свой дом жильцов — и снова в Питер. Там она, по всей вероятности, домовничала у богатых хозяев, когда те уезжали на дачи. Она любила иногда похвалиться, как хозяйствовала у какого-то знаменитого князя или графа, который потом уехал за границу.

Ко времени моего появления на свет Божий родители жили уже отдельно, ютились в какой-то каморке. Когда пришло время родить, отец мой, по традиции, привел маму к бабушке, но она не приняла: «Веди в больницу, мало ли что, отвечай за вас». Было девять часов вечера. Папа привел маму в клинику доктора Вольфсона. Там не хотели принимать: не было мест, и мама заранее не встала на учет. Отец оставил ее там и ушел.

Ухаживать за ребенком было некому: папа на службе, а мама в магазине, и они сразу же наняли няню. Мама ежедневно приходила на обед домой, и ей приносили и показывали меня первые дни, потом и перестали приносить. Вот тогда, как я уже сказал, и обнаружили недостаток моего зрения. И после мама ко мне не касалась: возились со мной няни, да сам папа, когда был свободен.

18 июня 1915 года. Мои родители наняли квартиру на втором этаже дома Лузина (Рижская, 9). (Дом этот до недавнего времени стоял на правой стороне, от моста третий. Теперь вся эта сторона снесена до углового дома. Это были

дома: Туршова, Парман, Чернова, Посвольских и Бламериус.) В квартире три комнаты, кухня и прихожая. Там прожили мы до отъезда в Порхов.

Бабушка приезжала и уезжала. Приедет, устроит скандал, разгонит няnek, разругается и опять укатит. Так продолжалось до мая 1919 года. В один из таких приездов она вызвала в Псков старшего сына Евгения (дядю Женю), и тайком перевела на него свой заложенный дом. Что дом в долгу — она от него скрыла. Мама мне рассказывала: он от дома заложенного отказался и порвал всякое знакомство с матерью. Но это было не так. В 1952 году я разыскал дядю Женю. Жил он тогда в Кусково, был на пенсии, но работал. Он рассказал мне, что принял дом, не зная ничего о том, что дом в долгу, и начал оплачивать текущие расходы по дому (чистка труб, уборка, мелкий ремонт и проч.). Когда пришел срок и скрывать было больше нельзя, бабушка вызвала его самого и «торжественно» вручила ему векселя. Он принял векселя, положил их в карман спокойно «и поведал», что матери у него больше нет. Он порвал с ней всякие отношения. А векселя продолжал оплачивать до прихода Советской власти, когда такие дома были национализированы.

**1918 год. Моя сознательная жизнь.**

«Мне четыре года», — эти слова я, бегая по комнатам, повторял на Рождестве в декабре 1918 года. Была елка. Полный дом гостей. Собрались все родные. Моя бабушка спутала мой день рождения с днем рождения другого внука, Модеста (мой двоюродный брат родился 18 октября 1911 г. ст. стиля). Так по крайней мере считали все, пока не получили метрическую выписку из архива: *«В метрической книге церкви «Николы со Усохи» значитсЯ родившийся 21 декабря, и крещен 22 того же месяца гр-н Борис. Родители его происходят из граждан деревни Путилово Богородицкой волости Псковского уезда»*. Эта неточность получилась потому, что крестили младенца экстренно по чину «Крещение страха ради смертного», а таких крестили, не проверяя приходских книг «Исповедных росписей», а только записывали в метрическую книгу как «прохожих».

Прочие годы раннего детства я помню смутно: отдельными штрихами. Маму я видел редко и неподолгу: растили меня няни. Последняя была Саша, её я хорошо помню. Она

была ласковая и очень меня любила. Осенять себя Крестным Знамением научила меня она. Помню елку, что дядя Григорий, наш знакомый, привез по заказу мамы. После смерти папы елок у нас почти никогда не было. Помню, как в Святки папа меня возил на санках в гости к бабушке «колясной» — своей матери и к тете Оле — старшей своей сестре.

Папа мой очень меня любил. Я его хорошо помню. Он был высокого роста, полный. Не курил и не пил: не находил в этом никакой пользы. Был веселый, любил напевать песни, но в дни скорби умел и горько плакать, как маленький. Он был воспитан в крестьянском Православии, но, попав в пресловутое «семейство Карповых», скоро по-карповски «закаркал». Мама сама рассказывала, как осмеивала его обыкновение — осенять себя крестным знамением, проходя мимо храмов.

Помню, мне много покупали дорогих игрушек. Я их беспощадно ломал. Поиграю, надоеет игрушка — хочу посмотреть, что там внутри. Сломаю и брошу. Меня за это не наказывали и не вразумляли: делали скидку на «инвалидность». Одни — папа и его родня — ждали «счастливого семилетия» и надеялись на «всесильную» операцию, а другие — «чтобы скоро окошел». Старше стал — уже не ломал игрушек; остались такие, которые не сломаешь, да и не на что стало покупать и негде. Начались голодные годы.

Питание мне было хорошее, но аппетит плохой: кормили под рассказы, с принуждением. Играл я в то, что видел и слышал из разговоров взрослых; идут по улице солдаты — и у меня солдаты, рассказывают старину — и у меня старина. Здоровье мое было не блестящее: болел рахитом: носки ног смотрели друг на друга. Плакал по каждому пустяку и громкому звуку. Очень боялся выстрелов и даже громкой музыки. Зрение было, конечно, плохое, однако слепым я никогда не был. Хоть плохо, но я видел все меня окружающее. Помню, мы с бабушкой Катей собирали «майки» (одуванчики). Но на вопросы проверяющих домашние заставляли меня отвечать: «не вижу». Мои ранние детские годы совпали с оформлением пенсии, и мне старались внушить и воспитать вообще чувство беспомощности. Позднее один врач мне сказал: «Вы не столько не видите, сколько не умеете смотреть». Бабушка с мамой ныли и

причитали: «несчастный ребенок, слепенький ребенок». Самому мне нравилось, когда сердобольные дяди и тети баловали меня гостинцами. Когда же я подрос и вышел на улицу, и мальчишки стали дразнить меня: «слепой, очкастый!», узнал я цену моего воспитания. После операции я улучшение почувствовал, конечно, но не очень большое.

Была у нас кошка Майка — моя подруга и живая игрушка. Смалу я её мучил, носил, держа за голову. А потом крепко полюбил и долго плакал, когда мы уехали и ее не взяли с собой.

**Наступил 1919 год.** У нас стояли солдаты — красные эстонцы. Потом ушли. Как известно, три эстонских полка перешли на сторону белых и вместе с отрядом Балаховича — такого же изменника и бандита — наступали на Псков<sup>1</sup>.

Помню ясно последний день земной жизни моего отца. 12/25 мая. В этот день в 8 ч. утра папа пришел домой с ночного дежурства. Вымылся, побрился и переоделся в чистую рубашку и верхнюю одежду. К 12 ч. дня им было приказано эвакуироваться с лазаретом. Пришла бабушка взять меня на время боев. Она тогда жила на Запсковье, снимала небольшую комнату со старушкой. Папа сел шить мне туфли. Сшил один туфель, обул мне на правую ногу и продолжал шить второй, приговаривая: «одна нога ходи, а другая погоди». Затем папа стал готовиться к отправке. Наносил 10-ведерную кадку воды с реки, дров из сарая и стал «обеспечивать» капризную супругу — мою маму, вечно ноющую. Затем меня одели, и папа на руках понес меня к бабушке на Запсковье. Мы шли по Ольгинскому мосту (ныне мост Советской Армии). Солнце стояло высоко: время — за полдень. 2–3 часа я сидел у папы на руках и пел: «Кавалерия, стой, стой». Перейдя мост Троицкий, мы остановились около троицкой аптеки и попрощались, надеясь скоро увидеться, но прощание это было последнее. Мы с бабушкой пошли дальше, а папа пошел

---

<sup>1</sup> С началом наступления Северо-Западной армии белых на Петроград Балахович оперировал на вспомогательном гдовско-псковском направлении, имея под командованием Балтийский полк и свой отряд. 16 (29) мая 1919 года соединения Балаховича вступили в Псков, уже занятый к тому времени частями 2-й эстонской дивизии (ред.).

обратно домой «продолжать сборы». Бабушка привела меня к себе домой и заняла игрушками — это был детский крокет, я его сразу обломал и превратил в солдатиков. Когда стало смеркаться, началась канонада: это было наступление белых. Меня уложили спать. По рассказам мамы и других, события развивались таким образом: вернувшись домой, папа собрался и пошел догонять свой лазарет. Но к этому времени военные закрыли Ольгинский мост и пускали только по пропускам: мост готовили к взрыву. Папа попытался найти перевоз через Великую, но не нашел, и вернулся домой. К вечеру начались военные действия. Белоэстонский бронированный автомобиль шел по Рижскому шоссе и вел пулеметный огонь. Отступившие красные взорвали Ольгинский мост. Мост был через три дома. От взрыва открылись все окна. Пули градом полетели в комнаты, одна из них попала в фарфоровый абажур и разбила его вдребезги. Другая попала в висящую на стене фотокарточку и пробила ее насквозь (карточка эта потом долго у нас хранилась). Оглушенные взрывом мои родители, чтобы избавиться от пуль, принялись закрывать окна: папа в спальне, а мама рядом в столовой. Закрывая окно, мама увидела в открытую дверь спальни: папа, протянув руку в открытое окно, упал замертво. Мама бросилась к нему. Он лежал в луже крови: пуля в висок навывлет пробила его голову. Кончился бой. Мама пошла вниз к соседям за помощью. Те ответили: «Нет, нет, нет: мы покойников боимся». Тогда она вышла на улицу и попросила прохожих помочь перенести умершего. Папа был в хромовых сапогах, и один из этих дядей попросил снять их ему. Мать позволила. Тело перенесли в детскую малую комнату и положили на пол. В это время через открытую форточку, как и всегда, в комнату прыгнула наша кошка Майка. Увидев эту страшную картину, она прыжком бросилась обратно и несколько дней не приходила домой. Наутро позвали из соседнего дома маминих приятельниц Марию и Анастасию Петровну и Алабушеву. Тело обмыли, одели и положили в большой комнате.

В это же время мы с бабушкой пришли к мосту: он был взорван. Бабушка, наворчавшись ругательствами своего любимого лексикона, подошла к перевозу, где стояла боль-

шая ладья. Перевозчица зазывала: «господа, пожалуйста сюда». Мы переехали и пришли домой. Там было «все не так». Помню, что Анастасия Петровна взяла меня на руки и поднесла к столу: «Боренька, папу убили, видишь на столе лежит... помолись за папу». Я ничего не понял из этого, только сложил три пальчика для Крестного Знамени и только. Потом я побежал к маме, но меня оттащили — «у мамы горе», сказали мне. Дальше не помню. Папу хоронили очень хорошо. Монастырь дал двух инокинь: Иоанну и Феоктисту. Принесли из храма маленькие подсвечники. Выносили ко всенощной вечером. В обедню, говорят, меня причащали, но я помню только, когда папу несли мимо дома — меня вынесли проститься, я посмотрел на цветы, что на гробе, и все. Гроб был глазетовый белый. Хоронил о. Димитрий Панов — служивший раньше на родине моего отца в с. Дубровно. Пел хор Пароменской церкви под управлением Бориса Николаевича Коросева, сына о. Николая. Отца похоронили в семейную могилу Карповых на Мироносицком кладбище.

На второй день похорон к нам явились два белых офицера и один в штатском, сделали обыск и «реквизировали», т.е. ограбили, все, и, главное, взяли все документы отца и все его вещи. Потом пришлось через суд восстанавливать факт его смерти для оформления пенсии. Белые через три месяца ушли, и снова пришли наши войска. После отца у нас осталась богато обставленная четырехкомнатная квартира — парадная половина второго этажа. Богатая обстановка, столовые и кухонные принадлежности и прочее домашнее имущество. Денег в банке не имели: тогда они по нескольку раз переменялись.

В этот же год к нам стали ставить на постой военных, но уже не солдат, как в 1918 году, а начальство. Стояли у нас: Леонид Тихомиров — начальник райотдела милиции, Михаил Петрович Магин — начальник уездной милиции, Иван Петрович Моисеев и Николай Алексеевич Васильев — красные командиры, Виктор Васильевич Бабурин — помощник начальника чрезвычайной охраны города — с семьей и еще одна семья с ребенком К... (взрослых не помню). Все они менялись вплоть до нашего «переселения» в Порхов. Холостяки иногда получали в пайке вместо сахара карамели. Они их отдавали мне.

Осенью 1919 г. в Пскове организовался «ГУБШВЕЙ» — швейная мастерская одежды для Красной Армии. Это предприятие раздавало работы на дом. Вступили туда и бабушка с мамашей моей и шили всю зиму рубашки, кальсоны и брюки. Норма была 6 рубашек в день, а у бабушки полноремы — три рубашки. Тогда было время «военного коммунизма». Все, что считалось «излишеством», изымалось. Тогда это называлось не «конфискацией», а «реквизицией». Первые годы нас это не коснулось — мы семья красноармейца. Однако и нам предложили сдать шесть стульев мягких и два комплекта постельных принадлежностей. Бабушка пришла к нам и уже безысходно жила с нами до самой своей кончины в 1927 году. Няня Саша от нас сразу же ушла.

Кругом был сильный голод. Люди, даже не очень бедные, собирали картофельную шелуху, сушили и пекли лепешки. Но мы не голодали. Бабушка сразу же пустила в ход свой «коммерческий» талант и принялась беспощадно разбазаривать все, что попало под руку: сначала меняла на продукты, а потом продавала, когда курс рубля наладился. У нас образовался целый «отряд» приживалок, готовых прислужиться за тарелку щей или стакан чаю с хлебом и сахаром (тогда люди пили чай с солью). Мои домашние физической работой гнушались: одна, ссылаясь на 77 болезней, другая — на «преклонные лета». Стирку, уборку, помытые, водоснабжение и мое «летнее воспитание» выполняли приживалки: Елена Н... Молоткова — вдова военного священника; бабушка Катя Богодельницкая; Александра Ефимовна Кабанова — нищая, бывшая пианистка; девушка Леля Давыдова — студентка; Евгения Ивановна Иванова — домовладелька, вдова кондуктора; Ольга Ивановна Пигуль — бывшая купчиха; Татьяна — водоноска; Маша — прачка. Первые три из них были заняты моим «летним воспитанием». Мое воспитание продолжалось так: после утреннего чаю меня одевают и отправляют гулять до обеда, после обеда приходит другая няня и снова на «воздух» до вечера.

**Зима 1920 г.** Бабушка и мама работали дома: шили белье для «ГУБШВЕЙ». В конце зимы, день не помню, у мамы во время работы пошла кровь горлом. Ее освободили от

работы и начали лечить. И с тех пор она с нами уже не жила, лишь гостила: приедет, поживет дня два-три и снова — в больницу или в санаторию. И так было до конца 1920 г. Ее отправляли раз в Крым, потом в санаторию и в больницу. В промежутке между санаторией и больницей мы также ее мало видели. У нее открылась астма, болезни разные — желудок, живот, сердце и многое другое. Эти дни проходили в процедурах, а если было немного получше — уходила к знакомым. Была у нее приятельница парикмахерша — Анна Петровна Павлова. Ее мастерская была в соседнем доме Абрамова. Анна Петровна тоже «участвовала» в моем «воспитании»: как куда уходить и дома нет никого — так меня к ней. Она дожила до моей свадьбы и была моей венчальной матерью.

В 1921 году началось мое «глазное лечение». Это было летом. Меня с бабушкой положили в глазную лечебницу 1-й Советской Псковской больницы (ныне областная). Оперировал и лечил доктор Лушин. Сделали три операции: первая — на обоих, вторая — на левом и третья — на правом. Были тогда, помню, медсестра Персицкая Елена Антоновна, врач Петрова, санитарки Оля, Катя и Паша. Кляли с двух раз в то же лето. Делали операции все под кокаином, боль небольшая чувствовалась, с новинки терпел, а потом стал буянить и капризничать.

Голод продолжался. В то время младший брат мамы Алексей жил и работал в городе Порхове землемером-землеустроителем. Тогда власть «нарезала» мужикам землю. Работа эта была выгодная: жили они сыто. В том году родился у них второй ребенок — Игорь. Дядя Лёша решил взять нас к себе, и мы начали потихонечку собираться. Маму отправили раньше и понемногу отправляли вещи. Дядя Лёша присылал подводчиков — своих приятелей мужиков. Дружить с землемером тогда было выгодно... В конце ноября дядя прислал лошадей и нас увезли в Порхов. Жили они на квартире в доме Костюговых (сестры его тещи Екатерины Романовны) и строили себе новый дом. Обзавелись хозяйством.

Духовное мое воспитание было убогим. Говорят, что няня Саша в день Пантелеимона меня причастила, и этим все закончилось. Помню, няня Саша учила меня осенять себя

Крестным Знамением «и на лобик, и на грудку, и на правое плечико и на левое». А я еще клал «на спинку». Помню папа меня учил молиться «Сѣ́ нѣши» и «Бѣ́го́рѣдицѣ»: один раз прочитал и заставил повторять, но мама не позволила: «Еще рано это». В то время у нас в городе были часто Крестные ходы: из Печор, Елизарова и Крыпцов. Мои няни иногда брали и меня встречать Крестный ход. Мне это было очень интересно. Иногда и в храм водили. Помню, при белых в Псков из Порхова были принесены мощи Прп. Никандра. Стояли они на Спасском подворье, и меня водили приложиться. Мы жили через три дома от Пароменской, и тетя Лена раз водила накануне Успения в Паромье — наш приходский храм. Служил преосвященный Геннадий<sup>1</sup>. Катя, помню, была со мной на Вербной всенощной в Паромье. Помню, о. Димитрий служил и сам пел запев акафиста Спасителю. Часто меня водили в наш Ивановский монастырь. Мне очень нравились церковные богослужения, и я начал после этого дома играть, воспроизводить в игрушках. Вначале мне это не запрещали, а наоборот. Бабушка иногда, особенно накануне великих праздников, вечером напевала церковные песнопения, но как все светские люди ее воспитания, часто путала Вознесение, например, с Преображением, Елеопомазание с Миропомазанием и т.д. Иногда даже заводила игры на эту тему: «Что у тебя службы-то нет: завтра праздник большой, слышь зазвонили? Ну-ка, где твое там?» Я приспособливал свои игрушки: маленькая детская чайная чашечка опрокинутая была «батюшка», и кадила были, и народ, и хоругви, и певчие, которые пели все, что я мог запомнить, например, «Бѣ́го́рѣдицѣ», «Гѣ́ди поми́луй» и прочее. Но какие-то бабы-дуры внушили маме, что если ребенок играет в церковное, — кто-нибудь в семье вскоре умрет. И начались гонения. Мать, по вечерам возвращаясь домой от подруг, стала мне строго запрещать. А это, как обычно в таких случаях бывает, усилило мой интерес. Тем более, когда я об этом сказал бабушке, та меня поддержала: «Дура твоя мама. Добрые люди молятся, ожидают праздничка Христова, а она сама болтается по людям, да и запре-

---

<sup>1</sup> Геннадий (Туберозов), епископ Псковский и Порховский в 1919–1923 гг. (ред.).

щает». Тут я стал в отсутствие мамы «служить вовсю». И чем меня только не пугали, как только не называли: кощунство, богохульство, в ад попадешь. Придумывали разные другие игры, но мне нравилось только это. О молитве, постах в нашем доме не было и помину. На сон грядущий бабушка заставляла говорить; «Господи, благослови Христос на сон грядущий», и я по-детски читал и искренне молился. В храм у нас никто не ходил, мама в храме сразу же заболела и выходила вон, и вообще, на всё священное реагировала отрицательно. Бабушка причастилась только перед кончиной. Но, ложась спать, любила молиться Св. Вмц. Варваре и Псковским Угодникам Божиим — Прп. Никандру, Прп. Савве.

В Порхов мы приехали в конце ноября. Мой двоюродный брат Модест, старше меня на год, умел уже читать, но в школу еще не ходил. Дядя Леша сразу начал нас обоих учить «Христославить» — петь тропарь и кондак Рождеству. Шел Рождественский пост, но постов не признавали и в этой семье. Тропарь мы выучили и пели его во весь пост. В праздник вечером приходили к нам мальчишки — славили, но не мы, почему — не знаю. В сочельник привезли елку. Украсили пряниками, конфетами, разноцветной бумажной цепью и елочными свечами. Пришли в гости дети. Зажгли елочные свечи, но елка не состоялась. Я до сих пор не понимаю свое поведение: напала на меня какая-то застенчивость. Такое поведение, вернее состояние, было у меня на всех последующих елках. Елку решили отложить до следующего дня, когда соберутся еще дети. На другой день пошли все мы на елку к Сухаревым. Там собралось много детей. Взялись водить хоровод: все запели, взявшись за руки, и ходили вокруг елки. Но я стоял в стороне и капризничал. Подражая бабушке, хаял все это и хвалился своей елкой. Затем — Богоявление. Пошел Крестный ход на реку Шелонь. Взрослые пришли домой, рассказывали, а мы с Модькой начали играть в то, что они рассказывали. И пошла дальше у нас игра, как и в Пскове у меня. Сначала нам это позволяли, а потом стали запрещать. Пугали: «Бог накажет, Ангел плачет» и прочим. Полгода назад у них родился малыш Игорь. Мама моя помогала его нянчить. Бабушка, по старой памяти, шата-

лась-базарила, а меня закрывали на ключ в малой нашей комнате. С Модестом мы не ладили, да и не всегда можно было вместе играть: Ирка спит. После бабушка моя задржила с деревенскими клиентами дяди Леша и стала ездить по гостям. Тогда был голод, а в деревне жили сыто.

Плотники достраивали новый дом, недалеко от Никольской крепости. А мы ходили с мамой за отходами на издворок. Мои «воспитательницы» не замедлили внести и сюда свой «мир». Начались нелады, сплетни, измены, ревности и слезы. Дядя запил, а потом и загулял.

Настал Великий пост. Хозяева дома — люди богомольные. Помню, на Благовещенье ушли все ко всенощной. Модя ушел к бабушке, а нас с Игорем оставили у Екатерины Романовны. Она баюкала ребенка и пела «Архангельский Глас» и тропарь «Днесь Спасения нашего». Как сейчас помню.

**25 февраля 1922 года.** Заговорили о говенье. «Семь лет мальчику — пора на Исповедь» — заметила одна из дочерей Костюговых. «Ну какие там у него грехи?» — возразила мама. Хозяева уговорили маму поговеть. Пошла... Стыдно... В церкви она увидела матерей с грудными детьми — «брали» молитву. И мама узнала «новость»: у нее 7 лет назад «не взята» молитва... На исповеди священник дал ей поклонов и взял слово говеть ежегодно.

Пришла Пасха. Наготовили всего. В первый день вечером сходили в гости к Куликовским. Вечером разлилась река Шелонь. Мы жили на берегу. Вода стала быстро прибывать и затопила все и хлынула в дом. Мы все полезли на чердак и там ночевали. Затащили туда и борова Ваську. Утром дядя Леша с соседом приехал и взял нас с Модестом. Когда проплывали по затопленному саду, меня задел сук и свалил в воду. Дядя Леша, он был хороший пловец, спрыгнув, схватил меня за шиворот и вытащил. У Куликовских меня переодели, напоили хиной и уложили в постель. Я отделался только испугом.

Наступила весна. Дядя Леша отправил нас с мамой на месяц к Ильичу в Плотишно. Там я впервые узнал деревню. У хозяина семья большая: хозяйка, четыре девочки — Оля, Вера, Зина, Настя и две девушки — Феня и Маня. Были мы там Троицу. В девятую пятницу ездили на ярмарку в Вышгород. Вернулись домой. Дома были корова Катька, боров и

утка с утятами. Мы с мамой их на берегу пасли. Но вскоре все развалилось. Дядя Леша отправил все это к матери, развелся с тетей Катей и женился на другой. Повенчались в обновленческой Покровской церкви. Мои «воспитательницы» свое дело сделали — развели. Так было всегда там, где они появлялись.

Осенью 1922 г. мы уехали в Псков. Поселились у тети Жени (Е.И. Ивановой на ул. Новой, дом 3). Здесь началось мое домашнее самообразование. У хозяйки был стол, покрытый черной клеенкой. На ней мама писала большие буквы и цифры, и я стал читать большие буквы газет и крупные заголовки. Бабушка продолжала базарить свое и чужое коммиссионное барахло.

Тогда была церковная смута — обновленчество. Хозяйка ходила в Дмитриевскую церковь и в Анастасиевскую. Мама тоже увлеклась этим. Ходили каждый воскресный день. Помню, в день погребения Божьей Матери — Успение, во время Крестного хода с плащаницей, на большой лестнице собора плащаница упала.

Весной следующего, **1923 года** умер епископ Геннадий. Его прикончили «доктора»-безбожники. Его начали «тягать» по допросам, арестовали, но, не желая поднимать шум в суде, положили на операцию по поводу аппендицита. Медицинская сестра Шелкова тогда делала моей маме уколы. Она участвовала в этой операции. Рассказывала всем, глумилась: «Очень жирный был этот «бедный мученик», ха-ха-ха». «Живая Церковь»<sup>1</sup> начала громить веру Христо-

---

<sup>1</sup> После ареста Свт. Тихона в мае 1922 г. группа духовенства во главе с протоиереем Александром Введенским захватила власть в Церкви, создала своё Высшее Церковное Управление (ВЦУ) и объявила о созыве Поместного Собора. В 1923 году в Петрограде появилась группа «Живая Церковь». Руководил ей Владимир Дмитриевич Красницкий. В майском церковном перевороте 1922 года Владимиру Красницкому принадлежит одна из главных ролей. В образовавшемся Высшем Церковном Управлении Красницкий занял пост заместителя председателя ВЦУ. Он организовал церковную партию «Живая Церковь», которая в короткий срок превратилась в широко разветвленную организацию, действующую на всей территории СССР (ред.).

ву. В Псков перевели лжесвященника — уполномоченного ВЦУ горбатого А. Ермаева. Он поселился в Ивановском монастыре в архиерейских покоях. Архиерейский дом — Печерское подворье был отобран по его указанию<sup>1</sup>. ГПУ изолировало соборный причет: прот. В. Востокова; прот. И. Куликова. Горбун назначил общегородское Церковное Собрание на соборном дворе, но испугался и сам не явился. Толпа прихожан — инициаторов бросилась в Ивановский и там ему «дали взбучку». На место умершего прислали обновленцы Димитрия<sup>2</sup> и захватили Троицкий собор, а православные взяли приписной храм Св. Архангела Михаила. Он стал у нас кафедральным храмом до осени 1936 года, когда его захватили обновленцы и вскоре закрыли.

Все это интересовало и волновало наших — маму и тётю Женю, и они бегали постоянно по церквям. Для управления православными приходами назначен был преосвященный Варлаам (Ряшенцев)<sup>3</sup>, но и его вскоре убрали в связи с шумным делом «обновления икон».

В с. Пруды я опять стал играть в то, что происходило, и снова испытывал «гонение» от своей суеверной матери и насмешки от других. Мама тогда хлопотала пенсию. Суд установил факт смерти моего отца, и она получила пенсию 5 рублей в месяц. Хозяйка и еще старушка — квартирантка ее Соколова часто ходили в Анастасиевскую и Димитриевскую церкви. Иногда брали и меня с собой. Но я не умел себя вести в храме, не умел молиться: или крестился беспрерывно, или стоял столбом. Каждый раз, когда мы возвращались, — насмешки, ругань, что задевало моих воспитательниц.

В конце лета 1923 года мы перебрались на другую квартиру на Завеличье в дом Трусова (Рижское шоссе, 23). Со-

---

<sup>1</sup> Архиерейский дом на Псково-Печерском подворье с крестовой церковью Казанской Божией Матери ликвидирован в 1922 г., а его здание передали для нужд Чудской флотилии. (См. А.Н. Ефимов. Процесс закрытия церквей и обновленческое движение в Пскове в 20–30-х гг. XX в. // Научно-практический, историко-краеведческий журнал «ПСКОВ» псковского пед.ин-та. 2001 г. №14. (ред.)

<sup>2</sup> Димитрий (Рождественский), обновленческий епископ (ред.).

<sup>3</sup> С 3 сентября 1923 года епископ Псковский и Порховский (ред.).

ры-раздоры дошли до предела. Хозяйка пригрозила выбросить на улицу наши вещи. Мама снова уехала в санаторию. Бабушка продолжала базарить по целым дням на рынке. Меня посадили на целый день под замок, и я играл самодельными игрушками в то, что слышал и видел. Рядом справа жила семья Бутузовых — торговцы-спекулянты Василий, Анна и две девочки. Слева жила семья Колосовых — муж, жена, дочь с зятем, две девочки и мальчик Андрей семи лет. Сперва он общался со мной через закрытую дверь, а потом бабушка разрешила приходить после обеда к нам, и мы играли вместе у нас и у них в их комнате. Колосовы были староверы, но неактивные. Осенью вернулась из санатории мама, и снова началось: те же скандалы, нелады, и она снова отправилась на «излечение». Комната наша оказалась холодной, кафельная печка дымила, да и дров требовалось много. Поставили чугунок. Зимних рам не было. Купили соломы и заложили одно окно.

**1924 год.** На Рождество сделали мне «елку», накупили разных сладостей. Мама перед этим настойчиво велела веселиться: «Хоть на голове ходи, но только веселись». Но когда пришло время и елка «зажглась», я почему-то спокойно сидел и молчал. Меня поругали. Тем и окончилось празднество. Надо сказать, что тогда власть запрещала «ёлки».

Зимой умер Ленин. Петроград тогда стал Ленинградом.

Заговорили мои о лечении моих глаз. Все были уверены, что псковский врач «испортил» мне глаза. В Великом посту повезла меня мать в Ленинград. Там под общим наркозом прооперировали мне только левый глаз. Катаракту не сняли, большой риск, а рассекли. Через два года бельмо снова стало на свое прежнее место.

На время моего лечения мама уехала в Порхов к дяде Леше, а потом возвратилась и увезла домой. Это была уже весна. Мы отправились гостить в Порхов на все лето, но вскоре вернулись. Мой двоюродный брат Модест уже был пионером. Играл с соседними мальчишками, но меня не брали. После операции мне выписали очки 10+. Тогда это был большой дефицит. Мне было строго наказано беречь их, «больше самой жизни». Мать страдала: «если очки разобьются и сломаются — она умрет», и я очень боялся. Это заметили мальчишки и стали меня пугать, а я — кричать и

плакать. Надо заметить, плакал в детстве я очень часто. В то время мальчик в очках — это было «Чудовище». Ребятишки бегали за мной, дразнили, били. Позднее мы завели комнатную собачку. Она выросла и защищала меня: хулиганы боялись.

За это время Колосовы перебрались на место Бутузовых, а на их место поселилась Мария Семеновна с пятилетним Мишкой. В нашем полку прибыло. Меня стали выпускать на двор. Там появились ребята: Колька и Павлик — школьного возраста, девочки: Маруся Степанова, Надя — младшие школьницы, Маруся Николаева, Люся — большие девочки. Мы играли, но уже не в игрушки. Играли в то, что видели: «в пионеры», «в пограничники» — ловили спекулянтов спиртом. Тогда их каждый день водили мимо нашего дома. Играли в прятки, в пятнашки, водили хороводы. Рядом во флигеле поселилась еврейская семья. У них были дети Аня (Хана) — школьница, Маряша, Линда, Зоя и Ненчик пяти лет. Мальчишки меня играть не брали, а вот девчата большие — те не обижали и нередко защищали от мальчишек. Вот с ними я и дружил. Мне было 9, а им по 15. Из маленьких особенно ласковая была шестилетняя Зоя. Бывало, прогонят меня Павлик с Колькой, а я сижу и плачу. Девчата играют. Зоя крикнет: «Боря, иди играть». В холод и дождливую погоду мы играли втроем: я, Андрей и Мишка. В те дни часто были митинги и демонстрации. Мы тоже играли в это. Были у нас выдуманы звери фантастические: Дёка, Чудо и Бим-Бим. Каждый из них — это кошка, смешанная с собакой — белая Дёка и черная Чудо. Мы их рисовали и сами изображали. Мишка был Дёка и Чудо, и мы его ловили или сами от него прятались. А то выпустим воображаемую «Дёку», ловим её и кричим: «Ребята, Дёка», и бегаем. В обществе сверстников обнаружилось мое «воспитание». Как я уже говорил, мне с раннего возраста было внушено: я несчастный и бедный калека и ни на что не способен. Не только слепой, но и «дурак-идиот». Все мальчишки — хулиганы. Мы — бедные инвалиды, нетрудоспособные. Все люди — богачи, воры, жулики проклятые, окаянные. Дома я слышал только это, и с таким «мировоззрением» я вышел на улицу и во двор. Да, меня дети обижали, но и я не был «терпеликом». Питая обиду, ненависть, я старался, если

мог, чем-то навредить. Обзывал, кидался камнями невпопад, а когда получал сдачи — жаловался дома, и мои устраивали скандалы с родителями. Мне это нравилось, и стал потом придумывать целые события, небывалые происшествия.

Надо заметить, что мои домашние — очень неуживчивые — подолгу ни с кем не могли дружить. А я слишком много болтал. Меня сперва щадили как «несчастливого», а потом стали «воспитывать» окриками, руганью и запрещали вообще говорить. И я сидел молча, слушал их разговоры, а выйдя на волю, открывал свою «говорилку».

Лето 1924 г. я провел на дворе дома с ребятами.

Осенью бабушка в последний раз съездила в Порховщину к старым своим знакомым в деревню. Осенью же к нам приехала Евдокия Лаврентьевна Соколова, наша старая, уже нам известная, старушка из дворянской семьи. Религиозная, но по-дворянски: любила ходить в церковь. Это событие очень важно, и с этого времени «проснулась» моя Церковная жизнь. Меня приучили молиться перед и после обеда и говорить «спасибо». А также вечером на сон грядущий «Господи, благослови Христос». Она стала брать и меня с собой на вечерние службы в храм. Но я не умел вести себя в храме: вертелся, крестился как попало. И она, придя домой, всячески просмеивала меня и порицала мое «воспитание». Это разозлило мамашу и мне категорически запретили ходить в храм.

**1925 год.** Шла зима. Мы играли по-прежнему с Андрюшкой и Мишкой у них дома. Но на Рождество нас отпустила все же мать в храм — я очень просился и плакал. На Сретение она также пустила меня с Евдокией Лаврентьевной ко всенощной, но снова та же история, и мне снова запретили. В феврале в Пскове, по обычаю ежегодному, открылась ярмарка. Мы с Андреем бегали как будто туда, а сами в Михайловский храм. Помню, в первый раз я забежал в Михаило-Архангельский храм. Там читали канон Св. Муч. Мартиниану. Это 13/26 февраля. Этот день для меня дорог, как увидим дальше.

Наступил Святой Великий пост, и с Андреем уже тайком от моих и его домашних (они староверы) стали бегать в церковь нашу Пароменскую. На Вербной неделе я купил на рынке вербу и бумажки цветные. «Никак, ты в Церковь

думаешь?» — спросила мама. Я молчал. «Пустите его в храм-то, ведь дни-то какие!» — сказала Евдокия Лаврентьевна. И с этого дня меня уже не задерживали: дали полную свободу. На Великий Четверг мы пошли уже с моей бабушкой в Пароменье на Двенадцать Евангелий.

Весной я снова вышел на двор к своим прошлогодним ребятам. В те годы детских домов отдыха не было. Пионерские лагеря были очень редки. И вот власти наши решили устроить на летнее время в школах т.н. «детские площадки» для детей-дошкольников, а «по благу» брали и тех, кто старше. У моей матери была подруга юности, жена заведующего ближайшей от нашего дома школы, А.П. Гуминюк. Она предложила маме устроить меня туда, «зажмуривши» мой возраст. В июне устроили меня на ту самую детскую площадку. Мама «предсказала», что ничего не получится, и не ошиблась. С моими очками и с таким нелюдимым нравом тут ничего хорошего ждать было нельзя. Под опекой маминной подруги А.П. Гуминюк меня никто не смел тронуть. Мне это понравилось, и я начал дразниться, прозывать и прочее, что дома слышал. В июле был медосмотр и меня назначили в детскую дневную санаторию на ул. Калинина (Успенская, 15) на два месяца. В свободные дни я продолжал ходить по церквям. В дневной санатории дело стало еще хуже. Ребята там были школьного возраста. Меня начали презирать и обижать. Снова началось то же самое. Я стал жаловаться своим. Бабушка пошла на разборку. Я стал выдумывать. Кое-как дожил до срока — конец сентября.

В конце июня мы переехали на другую квартиру в дом Василия Кирилловича Пестрикова, старосты нашей Пароменской церкви (Рижское шоссе, дом 18, кв.2). С Андреем мы расстались: они, как и прочие, переехали также. Здесь возобновилось мое «домашнее образование». Мама достала букварь с картинками (букв мелких я не мог читать), грифельную доску, тетради в линейку, рисовальные тетради и заставила писать под ее диктовку. Зимой нашла мне и «учительницу» Лёлю, исключенную со II курса, и по вечерам стал я ходить на «занятия». Но это не долго продолжалось: ее восстановили на II курс, и она уехала. Я увлекся рисованием и рисовал картины из Священной истории. Но получалось безобразно: без руководства что может быть?

Осенью заболел наш хозяин дома пневмонией и бронхиальной астмой и в начале ноября умер. Он умер 65-ти лет. Хоронили его всем причтом с выносом накануне вечером. Пел хор нашего Ивановского монастыря под управлением м. Ариадны. Это было 8 ноября в день Св. Арх. Михаила. Осталась хозяйка Ефросиния Петровна. Детей не было. Две ее сестры — Анна и Ольга Михайловны жили с ними вместе. Все они очень любили, точнее жалели меня, ласково относились ко мне, а иногда и притешали гостинцем. Сам я так же по-детски полюбил их всех, и особенно ласковую хозяйку. Похороны как-то особенно подействовали на мою детскую душу: я еще больше полюбил этих трех старушек. Супруги Пестриковы, как и все бездетные, очень любили друг друга. Во время выноса из дома и на второй день во время литии около дома, вдова очень плакала. Во время похорон наши бабы начали, как обычно, судачить и поливать беспощадно грязью и покойного, и вдову его, и всех их. Все это очень возмутило мою детскую душу. Здесь надо отметить особую черту моего характера: если человека, который мне чем-либо нравится, кто-то станет обижать или позорить, симпатия переходит в привязанность, и чем больше льют грязи, тем сильнее это разгорается. Так получилось и здесь, создавшееся с детства осталось на всю жизнь.

**1926 год.** Кончина О.К. Пестрикова, нашего домохозяина, была одним из важных поворотов в моей духовной жизни. Меня снова потянуло к церкви. Покойный хозяин болел недолго. Жена замещала его в храме во время болезни, а затем осталась на той должности до избрания нового старосты. Когда не было там службы, она ежедневно ходила молиться в другие храмы. С этого времени я стал чаще ходить в храмы.

Наступил Великий пост. Ежедневно совершались службы в нашем Пароменском храме. С разрешения матери я пришел на мою первую Исповедь на 1-й неделе поста к о. Димитрию Панову, нашему приходскому батюшке. Ласково встретил меня старец: «Ах ты сыночек мой родненький, исповедоваться пришел?» Я никогда не забуду этой исповеди. «Покайся от всего сердца; Господь здесь невидимо стоит и слушает». Эта исповедь заметно меня переменяла. Потом я был на исповеди снова на 4-й и на Страстной неделях. Пом-

ню, псаломщик наш Павел Матвеевич читал Апостол. Хор наш пел последнюю службу: так как стали притеснять. Одни из певчих отпали, другие отказались петь бесплатно, а на левом клиросе пели монашки наши Ивановские под управлением м. Людмилы. Эта монахиня стала потом моей духовной матерью, третьей от рождения: Лидия родила, Мария — бабушка — крестила, м. Людмила воцерковила. Позднее были «довоспитательницы».

Весной этого года мы познакомились с протоиереем Владимиром. Было это, кажется, на Святой неделе. Первые годы после смерти папаши мы с мамой часто ходили на могилку, а летом почти каждый день. В один из таких дней мама пригласила о. Владимира отслужить на могиле. Он был совершенно слепой. Каждый, кто его брал, приводил и отводил его опять на его место, на скамеечку напротив храма. Он очень был разговорчив, как и все вообще слепые. Мама рассказала, кто мы такие, и о том, что ее сынишка любит церковь и очень интересуется и спрашивает о том, что ему непонятно, а сама она в этой части несведущая. Он очень был рад этому и пригласил нас в его храм, и просил маму присылать меня к нему для духовной беседы. Так началось мое духовное образование.

Дело в том, что после Вербного Воскресенья 1925 года мне уже не запрещали ходить в церкви. Церквей было в Пскове около двадцати. В соборе Михайловском, кафедральном православном, и в храме Иоакима и Анны, где приютились вознесенские насельницы со своим причтом, служба была ежедневная, а в прочих — по воскресеньям и праздникам. Я ходил сначала один, потом подключил Андрейку, своего старого друга. Оба мы интересовались, но многое не понимали, объяснить некому. От мамы своей я получал обычный ответ на все вопросы: «Отстань, будешь учиться — все узнаешь». Тогда ежедневно в какой-либо церкви по вечерам служили акафисты. Я ходил и в кирху, бывал и в костеле. Бабушка уже не сидела на барахолке и от нечего делать повадилась к баптистам. Брала и меня с собой. Я по первости тоже увлекся, но «душа не лежала»: все тянуло в храм. Стоя в церкви, я стал подпевать, выучил по памяти службу. Однажды я стоял в Михайловской церкви и громко подпевал «Честнейшую». Батюшка о. Иоанн Кули-

ков, совершая каждение, подошел ко мне: «Мальчик, иди на клирос, ты ведь хорошо поешь». И я начал петь на клиросе. Певчие — «любители» очень меня хорошо приняли. Стали давать мне духовные книги почитать. Сборник «Поучения» и другие, а молитвенник и Евангелие подарили. Сам я, как известно, не мог читать — просил в свободные часы маму. Мама отступила в своей борьбе. После Вербного я ходил к Двенадцати Евангелиям с бабушкой, а в Великую Субботу, чтобы не проспаться к 2 часам ночи, положил на подушку доску от табуретки: мама будить отказалась, но не запретила. На Христовскую заутреню пошел я один. А тогда на Пасху прикладывались ко Кресту и по окончании утрени.

Я приложился и пришел домой, так как очень хотелось разговеться: в тот год к Пасхе выдали пенсию и мама справила праздник. Но мама объяснила мою ошибку, что служба не кончилась и разговляться нельзя. Она пошла сама в храм и взяла меня с собой. Я проспал стоя всю Литургию, и мы пришли разговляться. Это был еще 1925 год.

А теперь, после нашей встречи с о. Владимиром, я был в Мироносицком храме на Радоницу. Меня привели в алтарь и поставили к кадилу: «Разожги и поддерживай жар», но мне хотелось прислуживать полностью. У о. Владимира тогда были уже другие мальчики Дёня и Шурик, и меня они дальше не допустили. Я ушел, стал искать себе место настоящего прислужника. Зазвал меня соборный иподиакон Миша Александров на Преполовение в собор. Меня одели в стихарь и дали нести в Крестный ход митру. Я схватил поднос и побежал. Меня вернули и я, как дурак, бегал в стихаре туда и обратно. Выпросился я в Никольскую церковь к о. Виктору Востокову. Но там был сторож Василий. Он также поставил меня к кадиле и строго запретил все прочее. После Преполовения я попытался пристроиться в соборе, но там мальчишки меня зашвыряли и сразу выгнали.

Наконец сама уже мама переговорила с нашей хозяйкой Е.П. Пестриковой, и она устроила меня в наш Пароменский храм. Сторожем тогда был у нас Виктор Димитриевич Русаков. На мое счастье пономарь, шестнадцатилетний мальчик, уехал в деревню, и меня приставили к кадилу. Прочее: аналой, подсвечники и др. оказалось мне не под силу. На это дело там желающих было много из взрослых любителей-при-

хожан. Виктор стал меня учить трезвонить и звонить с ним. Хор смешанный наш уже распался. Увеличились налоги, платить стало нечем этим «любителям». На клирос стали наши Ивановские матушки под управлением м. Людмилы. Хор был хороший. Пели матери Иоанна, Афанасия, Рафаила, Смарагда, Евлампия, Гавриила и две прихожанки Анна Михайловна и Александра Васильевна. Псаломщиком был Павел Матвеевич. Диакон Михаил Задирский. Священники о. Димитрий Панов (настоятель) и ивановские о. Николай Карасев и о. Василий Холмский. Вскоре Виктор уволился, и на его место стали две наши инокини — Елеконида и Феоктиста. И ожил наш Ивановский монастырь — моя родная обитель, воспитательница моя духовная.

Служа в Паромении, я не прерывал связь с Мироносицами. Болтался туда и сюда. Приносил о. Владимиру новости, делая из мухи слона. У меня вырабатывались болтливость и фантазерство. Вся беда в том, что я не был занят тем, чем занимаются дети моего возраста, — чтением. Наши православные батюшки не интересовались моим духовным развитием и даже затирали, а обновленцы приветствовали. Когда маму мою бабы настраивали отдать меня в спортшколу (тогда был набор), а власти придирались и пугали, о. Владимир говаривал: «Да брось ты мечтать. Вот подрастешь, привыкнешь, пройдешь в псаломщики, а там и дальше, и будешь батя». Как-то взяли меня на поминки вместе с духовенством, первый раз в жизни. Ну, разговору, болтовни! Пошел я после этого на Мироносицы. Там у о. Владимира Миша, соборный иподиакон. Давай рассказывать: «Ха-ха-ха, что, попы-то, наверное, подвыпили?». А я: «О так, и валялся о. Василий, а дьякон...у...». Мишка пришел домой. Отец его, Павел, наш псаломщик. Тут же все передали. Меня насрамили, как и надо было, но не выгнали. Пробовал я и услуживать, но эта услуга «медвежья» получается. Как-то раз мне сказала одна из причастниц: «почему сегодня не подкрашена кагором заправка, — а это была обязанность псаломщика, — сходи, Боря, к старосте, попроси». Я и пошел. «У меня на заправку нет кагора, это дело Павла», — ответила старостиха. Подняли шум, а я виноват — не в свое дело полез.

Пришел июнь. Снова при ближайшей школе открылась «площадка», и меня, как и в прошлый год, определили ту-

да. У меня открылись на ногах нарывы. Мать стала присыпать йодоформом — запах отчаянный. Мои батюшки кашляют и нос воротят, но не гонят: то ли по жалости, то ли в силу необходимости. Затем открылись лишай на голове и по всему телу. Меня направили в кожный диспансер: оказалось, что я заразился от кота так называемым стригущим лишаем. Меня исключили из «площадки». Рентгеновский был на ремонте. Прописали серную мазь, а бабы посоветовали кто чего: клюквой и сметаной. Вся голова в лишаях, а в церковь ходить хочется: намажут клюквой, а по ней пудрой. Мальчишки дразнятся: «Поп плешатый». Псаломщик настаивал выгнать меня из алтаря, но батюшки не выгнали: очень хорошо освоил пономарство и пел хорошо — был сильный голос. После рентгена направили на эпиляцию волос. К следующему году волосы вновь выросли густые, хорошие.

Пришла осень 1926 года. Мы жили в этой же квартире по заведенной «традиции»: от скандала до скандала, а между ними мои «старшие» безмолвствовали. Бабушка уже не сидела на рынке, но по привычке ежедневно ходила в «город». Однажды (дня не помню) во второй половине дня к нашему дому подъехал извозчик. Милиционер привез нашу бабушку: «Вот ваша старушка, завтра отправлю в богадельню», и ушел. После выяснилось, что она упала на рынке без сознания. Ее подобрали и свезли в отделение милиции, оттуда в больницу. Там не взяли, оттуда в Собес. Там велели до завтра свезти по адресу ею указанному. Очевидно, она сказала, что живет у чужих. С этого дня начался у нас в семье «худой мир» (лучше доброй ссоры). Стали мои старшие разговаривать. На следующий день меня послали за извозчиком и ее отправили в богодельницкий лазарет в палату слабых. Ей наобещали кучу «благ» — мама еще добавила, чтобы от нее избавиться, и она с радостью поехала. Поехала с надеждой на излечение: что ей сделают рентген и вылечат. Там она пробыла с неделю. Видит, что ее никто не лечит. Снесли в баню, простудили, и она заболела сильно. Мы ходили к ней ежедневно. В обед она кушала плохо, и мы кормились около нее, ибо были голодные с пенсии до следующей пенсии. Убедившись, что ее лечить никто не собирается, бабушка стала просить, чтобы ее взяли домой. Мне было жалко бабушку. Я стал просить об этом маму и обещал

ухаживать за ней. И бабушку привезли и положили. После возвращения из лазарета она немного окрепла. Стала двигаться по дому и очень хотела причаститься, даже собиралась пойти в храм на Николин день. После всенощной я сказал об этом отцу Димитрию. Но болезнь усилилась. Вечером позвала мама знакомого фельдшера Василия Никитовича Соколова и вот теперь он поставил диагноз: воспаление седалищного нерва. Стали лечить прогреванием.

В ночь на Николу я проснулся от сильного плача и крика: плакали обе — мать и дочь. Бабушка благословляла дочку иконой Святителя Николая: «Береги сына: Господь пошлет тебе утешение», — услышал я. Они обе плакали, просили друг у друга прощения. Кончилась многолетняя вражда навсегда. Но зато начался ад физический и надолго...

Утром мама сходила за о. Димитрием. Тот как раз читал утреннее правило. «Сейчас дочитаю кондак и приду». Батюшка исповедовал, причастил бабушку и советовал пособоровать. С этого дня я прервал своё пономарство в храме и остался дома ухаживать за бабушкой.

Итак, многолетняя вражда прекратила свое существование, но зато вместе с миром душевным пришел ад. Бабушке становилось все хуже: расстроилось пищеварение (непрерывный понос); закрылись веки обоих глаз; бессонные ночи; сильные боли седалищного нерва до крика. Бабушка жаждала смерти и молилась об этом. Мы с мамой сбились с ног и тоже заболели.

В конце декабря бабушку по ее желанию — она надеялась, что ее вылечат, — отправили снова туда же. Там со скандалом приняли ее.

**2 января 1927 года** мама пошла ее навестить, и на её глазах бабушка скончалась. Пошли мы с мамой собирать родных и знакомых. На маму напало злое и мучительное безмолвие. Меня она держала постоянно при себе и мрачно молчала. Выдали нам казенный простой гроб. Там в Богодельницкой часовне ее одели в казенное. Купила мама на деньги, занятые в долг, в лавке рядом с церковью Михаила Архангела венчик, молитву, 1/4 фунта свечей и обратилась к о. Владимиру. Тот согласился провести безвозмездно.

Под вечер 3 января (ст. стиль) гроб с телом богодельницкий возчик привез к Мироносицкой церкви, поставил

на паперти и уехал. Мама, я, о. Владимир и его служанка Анастасия Ивановна Токунова — дотащили гроб до лестницы на второй этаж, поставили и поволокли по крыльцам. Кое-как внесли в зимний храм.

4-го января в канун Крещенского Сочельника была Литургия и отпевание. Гроб опустили в могилу только около 4-х часов — не была готова могила. Мы переночевали дома. У мамы начались «привидения». Мы ушли к тете Кате и там пробыли до 40-го дня.

Была ужасная зима. Мать моя бесновалась, крича на меня дико, при удобном случае била. Холод и голод. Бабушка оставила «дорожную корзину» сушеных хлебных корок. Их мы ошпаривали кипятком и ели. Это было наше единственное питание. Надобно заметить, что горячая пища во все это время была очень редко, в дни пенсии. Пенсию получили — роздали долги, и опять «зубы на полку». Дрова кончились. Холод. Спали в одежде, а днем я бегал грелся по магазинам, а мама — по знакомым. Она все время кашляла, охала и пугала меня смертью. Я постоянно плакал. Кроме того, очень тяжело было без бабушки. Хотя не любила меня она, но без материнской ласки дороги были и редкие ее ласковые словечки.

Я ходил в диспансер кожных болезней: долечивал после рентгена свои волосы. Мама посылала меня часто по знакомым просить «на бедность». Служить в храме она мне запретила: «Ты слаб лёгкими — раздувать кадило тебе нельзя, вредно». Однако за святой водой в Сочельник Крещенский послала. Мать Еликонида очень была рада, увидев меня, но я ее опечалил маминым запрещением.

В конце зимы появилась у нас новая знакомая Анна Викентьевна Фотеева-Олехнович. Полька, гадалка, знахарка. Она не ладила с невесткой и просилась к нам жить. Хвалилась своим «искусством»: «Я, мол, вылечу вашего мальчика. Мы заживем с вами «на правую ногу» (буквальное ее выражение). Заговорили мы о перемене квартиры и о переезде на Запсковье. Но все это мечты! Она притащила нам «разной разности» — наворовала у невестки продуктов и справила Пасху.

Снова пошел я в Пароменье служить. Мама позвала в гости м. Еликонида — сторожуху. Мне спшили стихарь. Ба-

тюшки мне стали подкидывать «на гостинцы». У меня развился хороший голос — сильный дискант. Я трезвонил, пономарил и иногда пел с хором. Мне шел тринадцатый год. Хотелось расти выше. Напало на меня искушение — искать «лучшего». Мама не удерживала, наоборот, разжигала: «Попы тебя бедного, несчастного эксплуатируют. Сами в деньгах роются, а тебе бросают копейки и обижают». Я, пользуясь этим, стал жаловаться и, конечно, фантазировал.

Помню день моего Ангела был воскресенье, Неделя о расслабленном. Это было в 1927 году. В Пароменье всегда после обедни был общий молебен. Я по обыкновению стоял с тарелкой после отпуска. Народ подходил ко Кресту и клал на блюдо. А мне давали просфоры, а некоторые — монетки. Значит, прихожане меня полюбили. Но вскоре все же я ушел. Дело в том, что каждому из нас в детские годы хочется больше знать о том, что нас интересует. За эти годы я много знал на память. Например, Трисвятое, шестопсалмие, псалом 33. Но читать мне не позволяли. Помню, в день Троицы просил я прочитать на вечерне Трисвятое. Тогда мать Евлампия ответила: «Народу много — батя не залюбит».

Мне не давали ходу еще и за то, что я не прекращал связь с Мироносицким кладбищем, а также и за язык и за болезни. В тот год продолжалось еще лечение головы, ноги покрылись нарывами. Мать делала перевязки с йодоформом. Батюшки жаловались старостихе и просили выгнать меня. Но жалел меня отец Николай Карасев и щадил. Прислужников и кроме меня было много: Коля шестнадцати лет и взрослые Лука Андреевич, Иван Сладков. А мне — только кадило. Диакон Михаил Задвинский стал летом приучать своего сына школьника Павла. А мать Еликонида — племянника Петю. Мне приказали надевать стихарь по очереди. Я ушел.

И так я снова попал к о. Владимиру на Мироносицы и увлекся обновленчеством. Все дело в том, что везде обижали (но и сам был хорош: болтун, фантазер, дерзкий — что унаследовал, то и осуществлял в жизни), а обновленцы никем не брезговали. Еще обещали священство в будущем. Посвятили в чтеца. Разрешили носить иподиаконский орарь. От о. Владимира я несколько раз уходил и снова воз-

вращался. Теперь мне у него места хватило. Его псаломщики разбежались — за гроши служить не интересно, да и непочетно было в те годы. Прислужник был из Гнилиц (эта деревня теперь слилась с городом) — Колька Погодин по прозвищу Блин. Воскресенья и праздники мы на могилах служили и пели с о. Владимиром. Еще к нам пристала Верка, младшая дочь нового кладбищенского сторожа Петра Анисимова, из семьи пьяниц. Все там кутили и пили. Сквернословие считалось искусством. Но голос у нее был очень хороший дискант, а у Николая — альт. В Храме Николай пономарил, а я пел и читал на клиросе.

Трудно точно сказать, как и когда я снова попал на Мироносицы. У о. Владимира было раздолье, но я читать тогда мог только то, что знал на память. Решил понемногу переписывать из богослужебных книг все необходимое. Купил общую тетрадь. Подговорил друга Кольку Погодина в «печатники» с платой по 10 коп. за одну страницу. Сперва мы стали «печатать» Октоих, но переписал Стихиры 1 гласа «на воззвах» и увидел, что так не получится. Николай поработал 2–3 дня и бросил. Попробовал сам — не получилось — не вижу. Упросил маму и она урывками стала понемногу «печатать». Нам дали «план»: писать по одной стихире «на воззвах», стиховне, седален, антифон, ирмосы, по одному тропарю на каждый ирмос, тропарь и кондак, величания, одну стихиру «на хвалитех» и только. А пока о. Владимир начал учить Николая читать и петь по-славянски. А у нас дело двигалось. Но мама не знала славянского языка. Часто приходилось обращаться к соседям, знающим славянский текст. Так было переписано 8 гласов Октоиха, службы Дванадцатых праздников, службы общие Святым Апостолам, Святителям, Мученикам и Преподобным, из требника чины погребения взрослых и младенцев. Но на все это нужно было время. О. Владимир в отчетном своем докладе на заседании Псковского Епархиального Управления упомянул об этом мероприятии. Мне вынесли благодарность и пригласили в Собор править Литургии в седмичные дни за 1.50 в месяц. Но заплатили только за один месяц, а за второй 30 коп. Цена моего труда повысилась: мне стали подкидывать серебряные монетки, и я стал ходить в столовую с недорогими супами и кашами. Мамаша часто хватала эти

монетки, чтобы отдать неотложные долги, суммы которых превышали нашу пенсию.

**1928 год.** В начале этого года в наших краях появился Александр Иванович (Артур Артурович) Эверт — немец тридцати лет. Присоединен к Православию валаамским старцем до 17-го года. Родился в Санкт-Петербурге. Образование высшее законченное. Будучи гимназистом, полюбил Православие и увлекся аскетической литературой. Получая от родителей ежедневно 15–25 копеек на завтрак и на конку — омнибус (конный трамвай), он ходил в гимназию пешком и оставался без завтрака, а в конце месяца отправлялся в магазин Тузова, где продавалась духовная литература, и выбирал себе книги. В результате у него создалась прекрасная личная библиотека духовной литературы с аскетическим уклоном. Смолоду у него было стремление к монашеству, но по желанию родителей он женился на немке — лютеранке Маргарите Либергардовне Зимрот. Венчались они в кирхе. У них родился сын, тоже Артур. Приняв Православие, Александр Иванович решил посвятить себя духовному званию, а супруга его не хотела быть «попадьей», и они развелись. Прожили они всего несколько месяцев, взаимно посещая друг друга: он жил в Питере, а она — в Пскове.

Явившись в наши края, он познакомился с неким Коротковым, таким же искателем, как и сам, и через него с псковским православным духовенством, но не нашел отклика: приняли его холодно, недоброжелательно. Тогда он обратился к обновленцам. Там его встретили дружелюбно — они никем не гнушались: «Найди храм, организуй общину и будешь священником». Он поселился в Петровском Посаде (теперь ул. Плеханова). Стал давать частные уроки немецкого языка, математики и русского для иностранцев, собрал общину, открыл Варваринский храм, рукоположился в иереи и стал служить. Был он у нас и на Мироносицком: он тогда искал место и думал в помощники к о. Владимиру, но тот принял все меры, чтобы этого не произошло.

Мне тогда шел 14-й год. Любознательность моя росла непомерно. Я мечтал о богословии: то, что я знал, меня не удовлетворяло уже. Отец Александр обосновался в Варваринской церкви, часто бывал и у нас на кладбище в неслу-

жебные дни. Однажды он, обратив на меня внимание, заинтересовался мной и пригласил на акафист, бывший по вторникам. После службы позвал к себе. Вот с этого момента и продолжилось мое образование. Он расспросил о моей жизни, зрении и моих планах на будущее. Я же открыл ему свои мечты об образовании. Он тогда давал на дому уроки по математике, физике, диктанту и особо по немецкому языку по 25 коп. от урока. Видя мое желание и материальное положение, он пообещал мне как-то помочь. Но сообщил, что в богословии он такой же самоучка, как и я, также, что он связан с Богословским институтом (тогда такой появился в Ленинграде)<sup>1</sup>; что тоже мечтает об ученой степени магистра и пишет богословские диссертации на несколько тем.

Он рекомендовал мне достать программу экзаменов для кандидатов в священники. Тогда такие были у обновленцев и у православных. А пока предложил немецкий язык, назначил дни и часы (среда и суббота) и стали мы заниматься. Он писал мне большими буквами, которые я мог читать в своих очках. Здесь он обнаружил, что я не имею представления о грамматике вообще, и начал заниматься со мной по грамматике русского языка. Программу я достал у обновленческого арх. Василия<sup>2</sup> и принес о. Александру. Но он, посмотрев ее, не одобрил: нет пособий по урокам. За это время он создал свою и ознакомил с ней меня и предложил свои услуги заниматься со мной и готовить меня в Богословский институт. Я был «без памяти» рад. Программа у него была рассчитана на девять лет: три ступени, в каждой по три года. Немецким мы занимались с августа по сентябрь 1928 года по три раза в неделю. Теперь время занятий он изменил:

---

<sup>1</sup> Об этом обновленческом институте известно весьма немного. В 1925 г. ректором его был свящ. Павел Раевский — в будущем обновленческий митрополит, среди преподавателей в 1924–1930 гг. числился свящ. Александр Боярский, также впоследствии митрополит. С 1927 по 1929 год здесь читал философию и литургику свящ. Константин (Смирнов). Он защищал диссертацию на соискание степени магистра богословия на литургическую тему. Официальными оппонентами были: проф. Б.В. Титлинов и протопресвитер А. Боярский (ред.).

<sup>2</sup> Феофан (Виноградов), в миру Василий (ред.).

мы по новой программе стали заниматься ежедневно. Программа была особая — наполовину аскетическая:

1. Начало возобновления благодати Св. Крещения (Первый шаг Возрождения. Что делать). Св. Макарий.

2. Введение во внутреннее внимание (Аскетика).

3. Нравственное содержание догматического богословия (взаимосвязь догмата и нравственности).

4. Церковное осмогласие (мы его учили взаимно, ибо я знал его больше, чем сам он). Учили по «Спутнику».

5. Языки: греческий, латинский, немецкий и русский.

Немецкий и русский он передал своей матери старушке Анне Романовне Эверт. Она жила отдельно с младшим сыном-инвалидом и тоже давала платные уроки, но меня взяла так, бесплатно, по бедности. Так занимались мы недели три-четыре. И вдруг он мне объявил, что он очень перегружен и богословские занятия вынужден прекратить, оставив лишь языки, которые предложил мне учить взаимно, т.е. «мне будет стыдно не знать чего-либо к Вашему приходу, а Вам тоже».

Вскоре после начала знакомства с Эвертом я от о. Владимира ушел и поступил пономарем в Варваринскую Церковь. Там мне положили зарплату 2 рубля в месяц, но не надолго: церковь была «едва-едва»... И мне вскоре платить перестали. Но я служить продолжал, ибо то, что я приобрел за это время, дороже денег. Отец Александр был по характеру человек живой, жизнерадостный, «непоседа». Он не мог долго заниматься одним и тем же. Это был 30-летний отрок. Кроме формальной церковной 20-ки он завел общину нового типа по образу «первохристианской», в которую вошли желающие и из 20-ки. Сюда попали и моя мама, и наша бывшая жиличка А.В. Фотеева, и недавно встретившаяся старая знакомая Софья Ивановна (бывшая баптистка по бедности).

По вторникам у нас был т.н. «братский чай». Вместе с нашими собиралось около 10 человек: Ольга Верхоустинская — председатель 20-ки, Олимпиада — молодая интеллигентная девушка, Дарья Ивановна — прачка, А.И. Карташева — домохозяйка из Березки, П. Ив. Белявская. Все они люди «ищущие» и не обретающие, случайно попавшие в церковное общество. Каждый вторник в 7 часов вечера

мы собирались у о. Александра в его новой квартире: на первом этаже в соборной колокольне. Каждый приносил, что мог, из продуктов, выкладывал на стол, и садились все за стол. О. Александр кипятил чай, затем все по молитве садились, пили чай с приносами, а он читал примитивную духовную литературу. Потом он нас разделил на две самостоятельные группы: берёзкинскую и завеличинскую (нашу). Дал им и нам по книге: нам «Древний Патерик», им «Киевский Патерик». Дал устав и задание. Мы должны были собираться у себя на такой же чай, им задано было устроить в Любятове обновленческую группу и попытаться отобрать храм в обновленчество! Руководителями групп назначил в Березке Карташеву, а у нас — меня, «дурака». Когда я спросил, а какая должна быть дисциплина в группе, он с насмешкой ответил: «Сняв штанишки, мама вас будет розгами стегать, а Анна Викентьевна — держать», и сам расхохотался. Хотя это мне не очень понравилось, но я все же по мальчишеской дури взялся за это дело. Мы собирались в нашей комнате почти ежедневно. Мама читала Патерик и объяснение богослужения, а я, копируя о. Александра, «выступал» как умел. Но все это продолжалось недолго. Взрослые стали надо мной смеяться, и я торжественно объявил о прекращении работы кружка. А берёзкинцы оказались поумнее, они не приняли никаких заданий и перестали посещать «братский чай».

Личная жизнь о. Александра шла своим чередом. Он одно время хотел постричься в монахи, но совершенно правильно понял, что без монастыря монашества быть не может, и решил жениться. Синод обновленческий разрешил, и в начале октября сыграли свадьбу. Женился он на 18-летней девочке Капитолине Васильевне Сахаровой, девушке сугубо светской. В приходе начались дразги. Пожилые прихожане такой, с позволения сказать, «брак» приняли в штыки. Материальное положение в церкви и семье ухудшилось. Помню, на второй день свадьбы мама послала со мной как «хлеб-соль» новобрачным два больших витых батона белого хлеба. Он горделиво отсчитал и послал ей сумму стоимости. Мама очень на это обиделась, но продолжала «дружбу».

Помню, на одном из «чаёв» о. Александр читал из Библии, книгу Пророка Иоилия. Капитолина, сидя на печке,

всячески насмехалась и хохотала, к ней пристали и другие, в частности я сам. После этого «чай» прекратились. В день его Ангела 30 августа старого стиля 1928 года гостей было 35 человек. Но после его женитьбы все почти отошли. «Есть нечего — жить весело», а семья прибавлялась. Капитолина Васильевна, окунувшись в будничную жизнь, стала скандалить.

Варваринская церковь, как и другие обновленческие, была почти бездоходная. Наш мечтатель чего только не придумывал, чтобы и на душе было весело, и в животе не пусто. Кроме «братских чаев» он вначале попытался работать с немцами, среди которых у него было большое знакомство. В те дни закрыли кирху, и некоторые немцы начали приходить к нам в Варваринскую. Он, пользуясь этим, стал служить для них пол-обедни до Херувимской, и они очень щедро жертвовали на тарелку серебром. Это также продолжалось недолго. Пробовал он «братские чаи» для них устраивать. Но вместе с немцами-лютеранами стали приходить адвентисты: завязалась полемика, и пришлось прекратить. Но псковичи полюбили о. Александра.

По «девятилетней» программе мы занимались до Рождества Христова 1928/29 г. Отпуская на зимние каникулы, он дал мне в виде испытания написать сочинение на тему «Изложение препятствий ко спасению, с которыми встречаемся среди мира». Это аскетика, в которой я, 14-летний мальчишка, ничего не понял, ибо не знал самой «Азбуки», т.е. Св. Писания и истории. Слова «помыслы», «страсти» для меня были иностранными. Кроме этого, я должен был изложить содержание письма Свт. Киприана Карфагенского к Фиду «О крещении младенцев», но ведь читать-то сам я тогда не мог. Мама прочитала его мне несколько раз, пока я его не выучил наизусть (и теперь помню его).

Я подчеркнул «важные» места и на этом остановился. А о том, как пишут сочинения, я и представления не имел. Наляпал так, что до сих пор стыдно. Вроде того, например, — «Человек есть образ Божий, гневаясь на него, мы оскорбляем Бога». Помню еще что-то о языке и братстве. Но, несмотря на все это, подарки я все же получил. Он написал мне, как обычно, большими печатными буквами три рукописи: «Хронологию Церковной Истории» от 50-го года до разделения

церквей, «Римское исчисление» из «Арифметики» Малинина и Буренина и «Главы Леонтия иерея» из патерика.

В эти дни у нас произошла в жизни перемена, да и не одна. Появилась у нас старая знакомая София Ивановна Байкова, бывшая баптистка. Сначала поддерживала нас продуктами, тайком от мужа. Они жили на Октябрьской, 48. Он был дворником. Она ходила к нам. Помогала маме: мыла, стирала, дрова колола (мама зимой всегда болела удущьем), потом начала разглагольствовать о первохристианской общине, где была «одна душа и одно сердце», и стала уговаривать маму переехать в их дом и устроить такую общину. «Будем жить как в раю». В октябре 1928 года мы переехали туда, но в соседний дом, на 2-й этаж в квартиру Юзефы Рейман. Мама, как обычно, сначала задружила с ней, а потом разругались и стали врагами. К Юзефе приехал муж-эстонец, и нас начали выживать.

Летом мы переехали обратно на Рижское. За это время наша хозяйка Пестрикова вторично вышла замуж за железнодорожника деда Семена Осиповича Юхно-Черчейко. Наша известная приятельница Анна Викентьевна вытащила из деревни своего внука Женю. Дочь ее Вера жила замужем в д. Монькино, ст. Торошино за Алексеем Федоровым — активистом, безбожником и политиканом. Семья была большая. Евгений, подросток, был в семье пятым ребёнком. Бабушка взяла его под видом «устроить на работу», а сама «пристроила» его к о. Александру, по его же совету. Тот им заинтересовался и стал уделять больше внимания, а мне предложил приучать его к церковной службе. Мать моя мне это запрещала: «Выучишь его и сам вылетишь». Но я этого не боялся. Отец Александр начал с ним заниматься так же, как и со мной.

Между тем в Варваринской общине жизнь шла своим чередом. О. Александр завел «по образу Первенствующей Церкви» «частое Причащение». Причащали каждую службу без всякой подготовки, как гласила обновленческая программа. Исповедь была по книжке. О. Александр стал обличать меня (и только меня) в духовной неуспешности. Отчасти это и верно, потому что я, 14-летний подросток, и не знал, в чем состоит духовная жизнь: аскетику я учил как школьник-первоклассник, считая, что лично

меня она не касается. Я вел себя по-старому, а мои отрицательные зачатки вместе с возрастом росли. О. Александр отстранил меня от частого Причащения и определил в качестве епитимии «ухаживать» за Женечкой. На мое счастье мать моя, заботясь об «охране родительских прав», написала матери Евгения «всю правду»: бабка готовит ее сына не в рабочий класс, а в пономари. Та явилась, устроила скандал, оттягала сына за кудрявые его волосы и уехала, но сына не взяла — муж не велел. После Рождества мы начали заниматься по новой программе только греческим и латинским.

В начале февраля приехал в Троицкий собор новый архиерей Николай из Ярославля на место архиерея Василия (Виноградова). О. Александр занялся делами с новым архиереем. Занятия наши пошли плохо, с перебоями. Отец Александр стал служить по седмицам в соборе, который тогда отапливался плохо. Поморозил руки и лечил их. В Варваринской службы уже не было, и я перешел служить в собор. В соборе был немного: прослужил я там всего 6 месяцев и 1 неделю. Новый архиерей дал мне должность пошощника, но надо было учиться, а мальчишки старшие учиться не стали, туда же пристроился и Женька. Женька попытался к новому архиерею в келейники устроиться, но его не взяли, и он ушел и стал пионером. Потом устроился в магазин, а потом начал курить и дурить — бабушка жаловалась потом.

Я послужил Великий пост и к Вербному Воскресенью ушел снова на свои Мироносицы. Отец Владимир был очень рад, а я — тем более.

Год 1929-й был для меня годом искушений: пошёл уклон в сторону царства греховного мира. Мама отбросила на время свое обычное нытье, видимо поняла, что профессиональной побирahi из нее не получится, а нытьем ничего не достигнешь. Она поступила на работу в кондитерское производство инвалидной артели «Труженик» в оберточный цех. К 11 руб. пенсионным добавились 20–30 руб. Зарплату выдавали два раза в месяц: материальная сторона немного улучшилась, но духовная наоборот...

В стране усилилась антирелигиозная пропаганда. Началась кампания «чисток» и разных проверок. Маму вы-

звали и задали вопрос: «Почему Ваш сын с попом ходит по городу». Она отговорилась, но, придя домой, возобновила свое обычное «гонение». Подружки-бабки ее активно поддерживали. Сулили «золотые горы», если я оставлю Церковь, да и сам я начал шататься в сторону мирских прелестей. Положение мое в Мироносицкой церкви было незавидно — пономарь, дьячок, поводырь и звонарь полуголодный. Батя мой был скуп и расчетлив до крайности. Зима, мороз за 20 или осень — мелкий дождь с вихрем. Я — в рваных штанишках, в дырявой «кацавейке» на «рыбьем меху». Пошлют на колокольню: «Позвони минут десять». Все человечка назвонил лишнего. А где же у меня часы? Дома часов не было, у соседей спрашивать неудобно. Звону, пока кто-либо не крикнет: «Бросай!» Помню, раз я опоздал к службе. Спрашивают: «почему опоздал?». «Нет часов у нас», — отвечаю. Староста злой дед Пименов с насмешкой: «Вот уж я будильник тебе преподнесу». «Не грех бы, Епифан Пименович, старые «ходики» купить», — подумал я, но не сказал.

Обновленческие попы и «епископы» — переодетая шпана в дорогих, награбленных из закрытых храмов ризах, опротивели мне. И народ стал мало-помалу отходить от обновленчества, ибо всем стало ясно, что никакого «нравственного обновления», которое рекламировали вожаки обновленчества, нет, да и быть не могло. По наставлению своей трусливой и ноющей мамыши я пошел по учреждениям и организациям сам кланяться «помощи» и проситься в пионеры. Общество «Друг детей» выписало нам на месяц обед бесплатно и сапожонки второго срока. В пионеры меня не приняли — не школьник. Но мать, подогреваемая подружками, продолжала хлопотать, и меня приняли в инвалидную артель «Труд слепых» в щеточную мастерскую в наборный цех. Радости не было конца: ведь я теперь рабочий!

Помещение на Советской, 14. Рабочих в трех цехах было 12 человек — большинство совсем слепые. Пять человек женщин, остальные мужчины. Для иногородних было общежитие, городские жили дома. Была столовая общего питания за счет рабочих. Вычитали в месяц 3 руб. 50 коп. Жизнь была веселая: пьянство и разврат процветали. В нерабочее время — песни, балалайка и блуд. Все были пере-

женившись между собой по нескольку раз. Меня, 15-летнего мальчишку, приняли недружелюбно: «попенок», молокосос и т.д. О религии не было и помина. Был хоровой кружок. Я в нем тоже начал участвовать в альтах. Управлял один из псковских церковных регентов Рагожкин. Все это было интересно для меня. Чтобы жить «полной жизнью» товарищей, я попросился в общежитие. Продиктовал матери заявление, и меня приняли. Но вскоре оттуда ушел: пьянка и блуд меня не интересовали. Нашел я приятеля Ивана Григорьева. Получали мы первую зарплату и пошли ее проедать в кафе-ресторан, катались на трамваях, а потом наняли извозчика и поехали на вокзал, не зная зачем. Гуляли мы на его зарплату. На следующий месяц пришла и моя очередь и мы повторили то же самое. Мать, узнав об этом, пришла и устроила скандал. Работал я слабо — никак не мог научиться заделывать концы проволоки. Обращался к соседям — не хотят помочь. Работала недалеко слабовидящая женщина 19-летняя, многократно замужняя. Сжалилась надо мной и стала помогать мне, и я привязался к ней. Но ей был нужен не мальчик, а мужик, и она вскоре отстала и присоединилась к прочим моим недругам.

В те дни папа Пий XI выступил с призывом к «Крестовому походу» — освободить страну от «безбожной власти». Похода у папы, конечно, никакого не получилось, но большевистская власть ответила бешеной реакцией. Объявили «антирождественскую» кампанию. Усилили пропаганду. Запретили колокольный звон по городу. В Рождественские дни устроили «антирождественский» митинг с карнавалом — кощунственным «крестным ходом». По случаю приезда в Псков «ударной бригады» активистов по коллективизации, в Пушкинском театре устроили торжественное заседание Псковского горсовета. Ораторы бешено злословили религию и призывали снять колокола, закрыть все церкви, изъять имущество. Зал всем горячо аплодировал. Во всем этом участвовал и я: ведь в эти холодные темные дни меня когда-то посылали «названивать» богомольцев: «Позвони минут 10–15», а где у меня часы? Звонил, пока крикнут. Это и прочие обиды враг и люди его подогревали во мне. Но, с другой стороны, во мне сработало моё обычное: во мне засветилась искорка, зало-

женная в ранние годы матушкой Людмилой и другими. Вскоре я понял всю эту мерзость.

Настал Великий пост, и меня снова потянуло к родному храму и клиросу. Об этом быстро узнало начальство. Был у нас секретарем отдела ВОС контуженный в Гражданскую войну П. Козловский. «Ты, говорят, в церкви поешь? Нам таких не надобно», — заявил он, придя к нам в цех. Как ушел он, наши бабы забрюзжали в мою сторону: «А вот мы на Пасху все в церковь пойдем». «Петь тебе запретят» — категорически возгласил один из наших безбожников. Мне дали без очереди отпуск, чтобы я не толкался и не «соблазнял», но я подал заявление и уволился с работы. Была 6-я неделя Великого поста, и я с радостью снова вернулся к о. Владимиру на Мироносицы ко всеобщей, как раз на Вербное, и стал служить за псаломщика.

Летом 1930 года я встретился с о. Александром Эвертом, моим бывшим учителем — он приехал из Ленинграда погостить к теще. Он предложил мне продолжить занятие аскетикой через переписку. Но я стал в это время мечтать о настоящей должности псаломщика в деревенском храме и просил у него посодействовать. Он обещал и уехал. В начале августа я получил от него письмо. Предлагали мне место псаломщика в с. Каменка Лужского района ст. Толмачово. Я ответил согласием, а в начале сентября получил от него ответ на «препровождение» митр. Николая (Платонова)<sup>1</sup>. Мне шел 16-й год, там об этом, видимо, не знали. Мать тогда работала уже не в кондитерской, а в кафе. Отнеслась она к этому отрицательно, но все же не препятствовала, и я собрался и уехал.

**И так вступил я впервые в самостоятельную жизнь не подготовленный.** Приехал я в Каменку, в 12 км от Толмачово. Дом церковный там на две половины. В левой жил священник, бывший дьяк из Ленинграда, Михаил Слабиков с женой Евдокией и дочкой 7 лет Лидой. Меня поселили в пустую квартиру из 2-х комнат. Крыс полно! Питался я у священника, пока как бесплатный нахлебник. Кругом лес. Дрова заготавливай сам, как знаешь. Вокруг дома был барский яблочный сад. Был и наш церковный маленький

---

<sup>1</sup> В то время обновленческий архиепископ Гдовский (ред.)

сад. В приходе 5 небольших деревень: Изор, Колиц, Пуятинно, Каменка и Затуленье. В былые годы на причт собиралось по 7 фунтов муки с каждого дома и 1 пуду картофеля, кроме дохода. Но когда мы пошли с батюшкой за этим сбором — над нами только посмеялись. Это уже устарело.

Прослужил я месяц. Ходили в Покров и в Анастасию по домам с молебном, наслужил около 40 рублей на мою долю. Вдруг — письмо из Пскова от мамы мне и о. Михаилу. Мама пишет, что она «еле жива» после двух «припадков» и требует меня немедленно домой, угрожая применить принудительный привод, так как я несовершеннолетний и болезненный. О. Михаил посоветовал мне съездить самому и привезти ее. Что я и сделал. Привез я ее, она побыла дня четыре и уехала недовольная. Вскоре пришло письмо совсем «грозное» с теми же требованиями. Река замерзала, пароход не стал ходить и мост развели. Я собрался и поехал. Мне сказали, что почтовая подвода иногда берет пассажиров, и я три километра до почты тащил свои вещи. Но не тут-то было. Оставил вещи в деревне и пошел пешком. По милости Божией какой-то попутчик взял и догнал меня у станции. Так я вернулся в Псков.

Наступила зима. Зиму 1930–1931 гг. провел сидя дома. В воскресные и праздники служил снова у о. Владимира на Мироносицах, а прочие ходил в Паромье петь в хоре. Там меня не прогоняли за Мироносицкое служение. Мама бросила хандру и продолжала работать в инвалидной артели. И вот я осмелился и задал вопрос: «Мама, на кого ты меня готовишь, на министра или на директора? Ведь 17-й год идет, а дальше?» И мама смирилась, поняла и сказала: «Как хочешь». Прошла зима, наступила Пасха. Разговляясь я у Кольки — товарища по церкви.

11 мая 1931 года. Я явился в паспортный стол и получил свой первый паспорт. Паспортистка Иванова поставила мне год, но не поставила месяц и число рождения. Это давало мне возможность «постареть» на год (с декабря на декабрь, чтобы было 18), и я задался мыслью стать псаломщиком. С этой целью я собрался путешествовать. Взял по старой памяти билет до Луги. Там пересел и в 7 утра вышел на Варшавском. Вышел и ... растерялся. Солнце казалось не на том месте. Сел на первый попавшийся трамвай и поехал невесть

куда. Надоело. Вышел и поехал в обратном направлении. Пришел опять на Варшавку. Хотелось есть. Купил сухой бутерброд. Сел на Лужский и приехал в Лугу, дальше ехать не было денег. В 9 часов вечера вышел на линию и пошел по шпалам. К 12-ти ночи пришел на полустанок «Фандерулита», пропустил псковский поезд и пошел дальше. Около 3-х ночи подошел к ст. Серебрянка. Очень хотелось спать. Сел на вокзале за стол и заснул. Утром в 9 часов встал и пошел дальше. Прошел Полупаны, Смычки (Лямцево). Встретилась дрезина с рабочими ж.д. Меня остановили, проверили документы. Велели вернуться назад до Лямцева, свернуть и идти по деревне, потому что через мосты не пропустят, что я и сделал. Есть хотелось очень. У с. Тушитва обогнал я одну бабушку. Разговорились, и она меня угостила куском копченой свинины, хлеба у нее не было. Под вечер пришел я на станцию Плюса. На оставшийся рубль взял билет до Владимирских лагерей и снова пешком по шпалам. Свернул налево на хутор и попросил кусок хлеба. Хозяйка меня накормила обедом, но хлеба у них не было: растворена квашня. К вечеру я пришел на ст. Новоселье и переночевал. Впереди был железнодорожный мост, пешком идти нельзя. Утром прибыл поезд. Вошел в вагон, сел в пустое купе. Сели ко мне женщины с больной. Расстелили напротив до полу одеяло, положили больную, а сами отлучились. Я влез под лавочку, завесил одеяло, доехал до Пскова и пришел домой.

К этому времени обновленцы окончательно «развинтились» и показали себя. И я принял решение, что мне у них дальше делать нечего. Рассказал о. Владимиру своё путешествие и о своём решении. Он пообещал мне прибавить плату: вместо 30–40 копеек 1–3 рубля. Но я решил: всё!

27 июня 1931 года по нов. стилю я пришёл на прием к епископу Феофану<sup>1</sup>, нашему православному епархиальному архиерею, просить место псаломщика. Владыка меня выслушал, взял в руки список. «Мест очень много. Вы служили где-нибудь псаломщиком?» — спросил он. Я ответил как есть. «Вас ещё нужно присоединять». Я согласился. «Так идите в Гнилки, 12 км от города Острова, там два священника». Я взял благословение и с радостью вышел. Была

---

<sup>1</sup> Архиепископ Феофан (Туляков) (ред.)

суббота, а в следующий понедельник я сел на вечерний поезд и к 8 вечера приехал в город Остров. Город незнакомый. Переночевал в «Доме крестьянина» за 15 коп. на скамеечке в коридоре.

Утром отстоял обедню в соборе и отправился в Гнилки по шоссе Детроп<sup>1</sup> — Опочка. У ворот дома священника встретил матушку — хозяйку дома. Спросил о. Алексея (я его знал понаслышке), и она указала. Я пришел и представился. Тот проверил мои документы и послал к старшему и к старосте. Старший, о. Иоанн Амосов, говорил со мной немного: он прочил на эту должность свою невестку. О. Алексей вывел меня за дом и показал деревню, стоящую в километре от нас: «Это деревня Кисели, там покричите перевозчика, и он перевезет Вас на ту сторону», — и показал также на таком же расстоянии дер. Рябинкино, — «Там живет староста».

На самом деле оказалось все не так: перевоза постоянного не было, лодка на той стороне. Шумела запруда — по ней в сухое время, когда мало воды, переходить можно, но сейчас вода была большая и била через запруду. Я снял ботинки, повесил их на шею и по камням запруды перебрался на ту сторону. После все дивились: перешел первый в том году. Вошел я в деревню Рябинкино. Показали дом старосты, и я постучался. Открыла невестка Саша: «Ее дома нет, а Вы откуда?». «Из Пскова, псаломщик от владыки Феофана», — ответил я. Она на самом деле была дома, но, увидев в окно незнакомое человека, спряталась. Тогда в деревнях все так делали — поднималась вторая волна насильственной коллективизации, и работникам сельсоветов даны были неограниченные права: они врываются в дома и творили, что хотели. Невестка вернулась в дом, доложила ей обо мне и затем сказала: «Проходите в избу».

Меня встретила женщина средних лет и среднего роста в длинном темном рабочем платье. Глаза голубые. Наречие крестьянское Псковской губернии. Голос ровный густой. В голосе слышалась приветливость, ласка, любвеобилие, но, в то же время, — уверенность, твердость, властность, мужественность, независимость, желание поставить на сво-

---

<sup>1</sup> Возможно, имеется в виду Юрьев-Дерпт (ред.).

ем, словоохотливость, житейская и духовная рассудительность, бережливость. Вот то, что я смог прочитать в ее голосе из первого разговора с ней по дороге обратно в Гнилки.

Меня плотно покормили обедом, такого я забыл, когда ел в жизни. Дело в том, что меня не смогли поместить у них в доме: назавтра у них предполагалась навозная «толока», когда всей деревней помогают вывозить навоз в поле, а хозяин угощает всех вином. Пока пройдет толока, Мария Ивановна решила меня устроить в Гнилках у священников. Мы оба пошли в Гнилки, переехали на лодке на тот берег и направились к батюшкам. Но оба они, несмотря на просьбу-порицание старосты, принять меня к себе даже на два дня отказались, и мы направились в дом Никифоров. Рядом с небольшой деревней Гнилками был «прогон» (улица) из 8 домов «кутейников»-«клирошан». Это вдовы и дети (старые девицы) умерших священнослужителей.

Погост. Семья давно умершего священника Василия Никифоровского была большая, но в доме жили только три его дочери — старые девы: Ольга, Дария и Люба. Ольга — пенсионерка, бывшая учительница, епархиалка, уволенная за религиозность. Дарья — 40 лет, грамотная (домашнее образование), боевая, взбалмошная. Люба — 36 лет, психически недоразвитая. Они, как и прочие «кутейники», жили подаяниями прихожан. Имели небольшие огороды. В праздники ходили по собору, кто что даст. Хозяйка приняла меня с радостью. Ведь это такое «счастье»... Море новостей. В те дни газет, радио и телевидения в деревнях не было. Гнильский погост славился сплетнями на весь уезд. Поэтому псаломщики здесь не задерживались — сплетнями замучают.

Семья моих хозяев была обывательская, имея корову, ни масла, ни творогу не едали: все выпивали, да с кашей... Разговоры, пересуды с руганью, скверными словами, всех нечистых соберут. И это все о тех, кто кормил их... Тут за меня уцепились. Пошли тары-бары. На третий день пришла Мария Ивановна. При храме была недавно построена сторожка. Мария сделала там уборку, протопила и поселила меня туда, а сама снова ушла домой: время было летнее. Пришли соседки, нанесли мне молока всякого — топленого, квашеного; творогу, сметаны, масла, яиц и мяса. Все это я видел только на рынке, но не дома. Я не мог сообразить,

что со всем этим делать. Они пришли, посидели и ушли, а я остался один, книг не было, да и читал я тогда плохо. Хотя секрет чтения уже был открыт: когда я писал, баловавшись с очками, заметил, что чем дальше отводишь очки, тем больше увеличиваются буквы. Я пошел к врачу, врач повысил диоптрию, и я стал учиться сам читать шрифт всякий, но шло плохо.

На третий день пришла Мария Ивановна с плохими новостями: волна коллективизации набирала силу. Прислали бригаду активистов в подмогу местным, и началась бешеная атака на тех, кто не хотел по принуждению «добровольно» идти в колхоз. Семья Марии также подверглась нападению. Они жили очень зажиточно: две избы, три коровы, пара лошадей, куры, овцы, два борова и 11 гектаров земли. Все это описали и постепенно отбирали. Мария не ладила все время с «кутейниками»: она постоянно призывала всех помочь своим трудом храму. Обращалась и к ним — грамотным. А они не считали нужным, думая, что приход обязан их содержать, как детей и вдов бывших служителей. В народе началось всеобщее прятание вещей: одни прятали, а другие доносили. По доносу «кутейников» к нам явились из сельсовета с обыском. Уполномоченный РИК Лихатев, увидев меня, юношу-псаломщика, начал читать нотацию, но ничего не добился. Вражда усилилась. Мария предложила мне порвать всякое знакомство с ними, но я не послушался. Осенью она перешла жить в сторожку, и началась у нас с ней вражда самая сильная. Но выгнать меня не решилась. Как стало известно после, она возмечтала женить меня на своей племяннице Марии — моей ровеснице, отбить ее от матери и доживать с нами свой век — утопия.

После Петрова дня я явился в сельский совет и получил прописку временную, по которой прожил 2 года и 8 месяцев: им не до меня было. По паспорту настоятеля я получил утверждение арх. Феофана в день Усекновения главы Св. Иоанна Предтечи. На именины к нашему о. Иоанну явился благочинный, священник с Немоева (в 10 км). Сам из православных крестьян-эстонцев, выпускник Киевской Академии, рационалист — один из моих будущих настоятелей. Между прочим он передал нам архиерейское распоряже-

ние: невенчанных супругов не допускать к Св. Причащению, восприемничеству и не молебствовать в их домах. Все это мы исполнили, но бесполезно.

Храм наш был трёхпрестольный, холодный, большой; освящен в честь Св. Троицы, Свт. Николая и Св. Предтечи. Приход — 101 деревня. Праздники — Свт. Николаю (оба), Покрову, Свв. Флору и Лавру, Св. Архангелу Михаилу (8 нояб.), Успению, Петру и Павлу. Певчих 8 человек: Павел, две Анны, Мария, Катя, Пелагея...

Вскоре после вступления в должность явился я к архиерею. Зашел разговор о цели моего ухода из обновления и моих планах на будущее. Я исповедовал свою мечту — посвятить себя священнослужению. Владыка одобрил и дал мне программу экзамена на диаконское служение: Священная история Ветхого и Нового Завета, катехизис, Устав, история Церкви, славянская грамотность. Я достал книги, а Ольга Васильевна, из «кутейников», вызвалась мне помочь в подготовке к экзамену.

Наступила осень. Мария поселилась в сторожке и начала шить по заказу одеяла и прясть шерсть. Она прекрасно понимала, что дружба моя с «кутейниками», а тем более с домом Никифоровским, кроме вреда, ничего не даст, и старалась всеми мерами меня отвлечь. А мне это было неприятно. Там и там я ценил ласку и теплоту, которой я не видел в детстве. Но она часто «сгущала краски», а вот это то как раз и дало обратный результат. Колебался я как маятник между двух. А обстановка с каждым днем портилась. Обложили всех налогами. Вначале я обслуживал двух священников. Они делили все пополам, а мне выделяли  $\frac{1}{3}$  и тот и другой. О. Алексей стал придирается к мелочам и, наконец, накричал на меня всенародно, оскорбляя скверными словами. Я подал архиерею жалобу, но бесполезно, меня же и обвинили. У Ольги Васильевны тоже, как оказалось, были «наполеоновские» планы в отношении меня. Она возмечтала прилепиться ко мне в качестве тети или мамыши, и высказала это намерение в одном из скандалов со своими. А те сошли с ума. Это, конечно, абсурд. Ведь я-то еще никто, 17 лет от роду и гол как сокол.

Во время наших занятий Ольга Васильевна одно твердила: просите перевода. Но я не забыл Каменку: я непри-

способлен к одинокой жизни, и предпочитал пользоваться услугами Марии, которая все время ворчала и жалела. Ольга Васильевна вконец разругалась со своими и перешла жить к подруге юности, бывшей учительнице, пенсионерке Григорьевой Александре Матвеевне, жившей через дом от «кутейников». Там начались мои занятия по подготовке к экзаменам. Я приходил к ним каждый вечер и сидел до поздна. Мы занимались Свщ. историей, катехизисом, историей Церкви. Потом Александра Матвеевна читала вслух Некрасова, а также роман А. Толстого «Князь Серебряный». Обе мои учительницы были сугубо светские: не прочь посмеяться и покощунствовать.

**24 января 1932 года я держал экзамен перед экзаменационной комиссией.** Три протоиерея Лепорский, Ляпустин и Некрасов экзаменовали меня с 11 утра до 5 часов вечера и написали: «Испытуемый показал знания не обширные, но правильные. Комиссия обратила внимание, что он с трудом может читать только крупную печать богослужебных книг» (школьная 3). После этого Ольга Васильевна уехала жить в Остров к невестке. А я начал собирать пособия для экзамена на священника. Приближался Великий пост. Атмосфера искусственной злости в духе моих учительниц мне надоела. Во мне снова засветилась искорка матушки Людмилы. Я подался в сторону Марии.

Теперь о Марии. Из первого разговора с ней по дороге на перевоз я узнал, что родилась она в богомольной деревенской семье в дер. Рябинкино Островского уезда в 1886 г. Два года просилась в школу, но не пускали: нечего одеть. Да и зачем девчонке грамотность. Наконец на 15-м году жизни отпустили. Год проучилась, на второй год пошла, но родился братишка: нужна нянька. Больше не пошла. Уроки Закона Божия пробудили в детской душе любовь к Спасителю и желание служить Ему. Родилась идея — монастырь, но уже не для того, чтобы там научиться петь и читать. Родители, как и всегда, были против.

На семнадцатом году жизни она сильно простыла и заболела брюшным тифом. Мать подняла шум, раскаялась и дала обещание — отпустить ее в монастырь, если выживет. А как дочь поправилась — снова не хотела и слышать о монастыре. Придя с Крестным ходом в Псков, она случайно

услышала о Елизаровой<sup>1</sup> пустыни, о живущем там старце архимандрите Гаврииле, и вместе с народом добралась до Елизарова. Старец благословил ее в новостроенный тогда под его руководством монастырь близ г. Торопца Псковской губернии. Отец свез ее туда, и она осталась там. Но монастырь там не получился: восстало приходское духовенство. Там она научилась всякому рукоделию. Ее поставили келейницей к регентше Анне.

Не дождавшись конца строительства, монахиня Анна уехала, взяв с собой и Марию. Год прожили они на даче в Печорах, потом в Санкт-Петербурге, а затем Анна поехала к родителям, а Мария по ее рекомендации попала в Рижский Св. Троице-Сергиев монастырь<sup>2</sup>. Там она встретилась со своей подругой, дальней сродницей Елизаветой. Марию поставили в просфорню. От сильной жары она заболела параличом голосовых связок. После болезни ее на лето направили в пустынь (.....). Началась война 1914 года. Ригу взяли немцы, а монастырь перевели в Новгородский Савво-Вишерский монастырь. Там она пробыла до его закрытия. А затем жила дома и работала до начала колхозов.

В храме после революции старосты менялись ежегодно, довели храм до нищеты. Собрались прихожане и решили просить Марию и Лизу занять эту должность. По благословению старца схимонаха Серафима и схимонахини Геннадии Мария вместе с Елизаветой приняли храм. Но та похитрее: поняла, что дело не почетное, и ушла. А Мария осталась на должности казначея, фактически исполняя должности уборщицы, пономаря, сторожа, просфирни, ризничей и звонаря.

---

<sup>1</sup> Спасо-Елеазаровский монастырь основан Преподобным Евфросином, в миру Елеазаром, после 1425 года, на берегу реки Толвы, где по преданию еще в XII веке существовал скит, основанный монахинями псковского Иоанновского монастыря. В начале XX века в малоизвестную обитель переезжает на жительство старец схиархимандрит Гавриил (Зырянов). (ред.)

<sup>2</sup> Троице-Сергиев Рижский монастырь был устроен на средства фрейлин Высочайшего Двора Екатерины и Натальи Мансуровых в конце XIX века. Придерживался правил московских общежительных монастырей. В советское время не закрывался. (ред.)

Такой я встретил её 30 июня 1931 года, в первый день моего самостоятельного жизненного пути.

Неудача экзамена по программе на получение диаконства меня не остановила. Я сразу же решил продолжать свое самообразование. Стал собирать пособия и начал самостоятельно заниматься подготовкой к экзамену на получение сана священника. С самого начала служения своего в Гнилках я сблизился с настоятелем Никольской церкви г. Острова Николаем Игнатьевым. Он имел высшее образование не богословское, а дореволюционный педагогический институт. Настроения реформаторского, бывший обновленческий активист, изобретатель новшеств. У него была хорошая духовная библиотека, и я этим воспользовался.

В программе было 7 предметов: Св. Писание, основное богословие, догматика, история, литургия, каноника и гомилетика. Достал я «Толковую Библию» Лопухина, «Толковое Евангелие» Б.И. Гладкова, «Историю» Димитриевского, «Догматику» Малиновского, «Богослужение» Свирелина, «Законы о религиозных объединениях» Орлеанского, кое-что по основному. И стал самостоятельно заниматься. Читать мне помогали, но я не понимал, что надо не читать только, но и заучивать, и у меня получился пшик...

Между тем облака жизни сгущались. Усилилась волна коллективизации. Умер о. Иоанн Амосов. Матушка его Анастасия продолжала пользоваться доходом. Ее обложили налогом за все года и отобрали дом. Собрался у нас в небольшом домике сторожки весь причет, поселилась и безногая старушка — вдова умершего старого дьячка Елизавета. Невестку Марии казначеи обложили «твердым заданием» сдать определенную мзду, хлеба и т.д., растрепали дом и саму забрали на полгода в принудительную работу. Мария поселилась в сторожке и шила одеяла по заказу. Место умершего о. Иоанна захватил незаконно свящ. В. Ченцов — малограмотный, жадный до денег и злой. И он поселился в сторожке.

Хор в храме стал разрушаться. Девушка Катя вышла замуж, но неудачно. Марию Костину (лучший дискант) ограбили и выселили в другую деревню, мужа забрали в тюрьму. А мою главную помощницу по клиросу и занятиям Лизу «раскулачили» до нитки и выселили тоже. Я про-

должал занятия, попы наши ворчали: «Куда ты лезешь? Мы сами на ниточке держимся. Все идет насмарку, и мы давно бы ушли и бросили эту «чехарду» (т.е. службу), да некуда деться».

Владыка — архиепископ Феофан благословил мои занятия, велел готовиться к экзамену и подыскивать себе невесту. А вот это-то в те дни было дело мудреное и почти неисполнимое, молодежь боялась пройти мимо храма и перекреститься. Духовенство лишено было прав избирательных и всех вообще, облагалось налогами. Какая же девушка согласится на такое замужество? Бабки насмотрели мне девушку Ньюшу, ровесницу в годах, и стали сватать. Она ответила: «Парень-то и нравится, да ведь у него нет никакой специальности. А как закроют церкви, куда же мы с ним? На мосту петь псалмы? Да и там заберут». Холостяков владыка не рукополагал и в монахи никого не постригал. Он был большой законник.

**1933 год, сентябрь.** Я закончил свои занятия и подал владыке Феофану прошение на экзамен. Он положил резолюцию и послал к членам комиссии. Прот. Д. Некрасов встретил меня в штыки и начал увещание оставить эту «затею» и поступить на гражданскую службу: «У Вас плохое зрение и неканонический возраст к тому же». Я продолжал стоять на своем.

В конце сентября 1933 года в доме бывшего ректора Псковской семинарии прот. Лепорского собралась комиссия в том же составе и экзаменовали также полдня. Взяли с меня 25 рублей (такую сумму платили в то время за похороны с обедней) и написали: «Испытуемый обнаружил знания не точные, не проверенные, не обдуманые, учение Церкви знает в общем удовлетворительно. С Церковным уставом знаком практически. Замеченные недостатки его знаний свидетельствуют о его юности и спешном прохождении предметов, тем более что недостаток зрения затрудняет их прохождение и может препятствовать в совершении Таинств и требоисправлений».

Увидев такое «заключение» владыка написал мне: «Рекомендую Вам быть у врача-окулиста и выяснить: достигнет ли в данный момент Ваше зрение 75% и может ли ухудшиться ниже 50%, о чем представить мне справку». Врач

Т.П. Петрова, осмотрев мои глаза, ответила: «Теперь проценты не пишем, ибо трудоспособны теперь даже совсем слепые. Оценка зависит от вида работ». И к тому же добавила, что справки даются только по запросам госучреждений. Идя на экзамен, я не знал самой главной прописной истины, что сумму «25» надо было умножить в несколько раз и тогда было бы все на месте.

Между тем, развязка приближалась все ближе и ближе. Священник В. Ченцов задумал ввести в храме новые порядки и стал собирать шайку. К тому же правительство назначило перерегистрацию всех церквей. В конце года собралось общее собрание. Мария отказалась от всех своих должностей и вышла из состава двадчатки. Избрали из новых членов исполнительный орган и ревком<sup>1</sup>. После всего этого я подал владыке (устно) прошение о переводе меня в другой приход. Мария поехала в Ленинград насчет места: там было много ее сродников. Мне предстояла новая холостяцкая жизнь в другом приходе. Путь этот в те дни был небезопасен — или повенчаться с какой-либо вдовой, что лишало права на священный сан, или блудить от одной к другой, подобно маятнику. Любительниц везде достаточно. И крепко и серьезно задумался я...

Мария с самого начала возымела намерение отбить от матери свою племянницу Марию, женить меня на ней и прилепиться к нам на всю жизнь. Но ведь это же утопия, да у Марии к этому времени уже был жених, за которого она и вышла потом и прекрасно прожила до старости. Возвратившись из Ленинграда, Мария поведала, что мест там для нее много по ее специальности — ткацких или прядильных, но фабрика есть фабрика... Не лучше было положение и у ее подруги Елизаветы — скитание с семьей брата.

Сама Мария, несомненно, как я уверен, замуж не собиралась, но ей жаль было бросить меня на произвол судьбы. Чтобы сдать меня в надежные руки, она попыталась предложить Лизе выйти за меня замуж и продолжать служение Святой Церкви, которому обе они с юных лет себя посвятили. Но я знал характер Лизы... Она дала уклончивый растянутый ответ: «Как Господу угодно, мне его жалко». От

---

<sup>1</sup> Ревизионная комиссия (ред).

вет этот Мария сразу же передала мне, но я категорически отверг все это, зная её хитрость. «Мы взаимно успели друг к другу привыкнуть, нам с тобой надо сходиться и продолжать вместе свое служение Св. Церкви», — таков был мой ответ. Она согласилась с таким предложением, хотя в реальность всего этого не верила, зная все препятствия на этом пути: регистрация, венчание, местожительство и т.д.

**2 февраля 1934 года.** Мы оба явились в Волосовский сельсовет, оформили регистрацию нашего брака и продолжали готовить дальше. Ясно, что справлять свадьбу в Гнилках не было возможно: люди ведь не понимают — в Церкви служишь, значит, ты поп, в монастыре пожил — значит, монах, да и места не было для этого. Поэтому мы, отшучиваясь на поздравления, продолжали держать брак свой втайне. А сама Мария всё ещё не верила в реальность: «Бумажку выбросил, да и все. А венчать не станут без архиерейского благословения». Но Господь вел все по Своему Промыслу.

Во вторник на последней неделе мяседа мы отправились в Псков пытаться «счастье». Кинули мы жребий на несколько городских церквей, где меня не знали. Жребий пал на храм Свв. Константина и Елены в Царевой слободе. Явился я к о. Аполлинарию Головадскому с этой своей «требой», назвал себя служащим из Островского района. Он проверил мое свидетельство о браке, написанное на бланке свидетельства о рождении. Он знал меня мальчиком, но здесь не узнал: вырос я... Договорились на завтра (среда в 5 часов вечера). Нанял я дух извозчиков туда и обратно и пошел к своему батю о. Владимиру — тот рад гулянуть на свадьбе. Подобрали мы и венчальных: бывшего Мироносицкого председателя двадцатки Макарова с сыном, Анастасию Ивановну Толкунову и мамину подругу — парикмахершу Анну Петровну Павлову. Макаров явился с супругой, как подобает женатому.

14-го февраля 1934 года в 5 часов вечера состоялось наше бракосочетание. Батюшка сам пел и читал. В храме еще был сторож и старостиха-свечница. Вечером «свадебный пир» гуляли у Анны в ее мастерской и на ночлег отправились к маме.

Наступил Великий пост. В понедельник во время службы явился представитель приходского совета Покровской

церкви с. Немоева (15 км от Гнилок), и мы поехали с ним. У него было назначение от архиерея. И началась моя служба в Немоеве псаломщиком. Немоевский батюшка о. Иоанн Кириллович Кюпар — эстонец, но не эстонский, а торопечкий из крестьянских, академист, кандидат богословия, ярый рационалист — постов не признавал. У него была большая духовная библиотека. Он подарил мне много книг творений Св. Отцов: Иоанна Лествичника, бл. Феодорита, Кирилла Иерусалимского, Макария Великого. В дни Св. Четырдесятницы мы как и всегда держали пост строгий. Плохо было то, что тогда в сельских приходах в местные праздники приходилось служить по домам, и угощали скромным в пост. О. Иоанн ел все, а я с юношеской ревностью держал пост. Это подрывало его авторитет, и он стал ко мне относиться хуже. А так он неплохой был батя и в доходе меня не обижал, как Гнильские попы.

Лето 1934 года мы с Марией прожили хорошо, сыто: прихожане подкидывали своих продуктов — гороховую муку, горох, домашнее толокно и перловку. Заготовила Маня ягод, грибов; капусту и картофель не покупали, а хлеб пекли сами. Резвились как котята, как дети маленькие. Играли как ребята в пятнашки и горелки. Но беда надвигалась... После гибели Кирова ужесточились репрессии: началась кампания массового спецпереселения, арестов, усиления паспортного режима. В апреле прислали нам выписку с лишением обоих нас избирательных прав. Это влекло за собой лишение многих прав гражданских. А я мечтал о диаконстве, бредил рясой и ектениями, с юношеским пылом и жаждой страданий за Христа и Церковь. О. Николай Игнатьев, настоятель Никольской церкви г. Острова, встретив меня, напомнил о его желании иметь у себя диакона, и посоветовал при удобном случае поговорить с архиереем на эту тему.

**Наступил Великий пост 1935 года.** Отпустил я Марию на богомолье в город, а сам составил на пост, как и прежде, «правило», помочил на среду горох и принялся «подвижничать», да ненадолго. Первый день поста подогрел мое рвение. Переночевав ночь, я поехал к архиерею. Владыка принял меня очень хорошо. Обещал исполнить мое «диаконское» желание, если будет от о. Николая прошение. Я сразу поехал в город к о. Николаю, и кончилось мое

«правило». Закрутилась суета приготовления. Но беда была в том, что тогда очень трудно было с пропиской. Я уверил владыку, что прописка будет непременно, и он мне поверил, а оказалось все наоборот.

30 марта 1935 года в день Прп. Алексия я был рукоположен в сан диакона и назначен в Никольскую Церковь гор. Острова. Надев рясу, я с юношеским пылом пошел в милицию по поводу прописки, которая была прекращена уже с 1 апреля. Начальник милиции, увидев меня, чуть не сошел с ума от злости. Обругал меня как нет хуже и пригрозил тюрьмой. Решили пока устраивать меня на ночлег у прихожан поочередно. Но после того как несколько человек приняли меня по разу, одного из них вызвали на проверку, и все испугались. Пробовали устроить у сторожа, но и его вызвали и пригрозили штрафом. А я получил открытку от настоятеля: «Приходите утром — ночевать у нас нельзя». Между тем в храме шла служба, народ валил валом: в те дни проводилась кампания массовой этапной высылки, и все спешили поговорить, отправляясь навсегда на чужбину. В Благовещенье мы причастили 800 человек, а в Вербное 1100. Я продолжал мерить 12 км своими ногами из Немоева в Остров, натер ногу, и она разболелась. «Не жалейте нас, ищите место и устраивайтесь» — заявил мне о. настоятель.

В начале июля я получил пригласительное письмо из с. Сумцы в 15 км от Немоева за подписями прих. совета и священника Феодора Ильинского — известного летуна, самодура и хулигана. Оказывается, церковное руководство, испробовав все средства, решило припугнуть его мною, к тому же, я не имел разрешения архиерея, а лишь это частное предложение. Ильинский не хотел подписывать прошение архиерею о моем назначении, но его уговорили, вернее заставили. Последовала резолюция: «Указ дать не могу, пока не пройдет паспортизация».

И Ильинский начал беспощадно издеваться. Кричал во время службы, умолял сельсовет не прописывать меня и т.д. Мне исполнился 21 год. Как допризывник я получил годовой паспорт, потом с принятием новой конституции отменили тыловую армию, а я получил свидетельство об освобождении от военной службы, указ архиерея об утверждении в должности и продолжал служить в Сумцах. А о. Федор

продолжал пьянствовать. Он связался по пьянке с грабителями, убившими и ограбившими двух богатых старух, и за соучастие в преступлении получил 5 лет лишения свободы, но еще до отъезда по предписанию властей был отозван и запрещен в священнослужении до дня Рождества Христова с изгнанием из епархии. На место его назначили прот. Василия Василькова, и с 8 ноября — дня престольного праздника — он стал служить в Сумце.

Батюшка этот — старинного закала, человек неплохой, добрый и благожелательный. Но супруга его — капризная, вечно ноющая, все ей было не так. И он стал подумывать о переходе. На нашу беду и на его счастье власть стала «завинчивать гайки» обычными способами: налогами, запугиванием служителей и членов двадцатки и заданием отремонтировать храм на баснословные суммы. Председателя двадцатки вызвали и угрозами заставили выйти из членов. Для избрания на его место разрешили собрание сроком на 1 час. Выбрали Параскеву, инокиню Вознесенского монастыря — девицу боевую, но бестолковую и малограмотную.

**Перед Пасхой 1936 года** явилась к нам из района комиссия по ремонту и назначила ремонт: поставить железную ограду в каменных столбах вокруг всей территории, четыре печки, выкопать противопожарный водоем, построить каменное хранилище для масла, сменить зараженные грибок балки, поставить 6 каменных контрфорсов, оштукатурить внутри весь храм. Всего на сумму 45 000 рублей — это для маленькой деревянной церкви! Срок выполнения — полтора месяца, иначе немедленное закрытие. В наши дни этому трудно поверить, но это было так. Поехали наши в область. Был тогда там секретарём обкома ВКП(б) А.А. Жданов. Им было сказано: «Начинайте ремонт и делайте в меру возможности, и вас не закроют».

О. Василий, получив назначение в Дмитриевую церковь г. Гдова, явился в 6 утра в самый Христов День в сельсовет и снялся с учета, хотя я его предупреждал, что во Гдов нужен пропуск. Он его не получил, сунулся в соседний с нами приход Марошавицы, в котором священника осудили на 5 лет, но там его арестовали и под конвоем отправили в районный НКВД.

Я остался во главе прихода: вел переписку с благочинным и епархией и руководил ремонтом. Но сельсовету это не понравилось и он начал срывать ремонт. Купили мы досок и повезли мимо сельсовета. Нас задержали и доски конфисковали, т.е. без всяких даже оснований — «не срывайте посевную кампанию». Моя Мария организовала старух, и ночью носили на себе тес. Наняли старика-плотника, и начался ремонт. Позднее наняли маляра, а пока шел наружный ремонт. Меня вызвал владыка Феодор и благословил совершать богослужение по чину бессвященнословия, т.е. без священника, на два дня: Вознесения и Свт. Николая. Я это исполнил, и в тот же вечер был вызван в сельсовет, но положил им на стол архиерейское предписание. Тем дело кончилось. Они поспорили, поглумились и отпустили. Потом владыка возобновил предписание, но уже больше не беспокоили.

Ремонт начался внутри, и я уже не мог служить, но сам руководил ремонтом и всеми делами за настоятеля. В августе приехала комиссия по ремонту и, как и надо было ждать, не приняла ремонт. Бабушки, тайком от меня, посоветовали председательнице двадцатки Паше «подмазать». Та купила за 10 рублей банку меда и вручила жене секретаря РИК Н. Киприной. Муж пришел с работы и велел немедленно заявить. Банку сдали в прокуратуру, а ей дали три года тюрьмы.

Осенью открыли храм. Дали священника Андрея Дорогого. Он бывший псаломщик Толбицкой церкви, семейный: жена и двое детей, пьяница!!! Но поп — он дороже диакона. Ему предоставили все условия и все внимание, а диаконом (мною) лишь «восхищались».

В октябре я прошел призыв, был освобожден «по чистой» и получил паспорт. Написал я в Горький Феофану, в Ленинград Алексею и во Владимир Феодору<sup>1</sup> о диаконских местах. Ленинград и Горький ответили отказом, а Феодор ответил: «Мест много, но я опасаясь, что Вы не попра-

---

<sup>1</sup> В 1936 году Феофан (Туляков), митрополит Горьковский; Алексий (Симанский) — будущий патриарх, а в то время митрополит Ленинградский, Феодор (Яцковский / Яковцевский) — архиепископ Владимирский. (ред.)

витель по зрению, народ здесь очень капризный». В конце декабря я все же получил назначение и уехал во Владимир. Там я был назначен в пос. Мстера, где было два священника и два хороших хора. Но шла борьба: старостихе не нравился прот. Иоанн Бакин. Вскоре второй священник отец Григорий Рожнов умер. Летом прислали пожилого протоиерея Степанова своенравного и деспотичного, выпускника педагогической семинарии. И сложилось у меня желание уйти за штат.

**Шел 1937-й год.** Началась кампания пресловутой ежовщины. В печати усилилась пропаганда против религии. Начитавшись в Житиях Святых, как в темницах сидели и пели и молились, я с радостью ждал, когда придут и за мной. А у нас в церкви дела были худые. В десяти километрах от Мстеры в с. Станки служил архимандрит Мелхиседек, там же жили его духовные чада. Оттуда шел шепот, что одно из чад, монашка Ксения, на самом деле дочь Николая II — Анастасия. Этой басне поверили наши церковные заправилы и стали их материально поддерживать. Станковские монашки баснословили, что вся царская семья жива, и живет тайно где-то.

Между тем гонения усиливались. Наркомфин отменил льготный циркуляр № 68. Увеличили подоходный налог. Ксения была больна туберкулезом и весной умерла. Вообразив, что с мертвого «взятки гладки», станковские «затрубили» во все трубы: они устроили ей «парадные» похороны при большом стечении народа. Это было в день Радоницы. Из нашего духовенства на похоронах никого не было. Был председатель ревизионной комиссии Давыдов, он же заправлял похоронами. И фотокарточки похорон распространяли. Через несколько дней в районной газете появилась большая статья с подробным описанием всей деятельности. После этого в августе забрали станковских, а в сентябре нашего настоятеля Бакина и единоверческого Иоанна.

Пришла и наша очередь. Утром 2 ноября 1937 г. во время Литургии пришла на клирос моя Мария и велела нам петь на запричастный «Кому Возопию», а затем сообщила, что за мной приходили из НКВД. Кончили мы службу, пришли домой, и сразу же явились они самые. Предъявили ордер и сделали обыск. Взяли, кроме документов, три книги:

Лечебник старого издания и две книги журналов «Сообщения Императорского Палестинского Общества». Их настояжливало слово «императорского». Взяли протокол экзаменационной комиссии, «Ставленнический допрос» и два фото Афона (их незадолго до этого нашел на дворе в сумке бумаг в уборной). Затем предложили сесть поесть и после повели к сельсовету. Там уже были собраны прочие наши: старостиха Ираида, певчие матери, Щадрин, сторож Павел Рачков. И повезли нас в Вязники. Там мы были два дня.

Первым вызвали Павла. Он плел им там, что только мог, и его за это отпустили. Нам всем пришили Станковское дело, а Степанову — ещё и поминки, где он ораторствовал на политическую тему. 4 ноября нас отвели в тюрьму. 12 ноября собрали этап в Иванов. Там нас направили в тюрьму № 1, а 30 декабря перегнали во вторую тюрьму. Там и я и Щадрин попали в 21-ю камеру. Рассчитана она на 90, а было 320. Спали сидя. На нарах лежали блатные и бандиты, а мы под нарами и на проходах. Блатные творили, что хотели: отнимали все, что понравится. Передачи разрывали на ходу. Слабые и больные задыхались, и только в конце месяца как-то проскользнула и попала в руки начальства от кого-то записка. Явилось начальство, и учинило расправу. Выгнали всех в коридор, отобрали награбленное. Заправил увели, а нас разогнали по другим камерам. Я попал в 23-ю: она была в три раза меньше и свободнее.

В конце января нас отобрали только 58 и перевели в 30-ю камеру. Началась эпидемия брюшного тифа, наложили карантин и эпидемию погасили. Еще при переводе из одной тюрьмы в другую нам объявили сроки: все мы были осуждены Специальной «тройкой» НКВД еще в ноябре 1937 года на 10 лет каждый; только одному у нас Маркелову дали почему-то 8 лет.

**В апреле 1938-го** нас по железной дороге этапировали в Кинешемскую тюрьму. Там мы все ожили. Камеры большие, питание лучше. Постоянно проходили по камерам начальники, врачи, прокурор. Начался ремонт: здание монастырского корпуса переделывали и соединяли с красным кирпичным следственным корпусом. Нас поместили под раскинутой на дворе палаткой. Воздуху — дыши, сколько хочешь: прогулки нам не было. По вечерам

ходили по 20 человек на кухню чистить картошку. За это нам давали остатки супа, самую гущу, два банных таза — 10 литров на всех. В июле понадобился мастер делать швабры из распущенной мочалки. Здесь пригодилось мое щеточное «искусство», и я ежедневно ходил в кубовую и ввязал их вплоть до этапа в колонию № 18.

Так окончилось мое тюремное восьмимесячное заключение. Я шел в тюрьму с радостью. Так измучила меня муштра пузатых попов. Я знал, что тюрьма есть тюрьма, но тюремщик за это и зарплату получает. Попавши в 21-ю камеру, я узнал, какой в тюрьме рай. Нет, не псалмы и молитвы я услышал там, а сквернословие такое, какого не слышал сроду, хотя слышал деревенский мат, но это не мат...

К вечеру 2 августа 1938 г. нас собрали к этапу в долгожданную Михайловскую колонию; вечером погнали на пристань в город Кинешму и погрузили на баржу. Там мы переночевали. Во второй половине дня нас пригнали к воротам Юрьевецкой инвалидной исправительной трудовой колонии (ЮРИТК). Войдя в ее ворота, я сразу ощутил этот «рай». Уголовники и т. н. «бытовики» — растратчики, хулиганы и др. встретили нас насмешками и издевательствами. Начальство, исполняя директиву, всячески настраивало их против нас. Мы были лишены всех прав. Нас поместили в карантинный барак. Там были три цыгана. Явился комендант, снял радиорепродуктор и строго приказал трем цыганам: «Никаких связей, никаких разговоров с врагами народа». Никакой культмассовой работы, ни газет, ни книг. «Свиданка» в 3 месяца раз. В месяц одно письмо, но это только выполняющим норму.

Распределили нас на работы. Я попал на крутку ниток. Колония изготавливала рукавицы для всех лагерей СССР. Материал — обрывки основ с ткацких фабрик, льняной очес. Здесь я проработал два года, потом в ткацком цехе на зарядке челноков, затем в прядильном на прялке. Через месяц нас, как не выполняющих норму, лишили права передач, посылок и свиданий. Впоследствии я освоил работу и был ударником и стахановцем, как и многие из нас. К зиме нас поместили в большой барак. Нас собралось 510 человек. Больные и некоторые старики были на тюремном пайке и работали только добровольно, а мы — что заработаем. Сре-

ди нас в бараке было 93 священника и 6 диаконов, ну а прочие — всякие церковные, коммунисты и узбеки.

**В начале 1939 года** сняли Ежова, и с ним кончилась ежовщина. Мы постепенно были уравнены во всех правах. Улучшили питание. Организовали хоровой, струнный и драматический кружки, разрешили читать художественную литературу, участвовать во всех собраниях. Сняли и осудили на разные сроки за преступления начальника колонии Малова, помощника его Данилова как лютого врага по ст. 58, и начальника медсанчасти Тешкурову: упустили в Волгу весь заготовленный лес, скрывали сыпной тиф, воровали государственные средства и издевались над заключенными. Я не обижаюсь на Данилова и его свиту: ведь они — тюремщики, но и сами арестанты — «хвалить — погодить». Многие из них, как обрили и раздели их, показали свое грязное нутро: злорадия, зависть, черствость. И все они — православно-верующие пастыри Церкви — пели, и кто умел, плясал, сквернословили. Все мы вели себя сугубо по-мирски — да иначе и нельзя было.

Те же из нас, кто впал в уныние, и охал-ахал «за что — за что», быстро впадал в тихое помешательство и погибал. Такими были Солодов, Радостин, Кузнецов и наша старостиха Ираида. Которая, надо сказать, с первых же дней завела ухажера-рецидивиста в должности браковщика, а потом помешалась. Щадрин наш умер еще в Кинешемской тюрьме таким же образом. Давыдов Григорий попал в дальние лагеря и после войны вышел на свободу позднее меня.

С изменением режима жизнь пошла легче, и многие стали злоупотреблять: завели друзей и подруг — кто ради блуда, а кто в целях дружбы чистой. Такая дружба не запрещалась, однако и не поощрялась, преследовался только блуд. Связь мужчин с женщинами была запрещена. Даже разговаривать можно было только на работе и в выходные дни. Под конец всё это стало проще. В таком положении нас застал июль 1941 года.

**Началась Отечественная война.** Всё вдруг изменилось. Запретили передачи, свидания и посылки, отключили радио. Начался голод, эпидемии, массовая смертность. Еще в 40-м году дизентерия, а позднее сыпняк и, наконец, цинга и пеллагра (авитаминоз). Иные пили кипяток по 5–8 кру-

жек и от этого гибли. Летом следующего года выехала комиссия, стали давать скидку нормы — кому 25%, кому 50%, а кому 4-ю категорию, т.е. полное освобождение от всех работ и тюремный паек. Для лучших работников создали ОПП (оздоровительный профилактический пункт). Я лично побывал в нем дважды, а под конец получил 4-ю группу. Работал добровольно, ибо паек снизили до 250 грамм хлеба, а с воли помощи в эти дни не было: голодали все. В этот же год разрешили передачи.

Моя Мария после моего ареста поступила в инвалидную швейную артель и, пока не началась война, ежемесячно посылала мне посылки и раз в году приезжала сама. Во время войны билетов на поезда не давали. Маня два раза ходила пешком 240 км, 10 февраля и в июне. Зимой две недели шла с дровянками (санками): везла трёхпудовый мешок, полный разных продуктов, а сама питалась подаванием.

К концу 1942 года нас осталось из 500-ки только 127 человек. Нас перевели в меньший барак на 2-й этаж. Там во время генеральной уборки я вынес 40 коромысел воды и повредил себе спину. Начальник медсанчасти меня за это выругала матом и назначила на прогревание.

**В начале 1943 года** нас этапировали в Ковров, а на наше место пригнали пленных. В марте нас выгнали вычерпывать воду из подвала столовой. Я упал и попал в больницу, и там пролежал 50 дней. Люди мёрли как мухи. Принимающий меня врач сказал: «Наше лечение теперь пайка и койка. Лежите, Вас здесь тревожить никто не будет, — и спросил, — Вы в Бога веруете?» Я ответил: «Да, верую». «Вот для Вас самое лучшее лекарство — молитесь: Он Вам всегда поможет». Врач был из крещеных евреев. Он многим спас жизнь: он подкармливал тех, кто подавал надежду на выздоровление, за счет остатков от умерших. К концу срока я стал поправляться и окреп. Диагноз: цинга и пеллагра 2-й степени. На последнем осмотре врач открыл папку моей истории болезни и вынул из нее желтый бланк: «Читай, вот что лежало в твоей истории». «А что это, Борис Васильевич?» — спросил я. «А это, примерно, что Вы покойничкам даете, когда на тот свет провожаете». Я взял очки и прочитал: «Медицинский акт на смерть заключенного».

Надо заметить, что в последние годы нашего заключения не только мы, верующие, но и многие из незнающих ничего о Боге, обратились к молитве. Вот сидим за работой, и каждый молится втайне, или тихонько поет молитву «Къ комѸ козопїи» и прочее, и за это не стали преследовать.

Из больницы я вышел и пошел работать в прядильный цех. Началось лето. Теперь я от дома был в 50 километрах. Маня моя ездила ко мне через две недели с передачей: свиданий нам не давали — не выполнял нормы. Начали комиссовать на досрочное освобождение. Меня вызывали три раза еще в Юрьеве, но отказывали: «Молодой дьякон». В сентябре 1943 года выехала из области комиссия. Началась массовая активировка таких, как я, отказников. Вызвал сам начальник генерал Герасимов. Пожилой, вся грудь в орденах и медалях. Меня освободили. На другой день вызвали в УРЧ и выдали обходной лист. Бумаги были датированы 30 сентября. В финчасти выдали 43 руб. 98 коп. и продовольствие: хлеб 1,800 г, сахар 100 г — это на трое суток.

Утром 1 октября вызвали снова и положили на стол личное дело. Открыли последний лист: «Распишитесь вот здесь». Я расписался и посмотрел на графу «подпись освобождаемого». Брызнули у меня слезы. «Что горюешь? Ведь домой идешь!» Я не смог ему ответить, да и сейчас не могу объяснить эти слезы. Мне выдали документы и велели идти к проходной. Там уже стояло начальство и толпились освобождаемые. На пригорке сзади стоял комендант территории и управлял освобождением, а за ним почти вся колония, ожидающих очереди. Отсчитали 70 человек. Команда сверху: «Построить людей». Построили 35 пар. Лейтенант: «Пропускай!». Привратник приказал взять на левое плечо вещи, на правой вытянутой руке держать развернутую справку. И когда открыли калитку, направляющие вышли «шагом марш». Порог калитки был высокий, и первая пара споткнулась. Их напутствовал он матом и отшвырнул вперед. Среди нас были и мужчины и женщины. Те сгруппировались идти на станцию Новки 10 км, а мы в Ковров 7 км. Я вышел, кинул на землю мешок и, повернувшись к востоку, прочитал пришедшую на мысль молитву. Это был Кондак 7-го гласа «Не ктомѸ держакл». Повернувшись назад, ли-

цом к стоявшим за воротами, я произнес последние слова: «Йзыдигте, в'кринь вх кокк'рессинье».

В это время ко мне подбежал один из наших мужчин Малек Богоудинов, казанский (чистопольский) татарин. Он был из нашего барака, но из другой колонии. Срок имел 5 лет, но отбыл года три. «О, Николаев, ты Богу молишься? Молодец. Я уж помолился. Давай, пошли». И пошли мы за кучкой наших мужчин, но стали отставать от них. И сказал спутнику: «Малек, ты уж не оставляй меня». «Нет-нет» — ответил Малек и перевел мне татарскую поговорку: «Вместе радоваться, вместе страдать и умирать». И мы пошли тихим шагом. Он всю дорогу веселился. Прыгал, визжал, ловил свою шапку. К концу оба мы утомились, особенно я. Хотел, было, я посидеть, но он: «Нет, иначе сядешь — не встанешь», и мы дошли до Коврова.

На вокзале я купил белую домашнюю лепешку и съел ее. Мой спутник, Малек Богоудинов, остался ждать своего поезда, а я сел на пятичасовой поезд и поехал к дому. Поезд прибыл на ст. Мстера в 6.30 вечера. До дома три часа ходьбы. На станции я встретил соседа Халезова и с ним пошли. Я шел с трудом, но старался не отставать от него. Так пришли мы в поселок и остановились у его дома. Он провел меня нашим переулком, указал дом и пошел домой, было около 10 часов вечера. Я взошел на крыльцо и постучал в дверь. Голос мой едва звучал. Маня меня не сразу узнала, а потом... слезы радости и прочее. Войдя в избушку, я искал в святом углу акафист Матери Божией, но там лежал неполный трепаный требник малый в двух частях. Я стал на колени и стал читать икосы заветного акафиста Благовещенья: икосы, которые я помнил. Утром 1 октября нового ст. (17 стар.ст.) Маня послала сообщить маме моей о моем возвращении.

Перед войной мама моя ушла на инвалидную пенсию по 2-й группе с ежегодным переосвидетельствованием. Жила она за четыре дома от нашего, и просила Маню помочь: с ее астмой ей стало трудно принести ведро воды с колонки. Мария предложила ей перебраться к ней и сообщила об этом мне в колонию. Зная воспитание и характеры обеих, я написал: «Этого ни в коем случае не надо делать». Но Маня не послушалась и взяла ее к себе. Мама приехала за 2 недели

до начала войны со всем своим «имуществом». С началом войны ввели карточки на хлеб и все начали менять на сельхозпродукты свое барахло, у кого оно было. Моя мамаша увидела, что у нас кое-что есть, и решила повторить то, что они с бабушкой сделали в 20-е годы. «Маня! Меняй все: я не могу жить на 700 г». Но Маня ответила по-крестьянски: «Хорошо тратить, когда урожай зреет». И мама ушла.

Она пошла побираться по окрестным деревням, прилепилась к одной солдатке, вдове д. Гавриха, и домовничала там до зимы. Заболела чесоткой и явилась домой. Маня ее приняла, вылечила от чесотки и та, разругавшись, снова ушла «странствовать». Приходила иногда к нам получить свои «пенсионные» 59 р., поругаться и снова в путь... Устроилась было в больницу в детское отделение нянчить больных детишек. Их родители ее кормили, но и оттуда вскоре выгнали за сплетни и доносы начальству.

«Путешествуя» по поселку, познакомилась она с одной старушкой. У ее племянницы родился мальчик, и нужна была няня. Семья эта жила в г. Владимире и жила сыто. Муж — директор маслозавода, а жена — зав. военторга. Мама воспитывала и растила этого ребенка до 3-х лет. За это время она успела развести супругов. Хозяйка уволилась и устроилась в Москве. Взяла было к себе маму, но Юрочка подрос, стал ходить в садик, и мама стала не нужна. Она вернулась во Владимир к оставшимся там старикам, но ее не взяли, а устроили в инвалидный дом — её «идеал», о котором она мечтала всю жизнь.

Ко времени моего освобождения мама «домовничала» у одной хозяйки в Мстере на Нижней улице. Мама явилась и встретила меня с холодком. Я сразу почувствовал свое детство с его семейными дразгами. Отношения в доме натянутые. И я задумался: нужна ли мне такая, с позволения сказать, «свобода». И началось снова мое «золотое» детство... На второй день в воскресенье моя Мария устроила «пир»: зарезала петуха-цыпленка, наварила мясного супу, жаркое — тушеная картошка. Пришла мама и осталась ночевать. А потом снова ушла.

Оформив документы и получив паспорт и свидетельство об освобождении от военной службы, я начал «новую жизнь»: сидел в тепле, ел хлеб по норме, а прочее, ел досы-

та. Маня ездила в лес на салазках за дровами, а я набирался сил. В праздники правили службы вдвоем по книгам, которые у нас были. Вечерами сидели с коптилкой, которая состояла из чернильного пузырька с керосином и жестяной светильни с фитилем из ваты; керосин давали изредка. С таким светом Маня работала: пряла шерсть и вязала по заказам носки, варежки, свитера и шали. Платили продуктами. Деньги были дешевы: стакан песку — 40 руб.; буханка хлеба в 2 кг — 200 руб. Лампу зажигали только в Святую Ночь.

Пришла весна. Я немного окреп и стал выбираться на волю пасти коз: их у нас было три, а с козлятами 7–8. Были и куры, и поросенок и Мурка. Лето трудились на участке в 8 соток и заготавливали дикорастущие дары природы: траву, грибы, веники для коз и др. Жили по тогдашнему времени сыто, но беспокойно. Паспорт мне выдали пятилетний с ограниченным местом жительства, а военный билет — на один месяц; не было глазного врача. Я боялся привыкать к обстановке домашней, чтобы легче было бы вынести разлучение, к тому же и само-то освобождение было досрочное.

Мама жила в Мстере по людям, а прописана была у нас. Навещала нас иногда, когда выдавали пенсию, и всегда устраивала скандалы. Пыталась развести нас, но я сказал твердо и решительно: «Этому не бывать». Так было до тех пор, пока она не устроилась в няньки во Владимире.

**Пришла зима 1944 года.** Я осмелился и поехал в лес. Сперва возил сушняк, а потом по 12 штук жердочек. 21 декабря по ст. стилю мы отметили мое 30-летие «сытым» обедом и благодарственным молебном. Оба непроизвольно плакали. Решили положить конец слезам «на все времена». Но в мире так не бывает...

В эти дни нас много поддерживали близкие добрые люди. Прежде всего, это были Зинаида и Анна, инокини одного единоверческого монастыря. Они были сестрами по монастырю, но из разных городов. Там они сблизились по характеру и стали родными на всю жизнь. Познакомились мы с ними еще в 1937 году. Они имели домик в Мстере. Руководили хором в своей церкви и часто бывали у нас. Они как-то пришлись нам по душе, особенно мне. Они напомнили мне моих воспитательниц, ивановских и рижских матушек. В дни моего заключения они принимали участие во

всех почти посылок и передачах, которые посылала мне моя Мария. В сороковые годы они жили уже в г. Вязниках и так же много нас поддерживали и духовно и материально. Через них правильно осмыслил старообрядчество и полюбил его. Сближение с этими инокинями послужило тому, что я полюбил знаменный распев.

**Летом 1945 года** я путешествовал в пос. Холуй исповедаться и причаститься. Был там настоятелем о. Леонид Харламов, осуждённый впоследствии в связи с реформой 1948 года. Я служил там две службы.

**В конце 1945 г.** открыли храм в Мстере. Храм — один из трех храмов, уцелевший после революции. Маня моя была на освящении его. Сам я ходил в воскресные и праздничные дни, стоял с молящимися и пел с ними «Вѣкꙋ» и «Сѣ нѣши» тихим тенорком. После колонии своим баритоном я петь не мог: не хватало духу. Меня заметили и стали звать на клирос, но я отказался: боялся опять туда попасть. Священника нам дали о. Иоанна Глазкова. Служил в п. Шустове (ст. Крестниково)<sup>1</sup>. Диакон В. Добродеев, недавно вернувшийся из ссылки, служил баском. Образование низшее духовное. Служил хорошо. Храм нам дали зимний Богородицкий, уцелевший до 1937 года. В главном храме Богоявления был музей, а в храме Свт. Иоанна Милостивого — клуб. Единоверческий храм не восстановили, т.о. приход наш состоял из трёх приходов. Пели два хора: правый и левый.

**2-го февраля следующего, 1946 года** к нам торжественно влились единоверцы со своим хором. Архиерей благословил им петь по никоновским книгам и знаменным распевом. Нашего напева они не знали: приносили с собой крюковые книги, а там текст старый, и получалось то и другое. С первых же дней начались нелады и борьба двух общин. У них были люди богатые, денежные, и большую половину двадцатки составляли единоверцы. Глазковым прихожане были недовольны: его прошлым и поведением в настоящее время. Немало было и желающих в старосты: мстерский народ — торговый. И посыпались к архиерею письма со всех сторон. Епископ Онисим Владимирский<sup>2</sup> — природный дипломат,

---

<sup>1</sup> Потом он отрекся через газету и стал бригадиром в колхозе.

<sup>2</sup> Онисим (Фестинатов), архиепископ Владимирский (ред.)

отписывался помалу, а то посылал их прямо к старостихе А.Т. Овчинниковой. Хватало там всего: судебное дело, следствие благочинного и проч. Сам я старался держать сторону примирения, ибо сознавал их положение: каждый был по своему прав, и всех их было жаль.

Весной старостиха не поладила с регентом правого хора Чиркиным, и тот ушел. На эту должность стали звать меня. Я согласился при условии: никаких оформлений — был напуган, ведь власть-то та же. Дали мне хор грамотный 12 человек: трое мужчин и девять женщин, а нот — ни одной строчки. Грамотный музыкально певец без нот никуда. Пели простое, что помнили, но с этого толку мало. И решил я сам делать ноты. Была у меня небогатая скрипка: наигрывал вещи, что помнил, и с грифа скрипки переносил на бумагу. Кое-что получилось, и мои певчие ожили. Позднее я познакомился с регентом Ковровского собора священником А. Вигелянским и ездил к нему списывать, что было по силам моему хору. Певцы мои меня полюбили и охотно пели под моим руководством.

Хор наш был любительский: нам изредка «подкидывали» и мне тоже. После реформы 1948 года положили мне зарплату 400 рублей в месяц. Прошел первый год, и меня, как и надо было ожидать, обложили подоходным налогом, и моя Мария не знала, как быть: очень не любила она налоги, но никуда не уйдешь. Мы продолжали помалу петь. Мария моя пряла шерсть, вязала носки и варежки. С певчих она не брала ни копейки. «Славьте Господа», — говорила она. И все мы вообще жили одной дружной семьей. Не было у нас ни заочных пересуд, ни соперничества. Что же касается меня лично, то должен сказать, что никогда не пользовался таким теплым отношением к себе, как в те дни. Певчие любили меня искренне. А единственное, что разделяло нас, — это их алчность к деньгам. В былые годы Церковь певчим не платила: была тогда певческая кружка, и по мере наполнения до отказа ее делили на всех. В наши дни это дело пахло подоходным налогом, я устал уже от этой «прелести» за время моего служения, и поэтому считал вполне достаточным то, что мы получали к праздникам. 9-го декабря 1949 года я поскользнулся и упал неудачно: сломал себе правую руку и 6 недель управлял хором левой.

Заболел и умер отец диакон Добродеев, и стали ежегодно меняться у нас диакона: Сокольский, Орешин, и в конце 1949 года прислали диакона Вениамина Румянцева. Вновь посвященный диакон Румянцев 1913 г.р., родом из Гороховецкого района, 8 лет прослужил в армии. Голос — баритон. Служил тихо по-монастырски, но сам был женат. Жена, Елена Ивановна Третьякова, родом из Нижнего Новгорода, была певчей с сильным дискантом. Мы подружились с ними и остались друзьями до их кончины. Оба они умерли недавно. Дружба наша не понравилась Глазкову, и он заметно изменился в отношении ко мне.

Я стал особенно серьезно подумывать о цели своей жизни — священстве. Мне понравилось положение отца Алексея, ковровского священника-регента, и я высказал это своему о. Иоанну. Тот предложил совместить диаконство с регентством, но я отказался: не получится ни того ни другого. Князь тьмы не дремал. Нашлись люди, «пламенно» желающие стать поближе к деньгам. Составили жалобу на старосту А.Т. Овчинникову и стали собирать подписи. «Урожай» у них, видимо, плохой получился. Тогда они соблазнили моих певчих, пообещали им «золотые горы» и те, сдуру, подписали бумагу. Архиепископ Онисим, как обычно в подобных случаях, послал ее к старостихе. И вот тут-то и началось... Поступок моих певчих был — вероломство. Это совершилось сразу после пасхального концерта — поздравления и угощения в доме старосты. В ответ на ее негодование и строгое обличение мои «солисты» хохотали: «Так, так ее (старосту)! Поворovali Овчинниковы, пусть другие поживут».

Дело это от меня было скрыто, поэтому я поехал в епархию выяснять. Выяснив всё, я понял, что продолжать службу в таких условиях невозможно. Высказал владыке и свое желание священства. Тот меня выслушал «внимательно»: обещал «подумать», согласовать это с уполномоченным ПДРПЦ, а пока предложил перевод в г. Вязники в собор псаломщиком. И я поехал на «разведку» в г. Вязники. Воздвиженский храм на кладбище в г. Вязники был единственным в городе. Доходы, конечно, громадные, а «где мед, там и мухи»: борьба отдельных групп, скандалы, постоянные доносы в епархию. Настоятели менялись почти

ежегодно. Должность диакона занимал Борис Морозов, нерусский, бывший обновленческий иеромонах «самопострига»: в 30 лет объявил себя старцем и постригся в монашество. Экстрасенс, гипнотизер: что понравится ему — сам отдашь. Его уволили, но он продолжал самовольно действовать. Настоятель — обновленец протоиерей Вениамин Дашкеев, бывший архиерейский певчий с высоким, красивым тенором. Пожилой, но самодур. Второй священник — Петр Кедров. Москвич, с семинарским образованием, семейный. Причт состоял на доходе. В храме было два больших хора. Службы ежедневно.

**В мае 1950 года** накануне Св. Иоанна Богослова ко мне явились представители церковного совета Вязниковского храма с приглашением к ним меня на должность диакона. 8 и 9 мая мы с отцом Вениамином Румянцевым отслужили в Вязниковском храме две пробных службы: нашлось место и для о. Вениамина и для меня. Условия: 800 руб. оклад плюс 100 от причта мне, а он на доходе причтовом. Мы доложили письменно Владыке и вскоре получили назначения: он диаконом, а я псаломщиком и руководителем левого хора. Глазков рассчитал меня облигациями займа, и мы оба оставили Мстеру. В свой дом мы пустили квартирантов — бесплатно, с условием беречь дом.

Служба в храме — уставная: утренняя, часы, Литургия; вечером девятый час, вечерня и повечерие. После обедни около первого часа дня — на требы по приходу: город и окрестные деревни. Я с о. Петром, а Вениамин с о. Вениамином до вечера. В Мстере я «нажил» катар гортани: певчие меняются, а я один, здесь болезнь продолжалась. В начале осени архиерей убрал Дашкеева, а к нам назначил из Гороховца прот. Сергия Нефедова. Это пожилой священник, получивший семинарское образование, семейный, друг о. Петра. Ко мне он относился хорошо. Служить было тяжело: постоянно скандалы, жалобы одного на другого. Попытался я снова поднять вопрос о священстве. О. Сергей пообещал содействовать, и на этом кончилось.

Новый настоятель о. Петр по инициативе Нефедова уволил регента правого хора и пригласил знаменитого Додонова. Я освоился на левом, и стали мы тоже делать спевки и разучивать песнопения на раннюю Литургию. Зимой,

в неделю 31-ю (слепец Иерихонский), вызвали меня в кафедральный собор во Владимир «на пробу», после чего я получил право диаконствовать по изволению настоятеля, и в Сретение служил раннюю обедню. Между тем нелады в храме не унимались. Дошло дело и до о. Сергия. Его обвинили в пролитии Св. Даров, которого на самом деле не было. Старик не вынес этой наглой клеветы. Вскоре заболел «жабой» — сердечной астмой. 6 мая 1950 года во время приступа вызвали врача Кривошеева. Тот начал кипятить шприц, а о. Сергей скончался. После похорон я взял отпуск и решил побывать на Псковщине.

15 (22) мая я вступил на Родную Землю, где не был уже 15 лет. Вышел я из вагона и направился пешком в собор. Он ясно был виден на фоне развалин. Там по общей минее правили службу Преподобным Спасо-Елеазаровским, которым Господь меня сподобил через шесть месяцев начать многолетнюю свою службу вблизи св. обители их. В храме встретил я старого друга диакона П. Белкина. Он меня наставил на путь: рассказал, кто из знакомых где живет. Затем я впервые побывал в Печорах и в Острове.

В ЖМП читал я об открытии Заочного Сектора для священнослужителей в Ленинградской Академии и поехал туда. Там я побывал у племянницы моей Марии и в Духовной Академии в храме. Это была неделя о Самаряныне. Отец Иоанн наш (Спиридоныч) служил и проповедь говорил. Спросил он, большой ли у меня приход, и я ему рассказал. «Так когда же тебе учиться при таких условиях? Переходи в нашу епархию, дадут тебе «тихий» приход и ты будешь спокойно учиться»<sup>1</sup>. С этой мыслью я возвратился в Псков, был у благочинного и поделился с ним этой идеей. Он вполне согласился и рекомендовал мне Толбицкий приход.

С этого момента началась моя «Толбицкая жизнь». Получив согласие своего архиерея, я написал прошение митрополиту Григорию и тот запросил Владимир. Началась у нас переписка с о. Владимиром Благовещенским. Дело тянулось все лето и осень. Причина была в том, что владыка Онисим по просьбе моего настоятеля о. Петра Кедрова не спе-

---

<sup>1</sup> В описываемое время Псковская епархия управлялась Ленинградским митрополитом Григорием (Чуковым).

шил высылать личное дело в Ленинград, чтобы подольше удержать меня, выгодного клирика. Когда это стало известно Митрополиту Григорию, тот принял меры. Дело было послано, и я получил назначение и вызов на рукоположение в сан священника.

Мы с Марией моей в **октябре 1951 года** прибыли в Печерский монастырь. Рукоположение было поручено совершить бывшему там на покое владыке Гавриилу<sup>1</sup>. Его я увидел на территории монастыря, но ему не понравилась моя личность. Он позвонил Ленинградскому митрополиту Григорию и сообщил, что посланный ставленник «почти слепой», и хиротонию мою отменили. В 10 часов вечера меня вызвали к наместнику Пимену<sup>2</sup> и «рекомендовали» ехать самому в Ленинград. Я разбудил Маню, ночевавшую у знакомых, и пошли мы с ней темной осенней ночью по лесу на вокзал, три километра. Я оставил Маню у своего двоюродного брата в Пскове, а сам поехал. Была суббота, день неприемный, но я заявил, что по вызову, и меня представили митрополиту. Владыка сам меня проэкзаменовал: дал 3 вопроса: Евангелие в Неделю пятую по Пасхе (о слепом), место из книги Судей и место из послания к Римлянам. «Завтра я Вас посвящу сам в священника» — сказал он мне и велел готовить меня и готовиться самому.

15 октября (28) я был исповедован прот. Фруктовским и рукоположен Владыкой Григорием. Подводили к престолу прот. Евгений Лукин и протодиакон Симеон. Я начал практику. Мне было велено: вечером в тот день стоять и смотреть, как совершает службу чередной; в понедельник смотреть, как совершают Литургию; вечером служить самому вечерню, утром Литургию раннюю и на следующий день позднюю, а затем явиться к владыке. Рапорт ключаря свящ. Наумова уж был там.

Увидев меня, Владыка задал мне вопрос: «В чем же состоит Ваша слепота? Ходите без поводырей, читаете правильно, служите нормально». «У меня близорукость» — от-

---

<sup>1</sup> Епископ Гавриил (Абалымов) находился на покое в монастыре с лета 1949 года (ред.)

<sup>2</sup> Пимен (Извеков), в описываемое время — архимандрит, управлял обителью с декабря 1949 года.

ветил я. — «Так Вам же не стрелять?» — «Я не узнаю людей по лицам». — «Это хорошо: лучше пусть они Вас узнают. Идите, приход Вам дан неплохой, но запущенный. Возраст и силы есть, и Вы его направите. Поучайте, расскажите мужику то, чего он не знает, и объясните, чего он не понимает, и он Вас полюбит». «Как Вы знакомы с отчетностью?» — спросил Владыка. Я ответил, что полный невежда. «Спуститесь вниз в бухгалтерию, найдите там счетовода Чукова, он с Вами займется». Сам взял трубку и предупредил Чукова. Дали мне все бланки, и я отправился в Псков.

В Псков я приехал в Димитриевскую субботу 21 октября ст. стилия. Помог в Казанском храме Пскова им поминанья почитать, а вечером всенощное в Казанском служить был должен преосвященный Гавриил, что меня в Ленинград прогнал. Вышли мы его встречать. Увидев меня с Крестом иерейским на груди, он немного смутился, спросил, не обижаюсь я на него. Я ответил, что наоборот, я счастлив: рукоположиться от самого владыки митрополита. Литургию я сослужил владыке в числе прочего духовенства. Он рукополагал в сан диакона Грязнова для Казанского храма. На другой день я приехал автобусом в М. Толбицу, явился к старосте Федору Димитриевичу Лизунову и начал знакомиться с приходом.

В те времена в день 7-го ноября служили молебен «о властях и мире», кто как умеет. Отслужил его и я. Собрались немного народа, посмотреть нового батюшку. Сказал я им краткое слово. Первую Божественную Литургию совершил в ближайшее воскресенье, оно в тот год совпало с праздником Прп. Анастасии Римляныни — местным праздником четырех деревень, и сказал свое первое слово. Это очень понравилось прихожанам. Раньше они живого слова за богослужением не слышали, если не считать пасхального Слова: «ѿгорчѣа, ꙗко оупразднѣа», да перевода на русский прочитанного Евангелия. Лично я тоже не проповедник, но, что умею, говорю: все лучше того, чем «нет ничего». После этой службы я уехал в Вязники за «семьей» (женой) и «скарбом», и приехал только ко дню Вхождения во Храм Царицы Небесной. Служба прошла торжественно. Пели два хора — свой и верхолинский.

И вот, начались дни моего служения в толбицком храме Св. Духа. Храм построен в XX веке и освящен архиепископом Псковским Евсеем 1916–1919 гг.<sup>1</sup> 1951 г. — время послевоенной разрухи. Принял храм я в плачевном состоянии: одно облачение (фелонь, епитрахиль и поручи), 5 богослужебных книг, потир металлический, а прочие сосуды — дискос деревооткарной работы, лжица медная, чаша медная (не чищена со дня ее начала). В течение 5-ти лет у них побывало 5 священников, притом самых худших: один — пьяница, другой — бывший обновленческий архиерей, на исправление послан после покаяния, третий — изгнанный из монастыря непослушный монах, четвертый — самозванец без хиротонии, а пятый послужил немного да убежал.

Народ сам по себе неплохой. Крестьяне, но не природные. Когда-то здесь была территория питерского воспитательного дома, и женщины промышляли своим грудным молоком: брали за плату на воспитание новорожденных. Мужики зимой уходили на заработки. Дети вырастали, женились и оставались здесь. В духовном смысле очень большое влияние имел Спасо-Елеазаровский монастырь. Но все это было 20 лет назад, а мне остались старички и бабушки, которые в храм ходить любили. Со свежими силами я взялся за реформы и порядок. Поставил причт на зарплату; ввел богослужения в Великом посту. Мария моя взялась за уборку храма. Сшили черное постовое облачение. Я приехал из Владимирской епархии, из городского храма, да и сам любил смолоду порядок. Здесь же было все распатано до ужаса.

Служили кое-как, по принципу «хоть не тое, да святое»: престол не освящен, служили на водке, подкрашенной клюквой, гласов никаких не соблюдали. Псаломщик, он же сторож, полуграмотный местный мужик, который мечтал стать «попом» и считал себя подвижником. В 30-е годы основал и стал собирать двадцатку. С прихожанами не ладил, служил кое-как и никого ни во что... По жалобе прихожан его сняли с должности, и он переехал на о. Залит к жене своей Александре. Место его заняла Елизавета Читалина, бывшая инокиня Нежадовского монастыря.

---

<sup>1</sup> Евсеев 1-й (Гроздов) епископствовал в Пскове с 1912–1919 гг., эмигрировал с белыми на запад (авт.)

**1951–1953 годы.** Приняв сан — исполнение заветной своей мечты, получив сразу настоятельство прихода, я впервые почувствовал себя человеком в полном смысле этого слова: прежде я не жил, а существовал на земле, подогреваемый своей спутницей жизни Мариєю. Я с юношеским пылом, игнорируя все препятствия, взялся за возрождение прихода, в области строительно-ремонтной: здесь работы хватало. И вот моя первая ошибка: я слишком увлекся хозяйственными делами прихода. Я настоял открыть счет в сберкассе, установил должность реального, а не формального казначея. Деньги брал на церковные нужды у казначея под расписку и после каждой поездки отчитывался. Ежемесячно собирал исполнительный орган и советовался с ним по хозяйственным делам. Завел бухгалтерию по образцу городских церквей и т.д. Нельзя сказать, что ничего не делал в области духовной: с клиросных вожаков я беспощадно требовал минимально-чинного отправления службы, треб, ввел летом всенощные на праздники, Преждеосвященную Литургию в посту и многое другое.

**1952–1953 годы.** В первый год зима была теплая. В день Богоявления Господня воду освящали на паперти перед храмом. Мужчины стояли без шапок. Наступил Великий пост. Ударил двадцатиградусный мороз. И вот картина: справа у окна стоит печка-«временка» из железной бочки, от неё в разбитое окно выведен «рукав» из водосточной трубы; кто-то из богомольцев принес вязанку хвороста, 10–15 человек вокруг стоят и греют руки спиной к алтарю, а я с амвона: «*Діти крїмз*»!!! Надо или убежать, или что-то предпринимать — так «провозгласил» я, придя домой после такой «службы». Убежать, прослуживши 4 месяца, — это не выход. Больше того: юношеский возраст, батюшки и так не любят сидеть на одном месте — причин к этому везде найдется.

И мы с Марией придумали утеплить первую часть храма: заполнить засыпной стенкой арку, отделяющую первую половину храма от самого храма, и сделать большую в ней дверь (до разорения арка вся была застеклена); устроить в правом юго-восточном углу алтарь 3х3 кв.м, в углу северо-восточном поставить круглую печь. Пригласил начальство. Меня поддержали и начал готовиться к ремонту. В кассе было около 8000. Но помимо этого предстоял вооб-

ще большой ремонт наружный. Кроме побелки и штукатурки надо было заново сделать и поставить все водосточные трубы, желоба, воронки, водоотливы, южную дверь и покрасить купола и Крест. Выпросил я ссуду 3000 у Казанской церкви, 2000 в Любятовской и 1000 вложил своих (тогда у нас деньги были от продажи дома и всего хозяйства в Вязниках, откуда я приехал в Толбицы). Смету утвердила митрополия на 15 000 рублей. И отправился я «искать счастья», т.е. побираться деньгами и утварью во владимирские края, где служил до Толбиц. Денег не дали, а из утвари кое-что привез. Заказал три новых иконы: «Спасителя», «Арх. Михаила» на дверь и «Тайную Вечерю».

Дали хоругви полотняные ветхие, мы их размыли и установили древки. А престол привез в разобранном виде. В то время вышло в Вязниках от власти указание: вывезти всю утварь из недействующих храмов, таких там по селам было много. В Воздвиженский храм свалили из многих храмов, где и так всего полно. Престол поставили в притвор, а там на него ногами люди стали становиться. Решили лишнее сжечь и развели на кладбище костер. Приехав в Вязники, захожу и вижу такую картину: куча сгораемой утвари и среди нее престол. Престольная доска кипарисовая, и на столбиках даже видны изображения. Жаль мне стало этого престола: «Эх! Такую ценность...» «Жалеешь, так возьми» — говорит мне мой друг диакон Вениамин. «Да за 1500 км?» — «А хочешь, я его тебе сделаю как портфель, подмышки возьмешь». Взял он топорик, расколотил, связал проволокой и подал мне. Привез я его, плотники сколотили, и стал у нас готовый престол. И всякий раз, когда я делаю земной поклон, мне кажется, что он благодарит меня за спасение его. А когда меня вздумали переводить из Толбиц, — мне так ясно слышалось это: «не уходи... меня сожгут». И верно, мой молодой приемник решил убрать эти «клетки»: негде развернуться. Но не разрешили ему этого.

К осени закончили весь ремонт, и 11 декабря (28 ноября по ст. стилю) 1952 года зимний придел был освящен пресвященным Романом (Танг), епископом Таллинским Викарием Ленинградской митрополии, во имя Введения во Храм Пресвятой Богородицы: в честь и память старого храма, сгоревшего в 1917 году. Сослужили благочинный прот.

Александр (из собора), иеромонах Феодосий (Белг) и настоятель священник Б. Николаев. Пел хор Псково-Печерского монастыря под управлением Вехновского. В ответ на мой рапорт о ремонте и устройстве Зимнего придела, был награжден набедренником (указ митр. Григория).

23 марта 1953 года. В 1953 году мы перекрыли крышу над первой частью храма, а выбранным из снятого старого покрыли старую церковную избу.

В 1954 году сделали внутренний ремонт большого летнего храма: установили на свое место иконостас (до того он был приставлен на подпорках); изготовили и установили у обоих клиросов иконостасы; произвели масляную окраску панелей и побелку всего храма. По благословию архиерея совершено полное освящение престола, который не был освящен ранее. Богослужение возглавил архимандрит Геннадий, благочинный района — настоятель собора. Я же сам не служил, а управлял хором. В тот же год подал я прошение о приеме в Ленинградскую Духовную Семинарию на заочный сектор. В ноябре был принят, и мне выслали все необходимые данные по консультации, а также пособия по четырем предметам. Весной я получил вызов на летнюю сессию. Сессий тогда было три: июньская, октябрьская и февральская.

В 1955 году построен новый церковный дом размером 7x8 м по договору с колхозом д. Котятино из их же лесоматериалов, но из-за недостатка средств поставлен был без фундамента — только на четырёх камнях. Обошёлся нам в 28 000 рублей. Осенью того же года дом был освящен, и мы с Марией перешли в него.

В те годы началось и к 60-му году усилилось гонение на Церковь. Первый, вернее второй взрыв был еще в 54-м году. Ужесточили контроль доходов, лишили некоторых льгот. Была у нас в епархии у архиерея и уполномоченного мода — два раза в год делать «переводку» священников с места на место. Добрались и до нас, но ничего не получилось: нарушений у меня не было никаких, и не потому, что я был какой-то «святой», и даже не по «страху Божию» только, а потому что имел «пятно» еще не снятой судимости: попадешься и ответишь за всех один. Прислали мне из Пскова диакона. Он начал творить то же, что и там, но я его осадил,

и он стал сколачивать «шайку-лейку». Написал в РАЙФО кляззу — не вышло, тогда собрал 7–8 подписей и подал жалобу в епархию, что я ворую церковные деньги. Владыка Иоанн посоветовал мне перейти в Варлаамскую церковь — там надо было «заткнуть дырку»: власть перевела игум. Савву — мнимого старца, и люди сильно «шумели». О служении в Пскове я мечтал давно. И хотя с первых моих шагов на Псковской земле я понял, что того Пскова, в котором я родился и прожил детские годы, давно уже нет, часто по вечерам, выходя из дома, я смотрел на зарево на небе над городом. И дал я согласие на перевод. Не подавая, правда, письменного прошения.

Встретила меня Варлаамская община. В храме было два хора. Управляла наша ивановская монахиня мать Ариадна, но это была не та уже Ариадна: это была старушка, хоть и сохранила свой дискант полностью. В числе прихожан было несколько других монахинь: Парфения, Нина, Серафима. Там была и моя бывшая псаломщица Лиза. К моему приезду её ради меня уволили, но, решив лучше начать миром, я восстановил ее, предложив ей занять любую должность: или псаломщика или уборщицы, только официально, и она согласилась. Служить было неплохо, но с жильем — никуда. Полуподвальное помещение, сторожку, занимали монахини Ариадна и Парфения, а в небольшой ризнице мой предшественник о. Савва сделал для себя келью — исповедальню. Все это я хорошо знал.

Владыка Иоанн (Разумов), предлагая мне этот перевод, предложил заманчивые условия. В те дни он отправлялся в длительную командировку в ГДР и ФРГ, а мне предложил должность секретаря и жилье в его канцелярии на время его командировки. Но это была «ловушка», и я — «юный герой» на эту приманку клюнул, за что Господь и наказал меня. Когда указ был оформлен и я явился принимать дела, мне было сказано, что ввиду сложившихся обстоятельств секретарем назначен прот. В. Евстафьев, а я остаюсь только настоятелем храма и жить должен там. «А где же?» — спросил я. «Гоните старух или занимайте ризницу». Всё обошлось мирно: старушки добровольно перешли в ризницу, мы заняли сторожку. Но помещение это полуподвальное, сырое. Начали мы с Марией болеть. Сперва заболела она небывалой у нее рань-

ше болезнью — радикулитом, которая с того времени стала посещать ее каждую осень, а затем и я. Врач велел сменить помещение и уходить, пока не заболел основательно. Подал я заявление в церковный совет с просьбой о помощи, т.е. подыскать жилье в любом месте города и дал им 40 дней сроку, но они на второй же день ответили отказом, предложив довольствоваться тем, что есть.

Служа в Варлаамской, я продолжал семинарские занятия, и в 1962 году получил диплом со званием кандидата богословия. За диссертацию на тему «Канонические наставления Св. Иоанна Златоуста» по кафедре «Каноническое право». Будучи настоятелем Варлаамской церкви, я работал секретарем Епархиального Управления, но немного. По состоянию здоровья я был переведен обратно в Толбицы.

Вернувшись на природу, я сидел и отдыхал от городской суеты. Вдруг получаю письмо от профессора Огицкого из Московской Академии, где он сообщает, что мне поручается работа по проекту «Церковное судопроизводство» для Родосского Совецания, так как я окончил Академию по кафедре «Канонического права». Я согласился и начал писать, но ведь здесь кроме знаний богословских нужны юридические. У меня ничего не получилось. Несколько раз я переделывал и, наконец, поехал и отказался, потому что я певец, а не юрист. «Тогда, — ответили мне начальствующие, — и берите магистерскую по пению». Я пояснил, что мое пение не современно: знаменно-крюковое. «Вот и берите по этому вопросу». Я подал прошение в Совет Академии с приложением тезисов, Совет утвердил, и я начал писать на тему «Знаменный распев и крюковая нотация как основы русского православного церковного пения». Это был 1965 год. Святейший Патриарх Алексий I заинтересовался этой работой.

Начал я работать. Взял в руки «Азбуку» Калашникова, и от нее «потянулись нити»: Металлов, Разумовский, Смоленский, Аллеманов и т.д. Писал эту работу лет пять. За это время я проработал около 80 книг. В конце 60-х годов я подал работу в Совет Академии. В это время умер Патриарх, и был назначен Поместный Собор. Собор состоялся весной 1971 года. На этом Соборе от нашей епархии был делегатом владыка наш Иоанн, от духовенства был я, от мирян Костюков — церковный староста из Великих Лук. Работа

моя провалялась в МДА 7 лет. Два раза за это время меня вызывали и предлагали выбросить самое главное, причем расшить новенький переплет и выбросить неудобные им листы. Мне в этот момент представилась переплетная мастерская и женщины в поте клейстера трудящиеся. Я сделал ошибку: по совету ректора согласился на переделку, не понимая того, что этому не будет конца. Так и случилось!

**В это время начала болеть спутница моей жизни, моя матушка Мария.** Первые два года она двигалась, но все тяжелые работы делал я сам. А потом слегла: к прочим болезням прибавилась астма, а потом пневмония. Сам я спал в сутки 2–3 часа: сидел около нее и в то же время все служил и исполнял требы. Она умерла 22/9 ноября 1973 года в 9 часов вечера на моих руках, вернее, ее рука была на моей голове в последний момент. Хоронили ее 13 ноября ст. ст. в день Свт. Иоанна Златоуста. Владыка<sup>1</sup> прислал 3-х священников и диакона. Сам я не служил, но и не плакал: все слезы были вылиты раньше. Всю жизнь она горевала: «На кого я его оставлю». В последние дни собрались ее подружки, и им она сказала: «Бабуньки! Оставляю его я на вас». Но они вскоре за ней ушли — все они были в летах. Так началось мое вдовство. Мы прожили 40 лет без двух месяцев, но когда настал день нашего венчания, я отметил его и угостил всех ее подруг — старушек.

В юные годы я любил на дни Рождественского и Великого постов составлять для себя уставы подвижнические, но всегда они исполнялись мною только несколько первых дней: с первого нарушения они не исполнялись. То же самое получилось и в этот раз: Устав, составленный мною на всю жизнь, просуществовал 10 дней. Горьким опытом я узнал, что такое «одиночество среди мира»: люди, меня окружавшие, были очень хорошие, но холодные... Это я понял, когда вышел на люд после 40 дней. Кругом лед, а на льду ничего не создашь: придет весна и лед растает. Так и получилось.

Обратился я к своему начальству. Прежде всего, к архиерею. Он выслушал меня и сказал: «Ничего страшного нет. Надо перестроиться. Возьмите к себе старушку». Я от-

---

<sup>1</sup> Иоанн (Разумов), митрополит (ред.).

ветил, что не велела никого брать: «Порядочную тебе не дадут, они все заняты, а бродягу сам не возьмешь, а если есть такие, так опять не получится: возьмешь 80 лет — ей самой нужен уход, а пятидесятилетнюю оболют грязью. Здесь нужна подвижница, а где они?» На это он ответил: «Марии Вашей тепло и спокойно, а Вы, придя от службы, должны еще и стопить и сготовить». Был я и у нашего уполномоченного. Выслушав меня, посоветовал «взять ... работу».

Первые дни я ходил на могилку утром и вечером. Дома я ночевал редко. Эти холодные люди прекрасно понимали, что если меня не будет в Толбице — будет или то, что было раньше, или ничего. Поэтому на первые дни Мария Тимофеевна и Нюра взяли шефство надо мной. Но дело в том, что я никогда не жил один. В другой раз владыка Иоанн посоветовал влиться в какую-либо семью, а кому я нужен? Дальнейший опыт показал мне всю бессмысленность этой «идеи». 10 января 1974 года, на четвёртый день Рождества, пришла навестить наша Анна, так Мария называла Нюру Тарасову. На ее вопрос: «Как?», я высказал все: «кругом лед, а на льду ничего не создашь». «Я Вас не оставляю», — ответила она. «Весь день ты на работе в колхозе, у тебя полный двор животных и 16 человек семья». «Ну а Вы будете семнадцатый», — сказала она. Поблагодарив ее за теплые слова, я задумался: а реально ли это? Как посмотрят на то? Мне советовали некоторые «прилепиться» к какой-либо семье, как поступали некоторые батюшки в моем положении.

Похоронив Марию свою, я написал 10 писем родным и близким. Пошли ответы. И вот, читая их, я вдруг услышал пение каких-то богомолок: «Упокой Боже раба Твоего». Меня заживо отпевают!!! Я оглянулся — нет никого: ни дома, ни на улице. Я понял: ... у меня помутилось сознание. Я встал, оделся, открыл ящик в столе: там была пачка денег — 80 руб. Я беру одну десятку, ухожу, закрываю дом и иду, а куда?.. Вышел на перекресток. Машины идут, меня объезжают, шоферы матом ругают меня, а за что?.. И вот подул с юга ветер, и я повернул налево к Великому Полю: больше нет у меня близких». Пришел в дом Анны, постучался. Открыла. «Уезжаю: пришел попрощаться, надо бежать», — сказал я ей. Она заругала меня, велела снять шубу, войти в избу, лечь и ждать ужина. Я бессмысленно повиновался,

лег и начало меня трясти. Она посадила соседку Дуню Бросиху караулить меня, и я заснул. С тех пор стал я часто бывать у них в доме.

Пришла весна, я выбрался на природу и стал помогать своим прихожанам в их полевых и домашних работах, а они меня благодарили и, самое главное, кормили. Так было до 1979 года.

4 ноября в день Казанской иконы Божией Матери заболела наша Анна: ее парализовало. Я перебрался к ним и год за больной ухаживал. После четырех ударов она умерла 25 февраля 1981 года. В промежутки между ударами она вставала понемногу, трудилась по дому и около дома летом. Я ей помогал, как умел. Во время болезни я несколько раз причащал ее. Дети из города приезжали по выходным и привозили продукты. В отпуски приезжали на несколько дней. Перед последним ударом она отпустила меня съездить в Ленинград отдохнуть, «проветриться». Накануне выстирала мой старый подрясник и наварила молочного супу, легла спать и умерла. Утром ее нашли мертвой, она лежала на левом боку. В то утро были с какой-то требой. Стали стучаться, позвали соседей, сломали закладку и ...

Покойная раба Божия Анна Харитоновна пела на клиросе с детства и очень любила церковное пение. Имела голос дискант широкого объема. Моя Мария очень любила ее. За время моего служения в Толбицах она хорошо освоила Устав и одно время занимала должность чтеца. Она была очень добрая и отзывчивая к людям. Постоянно веселая, жизнерадостная, хотя жизнь ее была не сладкой. Она рано овдовела (муж погиб в Чинекусь) и вырастила четырех детей в самые тяжелые военные годы. Но она была неласковая и слабохарактерная, поэтому дети плохо слушались ее. Господь дал ей дар житейской и, отчасти, духовной рассудительности. Соседки часто приходили со своим горем, и она искренне разделяла горести их и разумно советовала. Мне лично вначале она сказала: «Насколько смогу — я продлю твою земную жизнь. Что мне за это будет на том свете — не знаю, а что на этом — знаю: обольют грязью, только и есть, но таков путь Божий».

Теперь о дальнейшем. Анну схоронили со всеми почестями церковными. На поминальном обеде я сказал слово.

Народу за столом было много. В сороковой день снова собрались дети: разделили наследство. А мне разрешили жить в доме. Я жил и помогал по-прежнему и продолжал одновременно свое служение в храме. Всего в доме Тарасовых я прожил около 4-х лет: в том числе и год ухода за парализованной Анной. А потом младший ее сын Алексей пьяный выгнал меня в 2 часа ночи. Хотя после я и вернулся к ним, но понял, что я в их доме не желателен, и возвратился в церковный дом.

Служить становилось все хуже и тяжелее. Старые певчие все умерли, за чистотой и убранством храма заботиться некому. Сам читал часы и Апостол, не говоря уже об утрене. Стало у меня 6 должностей: дворник, просфорник, истопник, звонарь, пономарь и дьячок. Поясню точнее. Навила вьюга у входа в храм большой сугроб. Говорю старостихе: «Разрыть надо», а она мне: «Надо тебе, так разрой, я не сдолю (не смогу)». Вернулся домой, взял лопату, разрыл — я дворник. В сумке просфоры, спек вчера — просфорник. Открыл двери и затопил печку — я истопник — сторож. Разжег кадило, затеплил лампаду — пономарь. Облачился, дал возглас, не отвечают. Становлюсь на клирос: «Аминь», пою во время каждения — дьячок. К шестопсалмию начинают собираться. Запоют вместо «Вѣрѹю» — «Тѣкѣ поѣмъ», вместо «Иногдѣ мѣра» — «Херѹвѣмскѹю». Холод в храме невозможный. Разломали по совету какой-то бабки хорошую большую печь и поставили маленькую (меньше дров). Трубы нечищены: дыма полный храм. Ударили сильные морозы. Я принес в алтарь термометр, температура на улице 30, а в алтаре 17. В этот день я обморозил себе руки. Стал служить в варежках. Сообщил архиерею. Владыка Владимир<sup>1</sup> возмутился: «Ниже 10 не служите. Заработаете ампутацию кистей — никому не нужны будете». Любятовские пожертвовали нам нагреватель, и я стал греть руки во время проскомидии.

Псаломщики за время моего служения было семь. Первый — Алексей Макаров. Он вел себя вызывающе, ибо считал себя всю жизнь достойным кандидатом на свя-

---

<sup>1</sup> Владимир (Котляров), с 12 мая 1987 г. — архиепископ Псковский и Порховский.

щенническое место. Но это не важно: он не знал и не считал нужным знать осмогласия, не говоря уже об уставе. «Не тое, да святое» — вот его «девиз». Я, как все священники молодые, стал требовать. «Будь строг и требователен ко всем и, главное, к себе самому», — сказал владыка Григорий. К тому же я приехал из городского храма (г. Вязники), где была строгая дисциплина. Прихожане не любили его вовсе, и написали жалобу митрополиту. Тот запросил меня, и я поддержал: написал то, что есть, и его уволили как не справившегося. После он оставался без дела, зашел ко мне, и я ему советовал пойти по церковной службе. Свез его в Печоры к владыке Иоанну, и он его посвятил в сан священника. Он умер в сане протоиерея на пенсии.

Прислали мне в сторожа Виктора Григорьева. Пока я жил в Великом Поле у Тарасовых, он жил в церковном доме. Я его обучил уставу и попросил архиерея посвятить его в диакона. Потом он ушел в деревню Боровики к своим друзьям — монахам. Теперь он служит белым священником. Направили ко мне Филковского, изгнанного из Вильнюса за неуживчивость. Владыка Григорий благословил на испытание. Это было как раз в дни постройки дома<sup>1</sup>. Он прослужил год, решил стать священником, но что-то не получилось. Потребовал от нас оплатить ему командировку на поездку в епархию. Время было с деньгами трудное, и мы задерживали даже месячную зарплату. Ему отказал, тем более что он ездил по личным делам. Он написал на нас архиерею жалобу, требуя оплатить ему еще 200 руб. подъемных. Секретарь о. Василий посоветовал дорогу 50 руб. оплатить, а остальное, «как сможете». Мы оплатили эти 50 руб. и зарплату за две недели вперед и уволили. Здесь, считаю, допустил я ошибку, он в Пасху в самую заутреню провёл в народе агитацию. Мало этого, через несколько дней прислал мне, угрожая судом: «Если хочешь отделаться миром, заплати мне 700 рублей за свою злобу». Направил я письмо уполномоченному, тот его вызвал, и «герой» струсил. Надо было по-христиански отдать ему по частям, тем более что псаломщик он

---

<sup>1</sup> Около 1955 г. (ред.)

был неплохой, но рвачей я всех так провожал. После нас он поступил на работу «управлять котлом», но и оттуда выгнали, и он купил в Любятове «халупу» и там дожил свой век.

Псаломщицы — женщины Стефанида и Елизавета не ладили с моей Марией. Дело в том, что моя Маня, при всем подвижничестве, имела, как все мы, недостатки: скупость (она родилась в бедной, но порядочной семье), своеобразие, своеволие, самоуверенность и, что самое главное, ревность о Славе Божией не по разуму. Она требовала, чтобы все были такими, как она, во всех отношениях. К грешникам она была беспощадна: у неё был «человек для субботы».

Когда мы схоронили всех своих старых певчих, а на неопределенных текущих плохая надежда, я решился на смелый шаг: отправлять Литургии, елико возможно, в своем храме, а на всенощные ездить с ночевкой в Любятovo. И вот, отслужив всенощную там, я вернулся к себе и вошел на клирос. Стоят незнакомые люди: средних лет мужчина и женщина. Обращаясь ко мне, мужчина сказал: «Батюшка, благословите часы прочитать». «Бог благословит», — ответил я, и стали мы служить Литургии. Оказалось, это были Геннадий Власов и монахиня Сергия. Пришли они в октябре 1982 года и прослужили у нас до августа 1994 года. Сначала бесплатно и с перерывом, а потом староста Мария Тимофеевна оформила договор. У м. Сергии был голос дискант широкого диапазона, а Геннадий не имел слуха, но мог хорошо читать. Также оба хорошо знали устав. Часто они уходили и снова появлялись: спорили с Тимофеевной о зарплате, которая выросла с 50–75 руб. в месяц. Жили они и работали оба в городе. Приезжали в праздничные и выходные дни утром.

Я продолжал жить в церковном доме около храма. В те дни начались по церквям грабежи. Наш храм грабили многократно. Не забыли и меня. Сперва взяли всю почти мою личную библиотеку. А потом (это уже соседи) и одежду и прочее барахло. Некоторых воров нашли и осудили, но вещей моих не возвратили, только с последней кражи вернули иконы.

В то время я стал подумывать о приобретении собственного «гнезда». Деньги от продажи дома Мстерского лежали

на книжке, но этого ведь мало. С помощью своего старого друга о. Вениамина из Гороховца и аванса в счет зарплаты своей церкви, купил я дом в Малых Толбицах у наследников А. Деминой.

В те дни начался наплыв паломников на остров Залита к о. Николаю — моему духовному наставнику. Многие из них заходили по пути ко мне, иные даже впервые, как мужчины, так и женщины. Между прочими, супруги Гурьяновы Николай и Татиана, а также их московские друзья и знакомые. По смерти Анны мне помогали по дому другие подруги Марии, но и они понемногу также ушли, так как были почти в ее летах. Теперь меня обслуживали некоторые из паломниц о. Николая, их называю «транзитные». И понял слова Владыки Иоанна, что в моем положении жить одному не годится. Со второй половины седьмого десятка лет моей жизни я стал часто болеть. Так осенью 1991 года я заболел с температурой. Соседка Мария Щелканова — подруга покойной моей матушки — уехала на «октябрьские» в гости. Тамара<sup>1</sup> побывала праздники и уехала на работу. Наносила она дров, но ведь сами-то они гореть не будут, а меня качает туда и сюда. Пошел я за лекарством, держусь за аптечку, а она к шкафчику не была прибита, и я с ней вместе... Лежу на полу — смех и слезы. Между тем жизнь нашего храма шла своим чередом.

Как известно, 8 апреля 1929 г. Соборное Постановление 191945 («Положение об управлении РПЦ») игнорировано, в действие вступил сталинский закон 8. 04. 1929<sup>2</sup>. Священнослужители лишены прав управления церковным хозяйством и отданы в полное распоряжение мирян, как «наемная рабочая сила». В 1960 году Н.С. Хрущев предписал Патриарху и Синоду «привести свои законы в соответствие

---

<sup>1</sup> Тамара Леонидовна — внучатая племянница матушки Марии, проживает в СПб (ред.)

<sup>2</sup> Здесь имеется в виду Постановление ВЦИК и СНК о религиозных объединениях от 08. 04. 1929. (См. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР, издаваемое Народным комиссариатом юстиции. 1929. Отдел первый. №35, С. 353.) (ред.)

с Законом». Так было до 1991 года, когда был отменен сталинский закон<sup>1</sup>.

В 1988 году в связи с перестройкой в стране сменилось руководство и в нашем приходе тоже. Председателем избран я, казначеем Сергей Семёнович Лукин из деревни Рогово и помощником председателя Вера Сапожникова из д. В. Поле. Согласно уставу её обязанностью стало убранство храма. И так началось в моей жизни новое время.

В 1992 году я дал согласие на пенсию на общих основаниях. В связи с постановлением правительства о реабилитации политзаключенных мне выплатили сумму, на которую я поставил дома телефон и многое другое. Но самое главное — это начало для меня новой жизни, жизни, для которой Промысел Божий определил меня и сохранил до глубокой старости.

Зимой 1992 года ко мне обратилось начальство Псковского областного музея с предложением провести у них несколько бесед на религиозную тему. Я согласился и провел у них четыре беседы на темы: «История религии», «Брак и семья», «Покаяние» и «Пост». Конспекты и наброски этих бесед я кинул в ящик письменного стола, и они валялись там до своего времени. В то же примерно время ко мне явился один из сотрудников Издательства Московской Патриархии по имени Александр и сообщил, что моя книга о знаменном распеве издана за рубежом с подставленным соавтором и что этим заинтересовалось издательство: не осталось ли у меня чего-либо из черновиков. Я показал ему все, что сохранил, и он попросил выслать все это его начальнику Шатову, что я потом и сделал. Вскоре в Издательстве Московской Патриархии началась реорганизация. Почти всех работников уволили, в том числе и Шатова, но он устроился в другой организации и продолжал дело издания моей книги. Несколько раз в Москве мы встречались, проверяли и исправляли книгу. Мне дали дисплейную копию, которую я и «читал» в ожидании, пока тянулось дело изда-

---

<sup>1</sup> Согласно указу Хрущёва священнослужители не могли являться старостами. И в 60-е годы батюшка должен был передать дела новому старосте Марии Тимофеевне. Теперь, в 1988 году, председателем приходского собрания стал опять о. Борис.

ния самой книги. Дело долго тянулось и, наконец, в 1995 году книгу издали.

Весной 1992 года на Страстной седмице в Великий четверток я вышел в летний храм, будучи весь потный, и исповедал 46 говельщиков, и в тот же вечер почувствовал озноб: я заболел двухсторонней пневмонией. Кое-как дожил до Фомина Воскресенья и потом пролежал в Пскове у знакомых. После этого я взял в левую руку костыль, с которым не расстаюсь и по сие время, даже в алтаре. Понял, что дела мои плохи: снова вспомнил владыку Иоанна. Между тем паломники о. Николая все так же шли. Стало много у меня среди них друзей и знакомых. Стал через них я просить отца моего духовного благословить кого-либо из его чад духовных мне в помощники в моей старости и недугах. Пока я лежал у Сутоцких, Тамара в выходные мая вскопала, насколько было возможно, огород, посадила, что смогла, и уехала.

21 июня 1992 г. Наступила Неделя Всех Святых — заговенье на Петровский. Не поправившись еще от своей болезни, я встал, как обычно рано, сготовил и пошел на службу. Возвратившись домой, я стоял у стола на кухне. И вот, дверь открылась, и вошла женщина среднего роста, на ней светлое с темно-синими полосами платье и жакет. Тембр голоса чистый, музыкальный, приветливый. «Здравствуйте! Я раба Божия Зоя, иду с острова от о. Николая. Сейчас в отпуске. Нет ли в Вашем храме какой-либо работы на это время, пожертвовать свой труд?» — «Пожалуйста, — ответил я, — вот ризница: все грязное и требует ремонта. Пройди в комнату». Почему-то я с первых слов обратился к ней на «ты» по-свойски и по сельскому обычаю. Я угостил ее местным, точнее островским, кушаньем — топленой в молоке яичницей: это праздничное блюдо. Потом мы сидели и разговаривали дотемна. За эти часы нашей беседы я, насколько мог, изложил все содержание моей «зеленой», как я ее называю, книги, и изложил именно так, как переживал сам<sup>1</sup>.

Наутро Зоя надела свой синий спортивный костюм и взялась за дело, но не за то, о котором вчера услышала, а за

---

<sup>1</sup> Отец Борис имеет здесь в виду издание, упомянутое выше: «Знаменный распев и крюковая нотация как основа русского православного церковного пения» (ред.)

то, которое сегодня увидела: принялась мыть потолок, пол и далее все, что того требовало. На другой день я показал Зое нашу ризницу, вернее, вынес из алтаря все облачение, и она принялась за работу: стирала, чинила, гладила (в Вильнюсе она по совместительству исполняла должность ризничей). Прожили Петров пост, разговелись. Отпуск ее приходил к концу, и она должна была уехать. Провожая ее, я напутствовал ее словами: «Будь верна своему имени: неси повсюду жизнь, радость. Мир и счастье» и просил заезжать, когда случится быть в наших краях. Слова мои были не для «красного словца» сказаны: все это я уже пережил сам. Зоя уехала. Через несколько дней меня вызвал Псковский Главпочтамт для получения посылки из Вильнюса. Посылку я получил. Там было всего понемногу, что должно посылать, и теплое трогательное письмо. Она писала, что доехала благополучно, что у них жаркая погода, что ей у нас понравилось, особенно наш храм.

И снова я остался один. Перед заговеньем на Успенский пост я собрался в город за продуктами. Вышел на крыльцо, замкнул дверь и стал сходить с крыльца и вижу: идет Зоя. Её, оказывается, уволили по сокращению штатов, и решила поехать к нам на дни поста. Я подал ей ключ: «Иди в дом, отдыхай и действуй», а сам поехал в город. И снова мы стали проводить пост в общей молитве и трудах по дому.

В это именно время, независимо от нашей воли, стоял и решался важнейший в жизни вопрос о положении Зои. Надо сказать, что в богатейшем русском языке нет такого термина, определяющего это положение. Но Господь распределил все по своим местам заранее. Не дремал и враг рода человеческого — диавол; он ясно видел настоящее и предугадывал будущее. Мы провели пост, в Успение разговелись, и она снова собралась в путь. Поезд тронулся и, медленно набирая скорость, пошел в правую сторону от вокзала. На этот раз я уже не просто смотрел, а медленно пошел по ходу поезда, пока его не стало видно. Проводив Зою, я вернулся в свою чистенько убранную избушку; чувствовался уют «духовного дома», но и... пустота. Именно теперь я ясно понял: Мария моя из жизни ушла — дом с собой унесла; Анна ушла — клирос унесла; Зоя пришла — жизнь принесла. Но жизнь эта, которую мы называем Цар-

ствием Божиим, так просто не дается: ее мы должны выстрадать, идя к ней узким путем, путем многих скорбей, как говорит нам Св. Писание, ибо «кни, хог'аціи елгочгнш жгчи ѿ хр'тк' іиск', гоніми к'д'х'г'»<sup>1</sup>. Все это, как мы увидим, предстояло впереди.

В начале сентября (именно 9 сентября 1992 года) я решил позвонить Зое, дабы она не сочла, что о ней забыли. Она ответила, что собирается приехать 22-го (конец я не дослышал: «...бря»). Я переспросил, и она ясно сказала: «Сентября».

15 сентября приезжали сёстры Тамара и Галина.

16 сентября. Начало дела о телефоне. Была представительница из Пскова.

18 сентября я получил свидетельство о льготах, как узник лагерей, и долго им пользовался, пока не отменили.

Наступил долгожданный день — 22 сентября. Я поехал на вокзал, встретил Зою, и оба приехали домой. Следующий день встретил нас радостным событием! Я получил компенсацию, как бывший узник лагеря, в сумме 31 000 рублей в тогдашних деньгах. На эти деньги я смог установить телефон.

Первую пенсию я получил 6 ноября 1992 г., в пенсионной книжке значилось 1080 руб. (по-старому 108), в те дни начал падать курс рубля.

20 ноября к нам заехал один профессор из Вильнюсского Университета, Валерий Николаевич Чекмонас. Он был в научной командировке по изучению местных говоров. Я указал некоторых старожилов, а затем зашел разговор о старине и, конечно, о знаменном распеве. Сел я за фисгармонию и играл ему знаменные песнопения: «Хр'г'ог'я рож-д'аг'г'а», «Мгчн ѿкш позн'ама г'и» и многое другое. Он все это записал на свой импортный магнитофон, и т.о. получилась иллюстрированная лекция, которую он потом продемонстрировал своим студентам. Был он и в храме, записал службу.

19 февраля 1993 г. приехал Николай Анохин, московский художник, один из моих знакомых паломников о. Николая Псковоезерского: он пожелал остаться у нас на время

---

<sup>1</sup> II Тим. III, 12.

нашей поездки в Вильнюс и одновременно продолжать свою работу. 21 февраля мы отправились. С 21-го по 27-е мы были в Вильнюсе. Нас там встретили очень хорошо. Зоя свела меня в Св. Духов монастырь. Там меня пригласили, как обычай, в алтарь и после Литургии — в трапезную. Угостили горячими блинами: это было на Масляной неделе. Были мы и в храме, где Зоя по совместительству трудилась до того, как приехала к нам. Беседовали с о. настоятелем храма: довольно симпатичный батюшка.

Затем Зоя решила съездить в Михново вместе со всей семьей и попросила Игоря свезти нас туда на его машине. Мы собрались и поехали. Машина шла по ровной, гладкой дороге со средней скоростью, вдруг резко свернула в сторону и как бочка покатила вниз по глубокому снегу. Остановилась. Я почувствовал боль в правой стороне груди. Молодежь наша вышла. Видя, что среди них нет Зои, я окликнул ее, и она на оклик откликнулась: она была в машине, искала мои очки, но они были все изломаны. Игорь и его семья возвратились обратно домой с разбитой машиной (помогли два поляка, наехавшие на нас). А я и Зоя остались на шоссе. Рейсовый автобус довез нас до Тургели, а до Михново пришлось идти пешком. К этому времени у меня усилилась боль в груди. Нас встретили очень хорошо. Грудь мою затанули и зашили. Принесли коробку с очками, оставшимися от умерших, и нашли среди них +10 — номер моих первых 1924 года. Михново — православная сельскохозяйственная община, окормляемая и управляемая настоятелем. Создана одним из учеников ныне прославленного Иоанна Кронштадского, прот. Понтием. Состав членов смешанный: мужской и женский. Письменного устава нет: управляется по традиции. Основная идея — бережливость по слову Спасителя «Соберите остатки, да ничтоже погибнет»<sup>1</sup>; затем пост, молитва и исполнение богослужебного Устава. Там мы пробыли несколько дней и вернулись в Вильнюс.

5 марта мы обратились в середкинскую больницу к хирургу по поводу моей травмы. Осмотр и рентген дали диагноз: перелом 3-го ребра в правом боку. Это у меня не впер-

---

<sup>1</sup> Ин. VI, 12

вые. Всю зиму в свободное время мы с Зоей изучали богослужебный Устав. Начался Пост Св. Четырнадцатницы.

Началась весна, и мы оба занялись огородом. Зоя решила вскопать огород весь, и мы вскопали оба все вручную. Я повредил себе спину: в пояснице «прострел». Пост подходил к концу. Литургии Преждеосвященных Даров совершались в храме каждую пятницу, а по средам мы правили часы дома. В конце поста уже чувствовалось недомогание, слабость, а еще больше — уныние, а лично у меня еще и страх при мысли о будущем одиночестве, от которого я уже устал за 20 лет, прожитых после кончины Марии. Да, я был «на людях», но не дома. Люди есть люди: они бывают хорошие и даже очень хорошие, но, в то же время, холодные. Этой холодности мы обыкновенно противопоставляем уют родного дома, но его-то вот как раз у меня не было в течение 20-ти лет.

В это время вышли из печати мои труды: статьи «По закону Осмогласия», «О колокольном звоне», «Богословие пяти чувств» (брошюра), «Обновление и обновленчество», «Церковь и храм в наши дни», «Время в жизни христианина», «Неприкосновенность славянского языка в богослужении», «Матерь всех живущих», «Клирос» и «Византия и Святая Русь». Сам я в те годы был еще в силах, но после пневмонии 1992 года заметно стал чувствовать слабость и ходил с «костылем» все время: не выпускал из левой руки трость. Мы возделывали свой огород. Я возил на тележке торф, дрова. Сами пилили и кололи дрова. Я часто ездил в город самостоятельно на автобусе (с пенсией я получил льготу бесплатного проезда).

14 мая 1993 года вечером приехала Тамара: привезла телефонный аппарат — ныне он действует вместо старого «кнопочного». Накануне дня Ангела приехали два Николая — Гурьянов и Анохин.

День Ангела 1993 года. Маня моя любила отмечать этот день, но скромно, тихо, по-семейному: 2–3 гостя. На этот раз собралось 12 человек гостей. В храме была Литургия, затем трапеза. 18–19 мая были в Печорах, молились в храме. Были в пещерах.

На день Ангела о. Николая Гурьянова владыка Евсейий благословил меня сослужить ему на о. Залита, что мною бы-

ло исполнено. Но на обратном пути при выходе из «моторки» я повредил одно из своих ранее ломаных ребер, а после узнал, что в Николин день в храме нашем собралось немного людей. Службы не было, и они написали на меня владыке жалобу: «Батя редко служит и не объявляет». Как видите, враг не дремал.

29 мая были из Тобольска матушка Ольга и Вероника по поводу знаменного распева. Начал писать статью «Брак и семья» — переработку музейной лекции. Позднее она была напечатана.

Наш день начинался молитвенным правилом: утренние обычные молитвы, кафизма Псалтири, дневной Апостол, дневное зачало Евангелия, поминовение живых. Вечером так же молитвенное правило с поминовением усопших. В средние почитаемые праздники мы правили часы, изобразительные.

11 ноября/29 октября мы пригласили владыку Евсевия на богослужение. Владыка приехал, но Литургию не служил, а возглавил праздничный молебен. После молебна владыка сказал слово, между прочим, просил прихожан быть снисходительными к моим возрастным немощам и недостаткам и упомянул о лагере. Очевидно, на меня были какие-то жалобы. После службы владыка решил посетить старца, «зайти на стакан чая минут на 10». Но ему так понравилось наше угощение, что он просидел до самого конца обеда. В этот день сорок с лишним лет тому назад была мною отслужена первая Божественная Литургия.

23 ноября Зоя уехала в Новгород к детям. 25 ноября я встретил ее на останове «Площадь Ленина», и мы пошли на занятия в храм Александра Невского. Я провёл беседу. Слушателей собралось 30 человек.

**1994 год.** Январь. В Сочельник приехали Зоины дети, гостили в Рождество. Ходили к о. Николаю на Остров. Уехали оба в Новгород 8 января. 21-го я заболел. Температура 37,5. Зоя уехала в Вильнюс. 22-го приехал Серафим и ухаживал за мной. Он вызвал участкового фельдшера Светлану. У меня был в горле нарыв, и Серафим кормил меня с ложки. Пролежал я до 29 января и 4 февраля уехал в Москву.

В Москве на вокзале меня встретили мать Викторина и Николай Гурьянов. Я был в самом плохом состоянии здоро-

вья. Привезли меня в наш Рождественский Богородицкий монастырь, и сразу же началось мое лечение. Осмотрела врач Вера и назначила 10 уколов. Колола инокиня Елена (Загорск). 4 февраля 1994 года меня проводили в Мед. Академию к профессору — кардиологу А.В. Недоступу. Он осмотрел, назначил лечение и велел через четыре месяца показаться ему.

За время своего пребывания в Москве я исповедовал нескольких сестер, кто просил, а также несколько семей прихожан монастыря: Николая — Татиану, Димитрия — Елену, Алексия — Лию и др. Шатов с сотрудницей редактировал мою монографию «Знаменный рассев». Через прихожанку Лидию я познакомился с газетой «Русский вестник», где напечатали мою первую статью «Нравственные основы семьи».

В конце февраля (25–26) мы оба явились домой.

Между тем жизнь шла своим чередом. Я тогда был еще в силах, но уже начинал сдавать: 80 лет делали свое дело.

17 апреля из Печор нам привезли плащаницу художественной работы, которую, надо заметить, вскоре при ограблении храма украли воры. В этот год 15 мая день моего Ангела праздновали торжественно. Литургия, гости и обед. Московские гости увезли меня с Зоей в Москву. Москва 16–21 мая. Встретила м. Викторина. Были у А.В. Недоступа.

**1995 год. Москва. Монастырь.**

27 января 1995 года по предложению настоятельницы м. Викторины я организовал хор из сестер обители и разделил их на три группы для седмичных служб.

23 января уладил просфоропечение. Какая-то бабушка пыталась научить их, да и у самой не получилось. Просфоры покупали в Даниловом монастыре. Срам! Наладил так, что просфоры наши покупали и другие храмы.

Были 31 января в Троице-Сергиевой Лавре на уроке Шишкиной.

Начало духовного окормления Богородице-Рождественского монастыря совершилось промыслительно. На 8–9-м десятке лет жизни я стал заметно и часто болеть, и по совету моих московских друзей стал останавливаться в Богородице-Рождественском монастыре. Тогда, в 1994 году, приехал я к ним еле живой. Там меня не только приютили,

но и нашли врачей, которые поставили меня на ноги, так что я вскоре смог почти бегом подниматься по лестнице, на второй этаж, где меня поселили. В храме же ко мне потянулись исповедники: сперва, некоторые из мирян, а потом сестры-насельницы обители. Всего исповедовал 7 человек. Таким образом, я сроднился с этим монастырем.

2 февраля мать Викторину наградили наперсным Крестом. Крестный путь жизни этой монахини наших дней заслуживает особого описания. Возлюбившая Господа с юных лет, духовно воспитанная в традициях Пюхтицкого монастыря, непрерывно существующего с XIX столетия до наших дней. В те дни, когда подобные ей люди по пути в институт «забегали» в храм и ставили восковую «свечечку», окропленную слезами теплой двухминутной молитвы, волею Всевышнего она, как послушная раба Господня, пришла к развалинам древнего Богородице-Рождественского монастыря, чтобы возродить древнюю Св. обитель, некогда разоренную силами царства греха и неверия.

6 апреля я решил положить на ноты стихиру «Советъ превѣчный» псковского напева. В сумерках сел за фисгармонию и переписывал с клавиатуры на бумагу ноты, но не включил свет. Наутро проснулся и вижу: весь дом в сером тумане. К обеду туман рассеялся, но зрение стало фальшивить: свет одной свечи умножался, так было до поездки в Москву. В Москве я попал в Институт Микрохирургии глаза, где врач Раиса Михайловна Орешкина сделала мне операцию правого глаза. Царство ей Небесное: она была глубоко верующая. Она полюбила меня, грешного, как духовного наставника и заповедала мне, недостойному, молиться о ней и о своих сродниках и вручила мне записочку о здравии и упокоении своих сродников.

29 октября. Браковенчание Серафима с Наталией. Пел увеличенный хор. Пели очень хорошо. Свадьба была в доме Марии Щелкановой, где жил тогда Серафим.

27 ноября. Зоя вернулась из города с ужасной вестью: отказали в продлении визы. Эта весть сначала ошеломила меня. В это время телефонный звонок из Москвы: вышла из печати моя книга «Знаменный распев» (я не узнал голос Шатова), это меня несколько обрадовало, но: вдруг я пришел в себя и ощутил всю действительность. Зоя собралась и

поехала. Я поехал ее провожать на вокзал. Ехали и почти молчали, ехали как на похороны. Позднее пришли супруги Марченко. Поезд должен был отойти ровно в 24.00, но почему-то задержался. Я видел в окно вагона Зоя: она плакала. Подала нам знак идти домой. Меня увели с перрона и повезли на ночлег.

10 декабря 1995 года. Хиротония Серафима в сан диакона. В этот день моя «прогулка» по нашему огороду. И я ходил, обливая слезами ее работы, ее труды. Я решил еженедельно звонить в Вильнюс. 14 декабря Ира мне сообщила, что Зоя поехала в Елгаву собороваться, но позвонила на днях, что задержится еще на неделю. Я сообщил ей свои новости: Серафима посвятили, заболел у меня (от слез) оперированный глаз. 16 декабря приехала мать Викторина и привезла упаковку моей книги. Но эта «радость» не прибавила мне ничего, кроме худшей скорби. Ребята мои, спаси их, Господи, быстро оформили вызов и послали ценным письмом в Вильнюс. Вот тут то и начался мой «ад» ожиданий. Остался в доме один, в невыносимом одиночестве. Утром и вечером отец Серафим со своей матушкой приносили мне пищу, а дальше к вечеру становилось все хуже и хуже. Поздняя ночь — «царство одиночества». Я зажигал лампаду и становился на молитву. Я падал ниц, весь пол заливал горькими слезами. Чтение вслух переходило в вопль: меня никто не слышал. Так было несколько дней.

4 января 1996 года телефонный звонок Зои: «Собираюсь на Рождество в Михново, 10 января — домой».

10 января утром я почувствовал боль, вернее «тяжесть кирпича» сверху позвоночника. Подумал: старческое. Дальше боль усилилась. Поехал в Псков встречать. Остановился у семьи Марченко. Зоя приехала 11 января в 12.45 ночи. Зоя пошла к о. Николаю на остров. Я отправился ее встречать. Это было 16 января. Далее я свалился окончательно: служил через силу. Началось домашнее лечение.

Наступил Крещенский Сочельник. Умерла одна из членов приходской общины. Утром похороны совершал о. Виктор Григорьев с Зоей: «пели» плохо. Вечером воду освящал о. Олег Тэор — настоятель храма Св. Александра Невского в Пскове. Утром на Богоявление я поручил диакону своему Серафиму править службу бессвященнословно: читать и

петь все подряд, кроме священнических возгласов и действий до слов «Глас Господень на водах». К этому моменту меня привез на машине кто-то из прихожан. Облачили, посадили к воде, и я таким образом стал совершать чин Великого Освящения воды сидя, а на погружение Св. Креста я с трудом встал и сам погрузил Св. Крест. Затем сняли с меня облачение и привезли домой. Болезни продолжались всю зиму.

23 января позвонили из епархии: «Если нет возражений, присылайте Вашего диакона на Хиротонию в субботу к вечеру». Мы подумали: «Молод, но «бери, пока дают». Видно, он архиерею понравился». Рукоположен о. Серафим в иерея 29 января 1996 года. Предчувствие владыки исполнилось: я проболел до весны и служить один больше теперь не мог, и даже дойти до храма один был не в состоянии. Служили мы вместе с о. Серафимом до 23 ноября 2003 года.

7 июня пригнали из Москвы автомашину «Ока», и меня стал в храм возить о. Серафим. 12 августа того же года Зоя подала документы на получение вида на жительство. Единственный раз я служил один. Летом я мог дойти до храма пешком, но добирался очень долго. Наконец, 30 января 1997 г. Зоя получила вид на жительство сроком на 1 год. Это уже победа: целый год можно жить спокойно без продления визы.

17 февраля оба мы — я и Зоя заболели с высокой температурой. Ночь на 26-е была кошмарная, бессонная. Утром о. Серафим и Тамара Павлова увезли меня в Псков. Там — поликлиника, терапевт, эндокринолог, анализ крови и рентген. Диагноз: верхняя пневмония. Мы с о. Серафимом возвратились домой, взяли Зою и вернулись обратно в город. Ночевали у Тамары Павловой и остались там. Тамара делала уколы, кормила нас, Зоя ухаживала. 30 марта я впервые вышел на службу — пел на клиросе и исповедовал.

6 мая традиционный митинг на Братской могиле с панихидой.

30 мая приехали оба сына Зои Василий и Борис и с ними Лена — будущая жена Василия, привезли познакомиться и показать. Днем пошли к о. Николаю на о. Залит за благословением. Он сказал: некрещеная, надо покрес-

тить, и пусть женятся, только пусть повенчаются. Вечером перед всенощной крестил Лену. Потом все пели в храме на клиросе.

5 июля. Занятие по Знаменному пению в Любятово. Приехал из Почаева Максим. Занимался постановкой головы с Зоей и м. Натальей.

**16 февраля 1998 года.** Галина Федоровна заполнила и послала анкету в Институт Библиографии США на мою книгу «Знаменный распев», попавшую во Всемирную 8-ку лучших книг года. Запрос Псковское Епархиальное Управление послало, когда уже вышел срок!!!

27 марта Зоя отремонтировала полотняные хоругви, выброшенные на свалку попами Виктором Кухаревым и Стефаном.

2 апреля Викторину посвятили в сан игумении.

17 июня нашу певчую Полю из д. Рогово парализовало, через несколько дней она умерла. Мы хоронили ее всем клиром. Это была последняя певчая из моего бывшего хора.

27 июня на Ольгу Российскую меня наградили орденом Прп. Сергия. Служил в соборе еле-еле. Счел своим долгом быть на молебне, который проходил на улице у собора. Солнце палило нещадно. Зоя потом приводила меня в чувство. Лежал на куче скошенной травы, а Зоя вокруг меня хлопотала.

**15 мая 1999 года.** День моего Ангела. Были Тамара, Вера, Яна и московские. 22 человека за столом. 21 июня благодарственный молебен — 7 лет служения Зои в храме. 8–15 июля Зоя и Саша (ныне о. Александр) мыли стены в большом храме.

22 июля провел беседу «О религии» в бывшем пионерском лагере для трудновоспитуемых подростков по приглашению начальника Сапогова.

23 июля совершил панихиду при перезахоронении воинов, павших в 1944 году за Ершовом. Все мои вчерашние слушатели были здесь и подошли под благословение.

15 сентября 1999 года ко мне пришли познакомиться трое инициаторов по восстановлению Спасо-Елеазаровского монастыря во главе с Татьяной — будущей игуменией Елисаветой.

27 сентября 1999 года освятил колодезь на нашем огороде.

8 декабря. Все дни я писал, а Зоя печатала «Духовную жизнь».

1 февраля 2000 года приобрели слуховой аппарат.

**10 марта вышла книга «Духовная жизнь».**

15 июля 2002 года. Приехал Валерий Геннадиевич Носков. Он разобрался в моих таблицах в «Грамматике Знаменного пения» и преподает по моим книгам. Сам он готовит к печати полный кокизник знаменного пения. Занимался знаменным пением с сестрами Елеазаровского монастыря, пока жил у нас. Они его очень полюбили.

**25 августа 2002 года. Умер о. Николай Гурьянов.**

**На этом записи о. Бориса заканчиваются.**

**Р.С. Отец Николай говорил отцу Борису: «Приедешь меня хоронить». Так и получилось. Отец Борис уже плохо передвигался с двумя палочками, и его носили по острову в дачном металлическом креслице. Так он и проводил в последний путь своего духовного друга и собеседника.**

## ПРИЛОЖЕНИЯ

### В ДНИ ПОСЛЕ КОНЧИНЫ СПУТНИЦЫ ЖИЗНИ ПРОТОИЕРЕЯ БОРИСА МАТУШКИ МАРИИ

#### Надгробное слово

В день погребения моей матушки  
26 ноября 1973 г.

Дорогие мои собратья священнослужители!  
Дорогие прихожане и богомольцы!

Сегодня мы с вами хороним нашу матушку, не мою только, но вашу общую мать, как сама она часто любила себя называть.

Покойная прожила на земле 87 лет, 20 из них протекли здесь у вас на глазах. Многим из вас известные и добрые дела покойной, и человеческие слабости ее (ведь мы хороним не Святого, а простого смертного человека). Но никто не знает ее так, как я, проживший с нею в супружестве 40 и знавший ее до нашего супружества в течение трех лет.

Ее духовные качества, достойные подражания, известны многим из вас. Твердая вера и несомненная надежда на Всевышнего, самоотверженное служение благолепию и состоянию храма Божия, пламенная ревность о славе Божией и чистоте Святого Православия, бескорыстие и презрение к деньгам, строгое целомудрие, преданность к уставам Св. Церкви и благочестивым обычаям воспитавшей ее родной семьи, благоговейное почитание родителей, бережливость, любовь к живым существам (животным и растениям), любовь к храму Божию до готовности на любой подвиг, духовная и житейская рассудительность, ласковое и приветливое обращение — вот то, что украшало ее долгий жизненный путь, путь сплошного подвига служения Богу, Церкви и ближним.

Все эти качества за время нашей совместной с ней жизни она всячески старалась привить и мне, чем я обязан

прежде всего и главным образом только ей одной, от которой, образно говоря, вторично родился 40 лет назад.

В детстве я часто слышал от людей взрослых, что в книгах написано не то, что бывает на самом деле в жизни, что по книгам жить невозможно. Когда я встретился на жизненном пути с ней, я воочию убедился, что по книгам можно жить, и не надо непременно быть Святым для этого, о которых пишут в книгах.

Она всегда внушала мне словом и делом искать прежде всего Царствия Божия. Мы часто любили говорить о смерти, и она неоднократно заповедовала мне идти неуклонно избранным путем и, если останусь один, продолжать ее путь жизни, и я неоднократно твердо обещал ей блюсти все ее заветы и продолжать ее образ жизни, если Господь призовет ее раньше меня. И вот теперь у ее гроба я торжественно подтверждаю перед всеми вами это мое, данное ей обещание — неуклонно следовать по ее стопам в моей духовной церковной и домашней жизни, свято соблюдать все, ею заповеданное мне о укрепляющей меня помощи Свыше. Нас было двое, теперь стало двое в одном. Она отныне образом ее жизни будет жить во мне. Я говорю вам об этом для того, чтобы могли мне напомнить об этом, если я по каким-то причинам уклонюсь от сказанного мною. Возможно, вам будет теперь труднее со мной: взяв на себя этот крест, я должен быть строже и к себе самому, и к вам в моем служении, если все вы будете мне в этом содействовать, а не мешать, тогда только я смогу исполнить то, что обещаю. Поэтому я призываю всех вас разделить со мной это бремя по мере возможности.

Один из батюшек в своем слове заметил, что покойная любила Слово Божие. Да. Это так. Она ежедневно, после утренней молитвы прочитывала главу из Евангелия в течение всей своей долголетней жизни. Пойдемте же все вместе сим путем, указанным в этой Божественной книге.

Мир праху твоему, моя дорогая спутница жизни. Вечный покой в Боге да будет твоей любящей и глубоковерующей душе.

Его Высокопреосвященству,  
Высокопреосвященнейшему ИОАННУ:  
Митрополиту Псковскому и Порховскому  
(от) настоятеля Свято-Духовской церкви  
с. Толбицы Псковского района,  
протоиерея Бориса Николаева

## ПОЧТИТЕЛЬНЕЙШИЙ РАПОРТ

С великим прискорбием и болью в сердце имею долг донести Вашему Высокопреосвященству, что вчера 22 ноября с.г. в 8 ч. 55 м. вечера отошла в загробный мир моя матушка Мария, беззаветно преданная Вашей Святыне почитательница и моя спутница в духовной жизни. Она оставила здешний мир на 88-м году от рождения, завершив свой путь духовного подвига и трудов на благо Св. Церкви непродолжительной, но тяжелой телесной болезнью (воспалением легких).

19 числа сего месяца она была мною напутствована Исповедью и причащением Св. Христовых Таин.

Исполняя последнюю волю почившей, почтительнейше прошу Ваше Высокопреосвященство помолиться об упокоении ея души и, если возможно, назначить священнослужителя на погребение, так как сам я по состоянию здоровья и общедушевному обычному в подобных случаях состоянию не смогу принять участие в богослужениях.

Вашей Святыни почитатель и богомолец

23 ноября 1973 г., с. Толбицы      *Протоиерей Б. Николаев*

**Письмо секретаря Совета МДА протоиерея  
Алексия Остапова**

*Дорогой о Господе отец Борис!*

*Прошу Вас принять самое искреннее братское соболезнование в постигшем Вас горе — кончине жены и друга. Больно было читать Ваши строки. Но Вы настоящий христианин и пастырь и лучше меня знаете, что все совершается по воле Божией. Молюсь, как могу, о упокоении рабы Божией Марии, запишем ее имя и в Академический Синодик. Господь да упокоит душу ее со святыми, а Вам да ниспошлет Свое утешение и крепость сил. Мужайтесь, дорогой отец Борис и не падайте духом. Испытание с Вашей работой все продолжают, но новый ректор, узнав от меня из Вашего письма о затянувшемся деле, «нажимает» на Матвеева; такого безобразия у нас в Академии еще не бывало, все сроки подачи отзывов давно прошли; оказывается, не был надписан том Матвееву, что я сделал. Думаю, что теперь уже скоро будут отзывы, хотя я знаю, что Вам сейчас не до этого, но честь Академии и полезность Вашего труда требуют, чтобы дело было завершено. Я верю в Вашу победу.*

*Вся наша семья сердечно Вам соболезнует. Помогите Вам Господь!*

5.XII.73 г.

*Сердечно Ваш Прот. А. О.*

**Письмо протоиерея Николая Гурьянова**

*Остров Залит*

*Боголюбнейший Батюшка о. Борис!*

*Шлю Вам свое душевное соболезнование о постигшем Вашу Святыню огненной печалью. Я вместе с Вами переживал огромное Ваше горе, и вместе с Вами молюсь к Сладчайшему Господу о новопреставленной р. Б. Марии, драгоценной Вашей Матушке. А она, в свою очередь, молится о моем достоинстве.*

*Милый мой Батюшка, я верю, Вам очень тяжело, и помогите, Господи, перенести этот удар. Однако в постигшем*

*нужно не забывать и Промысл Божий, ведущий наши немощи ко благу спасения. А посему, усугубим Св. молитву и наше пастырствование во Имя Христовой Церкви во красоту Святого Православия. Да будет так!*

*14/XII–1973 г.*

*Ваш брат о Спасителе Мира  
и недостойный Богомолец о. Николай.*

### **Письмо протоиерея Вениамина Румянцева**

*Дорогой о. Борис!*

*Получил я твое письмо печальное. Еще не раскрывал его, а прочитал, что наша Мария Ивановна отошла на вечную жизнь. Дорогой друг отец Борис, разделяю с тобой эту скорбь, никогда незабвенную, вот я уже прожил без Матушки год, а как будто это случилось вчера, и каждый день сто раз помянешь свою потерю. Вот дорогой, как ты пишешь, что жизнь наша кончилась, так и я с тобой согласен, что ближе человека нет как своя Матушка. И сказать некому, и разделить радость и горе нет с кем, одно утешение осталось поплакать на молитве перед образами Спасителя и Божией Матери, и излить свою печаль. Будем, дорогой, молиться о упокоении Марии и Елены. Помоги тебе Господи и укрепи в твоём одиночестве, Господь нас посетил и напомнил, что и вы будьте готовы и вы не бесмертны, это наши с тобой предвестники.*

*У меня живет старушка: готовит и по дому убирается, все же с ней поохотне, а одному мне трудно, потому что дел много.*

*До свидания. С любовью. Вениамин.*

*Не беспокойся. Как поминал о здравии, так буду помянуть и о упокоении раб. Божию Марию. Это наша с тобой святая братская обязанность.*

*Марии Ив. будет 40 дней 31 декабря*

*А Елене Ив. будет год 27 декабря*

*Будем творить поминовение*

**Завещание моей ныне покойной матушки, которое она давала мне устно в последние два года ее жизни (воспроизведено по памяти после ее кончины)**

1. Говори как можно меньше (это она часто повторяла последнее время).

2. В большие начальники не лезь: ты не гож туда по своему характеру. Тебя притешат, похвалят — ты и рад... Возьмешься, а потом — как узнают твое все «детское» — и выгонят, как это уже и было. И пойдешь ты опять скитаться, как скитался до 17 лет.

3. Вот возьмут тебя в Лавру, поставят служить молебны у раки Преподобного на целый день — ты и сбежишь.

4. Сейчас я радуюсь за тебя: не зря отдала я свою жизнь... Но боюсь за твой характер: чуть маленько ударят тебя в жизни посильнее — например, в Академии с магистерской твоей — и ты впадешь в отчаяние и можешь угодить к врагу...

5. Никуда из Толбиц не уходи: дал тебе Господь земной рай — живи в нем.

6. Доживай потихонечку свой век: ведь ты теперь — дедушка. Если ум не потеряешь — жить можно очень хорошо.

7. Не будь таким, как мама (отчаяние, нытье, слабость).

8. Учись от меня по хозяйству. Останешься один, так и веди его, и тебе будет легко и не скучно жить на свете.

9. Если по-маминому станешь жить, то все бросишь и будешь бобылем жить. Но как бы хорошо было бы, если бы смог ты продолжать мое: и интерес в жизни и время пролетит быстро и незаметно.

10. Похоронить меня (как всегда я говорила всем) мыть много не надо»: «бабы как-нибудь вымоют» (это в последние дни сказано), одеть в «смертное» (венчальное), которое в сундучке лежит, и туфли обязательно. Сам не отпевай, а то начнешь и заплачешь. Пригласи своего друга (он и духовник твой теперь) о. Василия Димитриевского, а если он откажется, — о. Алексея Макарова, а сам будь хозяином, не раскисай, ибо если ты не исполнишь моей просьбы, никто другой кроме тебя этого не сделает, а ты потом всю жизнь жалеть будешь.

11. Иконочку «Явление Б.М. Преподобному Сергию» пусть положат мне в гроб.

12. Если будут хоронить в большой праздник — поставьте гроб в притворе: каждый мимо пойдет и помолится, а то будут глазеть всю службу на меня.

13. Венков и цветов никаких не надо.

14. Гроб пусть сделают великопольские мужички, но вина ни им, ни на обеде чтобы не было: заплати им деньгами, и богато заплати. А потом, через год, в какой-нибудь мой праздник (Михаил или Николу) позови всех по возможности близких мне мужичков (и Ивана Павловича и Ивана Васильевича) и угости их вином в память моего праздника.

15. Гроб покройте моим большим черным платком, и пусть он пойдет на покров другим, кто пожелает. Нашейте крест и отделки сделайте, и освятишь его.

16. Похороните на выбранном мною месте в уголке справа от алтаря под вербиной: мне будет слышно всегда пение с клироса.

17. Обед делайте обязательно. Делайте обед хороший (у тебя всего много), но только без вина.

18. Гроб, если можно, покрасьте в синий цвет. Сам сделаешь на могиле деревянную оградку.

19. Тело — как одежда или отрезанный ноготь: отделилось от души — и оно уже не то, что было прежде.

20. Я, может быть, приду посмотреть, как ты живешь, и буду радоваться, если у тебя все хорошо идет, если не забудешь моих слов. Ты меня не бойся. Но видениям не верь никаким: это вражье. Такая «Манюша» явится, что...

21. Вещи не раскидывай сразу куда попало, а придется случай, кто будет нуждаться — и отдашь. Деньги по церквам не развози, только сорокоуст в соборе закажешь. Пьяницам не подавай, а придется на доброе дело — дай, не жалей. Зря не раскидывай копейки: выйдешь на пенсию, куда пойдешь, если доживешь? А если государству достанутся — пусть. Ведь там люди.

22. Шить без меня тебе некому будет. Купишь в магазине новое белье и носи. Наше теперешнее барахло никому стирать отдать нельзя, а ряс и подрясников тебе на век хватит: береги их.

23. Машину швейную Мане отдай моей (она в нашем еще доме справлена), а если не возьмет — научись сам шить: все занятие будет.

24. На похороны Маню не вызывай. Не беспокой. Потом напишешь. У ней теперь новая родня, внуки. И я бы на ее месте тоже... Когда там папины сестры были: я уж и забывать стала их... давно ведь.

25. Мое черное платье отдай Марусе: она в храме убирается. А если коротко — можно надставить. Хочу, чтобы оно в церкви всегда было.

26. Возможно, ты меня скоро забудешь. Поплачешь первое время... Как только меня не станет — явится много из разных городов и мест: важных, культурных, образованных, ласковых: только все это не надолго... Помнишь мстерскую Марию Михайловну?

27. Жить никого к себе не бери: в моей родне все дряхлые. Хорошие старушки всем нужны: их не отдадут свои, а барахло — сам понимаешь... Слепая Феклуша моя, а ведь не пустят ее.

28. Вообще, одну никакую не бери, а уж если брать, так двух-трёх. Как, например, Зина и Ньюша. Но таких пока нет. Если нужно — Господь Сам пошлет. Для церкви человек необходим постоянный.

29. В церкви веди свой устав и порядок. Будь отцом и пастырем. Служи Богу и людям, как Святые Отцы учат. Строго держись их заповеди.

30. Никогда не ругай своих чад: ведь это дети наши глупые, а не друзья, на которых можно обижаться.

31. Если сможешь — борись и стой за Православие, за истину, за правду. Ведь ты писал книгу по Златоусту, так? А сделали с ним? Не бойся мучений. Кончишь мучеником — буду радоваться там.

32. Я, если будет можно, буду молиться о тебе, чтобы не погиб, чтобы не сбился с пути. Если будешь помнить меня — все будет хорошо.

33. О магистерке своей не «трепись» (не волнуйся/Б.Н./). Подал... Как хотят. Ничего не переделывай: за чем тебе чины накануне смерти?

34. Останешься один — будешь за Пухом ухаживать: покупать ему рыбу, колбасу, будешь с ним «беседовать». Только ты его и так уж испортил: стал не похож на кота...

35. Праздники делай свои, как при мне: тебе будет приятнее: лучше, чем на чужие надеяться. Научись — и все будет хорошо.

36. Послушай иногда, что и там говорят — в Москве и других городах (радио/Б.Н./), только не привязывайся: тебе «царем» не быть. А послушать можно, особенно если что духовное, церковное там...

37. Читай каждое утро молитву Ангелу Хранителю акафистную: там хорошо сказано об отчаянии, о падениях смертных грехов.

38. Вина крепкого (водки) граненую рюмочку кстати к делу — после бани, с дороги, в праздники, после всеобщей и от простуды — всегда можешь пить без вреда, но если станешь пить больше, то лучше «прикончи» вино совсем и не пей нисколько.

39. Толбицкий свой храм береги. Но если прихожане его закроют, и ты будешь в силах — без дела не сиди и от службы не отказывайся.

40. На могилку ко мне будешь ходить часто. Когда какая скорбь, когда мимо пойдешь: это тебе утешение.

41. Молись за меня сам: ты знаешь все мои тайные и явные грехи. Других не заставляй молиться, особенно за деньги: это не молитва.

42. Не затрудняй народ в церкви лишним раз большими проповедями и вообще меньше говори проповедей. Им это не интересно. Народ только тяготится и ждет, скоро ли кончишь. Говори как можно короче и вообще реже говори, чтобы слушали с охотой, а не с тяготой.

43. На письма всем отвечай. Старших себя поздравляй с праздником первый, а так не беспокой людей своими письмами.

44. Вот схоронишь меня, и будешь повсюду ездить, но лучше, если будешь больше сидеть дома.

45. Мама моя говаривала: «Как с дружкой ни водись, а камешек держи за пазухой». В дружбе надо быть не только осторожным, но и не увлекаться ею чрезмерно: как видишь, что сильно задружил, так сразу дальше старайся, тогда дружба будет и прочной и хорошей, а иначе она скоро может превратиться во вражду. Сильная дружба остывает.

46. О друзьях своих говори как можно меньше: не болтай о них всем.

47. Кто людей не стыдится, тот и Бога не боится. Смотри, чтобы люди не сказали о тебе плохо вправду. Клеветы

не бойся. «Напраслица свалится, а былица явится», — моя мама говаривала так.

48. Не открывай ворота (душу) всем и каждому: много на свете людей злых, хитрых, лицемерных: «всех люби и всех беги» (пословица).

49. В монахи не ходи: монашества теперь нет давно уже, да ты туда и не гожи. Живи по-монашески дома. Будь перед Богом монахом. Доживай свой век как есть. Не долго теперь жить осталось. Дай Бог, если доживешь до маминих лет.

50. «Умирать собирайся, а поле сей» (пословица). Не живи спустя рукава, всегда наготове будь. Ведь не в городе живешь, в магазин не сбегашь. В любое время к тебе может вернуться человек и может быть очень дорогой и долгожданный. Смотри, чтобы было чем принять и угостить человека. Ведь сам-то любишь, когда принимают тебя.

51. Дурные мысли прочь гони. Смотри за собой, за своими нервами, когда находит раздражение и жестокость: это иногда бывает у тебя. Это худые минуты: скажешь слово — не вернешь, а то и ударить можешь и убить живое существо. Враг может и на человека руку поднять, а потом?.. Бойся этих минут и смотри за собой в оба.

52. Не знаю, чем отблагодарить мне Настеньку свою за все ее труды и заботы обо мне. Денег не возьмет, а тряпок у ней и своих хватает, да мои платья ей и не по росту...

53. Начальство почитай все. Особенно Владыку нашего: все вы не стоите его подметки. Раньше много было таких людей, теперь все делается меньше и меньше. Никому не груби, всех привечай.

54. Ни в какую другую веру не бросайся. Наша вера самая правильная: так она и названа «Православная», лучше ее нет. Но и не хули другие веры: кто в какой родился, тот пусть и живет в ней.

55. Земля наша (мир) — это большая деревня, а разные государства — жихари. Одна семья больше, другая — меньше, одна богаче, другая беднее, одна дружная, а другая скандальная. Дружная семья та, где ничего не выходит за стены дома. Не есть та невестка, которая ходит по соседям и жалуется на свекровь, то не дети, что жалуются по соседям на отца и мать. Соседи иногда ссорятся, а иногда и

друзжат. Но ни один не пожелает соседу так, как себе самому. Семейные нелады и недостатки они стараются всегда использовать для упрека во время перебранки, да для сплетен на завалинке в праздник, и только... С детства мы, ребята, привыкли считать наш дом самым лучшим и родителей самыми умными и самыми красивыми в деревне. Вот так же и тут. Пусть те и хорошие, да они чужие. Нам нечего делать за границей, если бы даже и стали нас туда звать. Потерять родную Россию — все равно, что умереть. Я знаю, что значит жить на чужбине — даже в чужой губернии. Не соблазняйся на Платоновых и Павлюхиных: пусть наши и хуже их, но они родные, а те — чужие для нас.

\* \* \*

**О. Борис был очень требователен к себе. Его внутренне сосредоточенная, собранная духовная жизнь проявлялась и во внешних правилах. С юных лет он завёл обычай составлять себе правило-устав на каждый пост. И в преклонных годах он старался сохранять строгий распорядок своей повседневной жизни.**

## **«Ключ» или руководство к распорядку дня на 1974 г.**

### **Основные правила**

1. Надлежит знать, что обычный (будничный) подъем бывает в 5.00. Сюда входят: обычные утренние процедуры, проверка часов и температуры воздуха дома и на улице и смена календарного листка обоих календарей. Ранний подъем бывает в дни церковных служб и праздников.

2. Домашнее утреннее правило в обычные дни состоит из утренних молитв (по каноннику), рядового зачала из Евангелия, акафистной молитвы Св. Ангелу Хранителю и одной кафизмы поминовения с обычными молитвами (по келейной Псалтири). В дни служб — «правило готовящихся».

Молитвы утренние начинаются непосредственно после утренних обычных процедур, не позднее указанного времени, а молитвы вечерние — перед самым сном.

Кафизма заупокойного поминовения совершается утром в 6.00 и вечером в 21.00 (момент кончины матушки). Обе кафизмы исполняются точно в свое время независимо от вечерних правил, которые в исключительных случаях могут быть совершаемы и до и после кафизмы.

Утренние и вечерние молитвы исполняются словесно (шепотом), а кафизмы — гласно (псалмодически).

Кафизмы поминовения совершаются в течение всего года и оставляются только в дни Св. Пасхи, когда они заменяются пасхальными молитвами.

3. Утренний чай бывает в обычные дни. В дни отлучек (поездка в город и т.п.) он заменяется горячим завтраком. В дни праздников и церковных служб утренний чай оставляется.

4. «Свободное время» бывает утреннее (между завтраком и работой на кухне), дневное (между обедом и дневной топкой) и вечернее (между полдником и вечерней топкой к ужину).

Для заполнения свободного времени составляется список предстоящих дел по дому или по храму, а накануне каждого дня вопрос решается определенно.

5. Время, оставшееся от домашних молитвенных правил, используется для чтения Св. книг, творений Св. Отец или др. духовных книг.

Свободное время дней праздничных (утреннее, дневное, вечернее) употребляется на отдых, чтение книг, газет и прослушивание радиопередач (см. п. 21).

Чтение и прослушивание радиопередач в дни простые (будни) бывает только в тех случаях, когда нет домашних дел.

6. Утреннее приготовление пищи (работы на кухне) в дни обычные (будни) начинается в 9.30, в дни церковных служб, праздников (без служб) — в 6.30. Также и в дни отлучек в 6.30. В эти дни топится обычно большая (русская) печь с тем расчетом, чтобы топка была закончена к 7.30.

7. Обед в обычные дни бывает из 2–3 кушаний не ранее 11.00 и не позднее 12.00. Состав кушаний (меню) — по календарному списку.

В дни великих праздников и церковных служб, а также в дни, связанные с особым воспоминанием о покойной матушке (дни особо ею чтимые), трапеза составляется по заведенному ею порядку и издавна установившимся в доме обычаям в рамках общецерковного Устава (посты и постные дни). Обед состоит из 3–4 кушаний (блюд).

8. Послеобеденный отдых бывает от 30 мин. до 1-го часа.

9. Дневная топка бывает по мере надобности (смотря по температуре).

10. Полдник бывает в простые дни в 15.30, а в праздничные — в 16.00 и может отодвигаться в зависимости от времени обеда (интервал 4 часа).

11. Посещение могилы бывает в утреннее и вечернее «свободное время», а также в любое время, смотря по надобности.

12. Вечерняя топка (на ужин) бывает в обычные и праздничные дни в 20.30, в канун праздников со всеобщим — по окончании службы, в дни отлучек — в 19.50.

13. Ужин в простые дни бывает в ....., накануне праздников и в дни отлучек — в 21.30. Он состоит из остатков от обеда.

14. Вечернее молитвенное правило в дни обычные (простые) бывает в 20.45, а накануне дней праздничных — по окончании всеобщей или, если ее нет, — до ужина. Оно состоит из вечерних молитв (по каноннику), кафизмы (исполняется в свое время) и канонов приготовления в канун праздничных и служебных дней.

### **Общие правила**

1. Посетители, гости и прихожане, явившиеся с требованиями, в особенности если они люди духовные или вообще верующие, в необходимых случаях должны быть ознакомлены с распорядком дня. Хотя гостеприимство — дело любви — предпочитается Св. Отцами посту и молитве, однако без особой нужды никаких изменений в распорядке дня в связи с их присутствием не следует допускать. Также и в домашнем хозяйстве без «благословенной вины» (без нужды) никаких изменений в связи с их присутствием не должно быть, кроме режима питания. Свободное время все целиком используется на дела гостеприимства.

Молитвенное правило, в особенности кафизмы, остается неизменным.

Во избежание излишних праздничных бесед, посетители (соседи) приглашаются к участию в трудах по хозяйству.

2. Отлучки из дома и поездки без «благословенной вины», в особенности посещения соседних домов ради провождения времени, в простые (будни) дни исключаются.

3. Часы домашней молитвы и церковных служб являются основой распорядка дня: на них ориентируется весь ход прочих дел дня.

4. Во всем домашнем хозяйстве неизменно сохраняется и действует порядок, издавна установленный в доме покойной матушкой, и никаких изменений и самовольного вмешательства со стороны посторонних «хозяек» не должно быть.

5. Прослушивание радиопередач на 1974 траурный год сокращается до минимума, в который входят: 1) все церковные и общерелигиозные передачи; 2) краткая необходимая информация текущих событий; 3) прочие назидательные передачи (исторические, хозяйственно-бытовые, медицинские и т.п.). Полностью исключаются: песни, музыка, политика, критика, полемика, увеселительные и развлекательные передачи.

6. Праздничными считаются дни воскресные, двенадцатые, великие и особо почитаемые в доме праздники (напр., 25 января и пр.).

7. Во всех недоуменных вопросах и непредусмотренных случаях прямым руководством служит ее устное «Завещание», данное в последние два года жизни (см. их запись).

**ИЗ ПЕРЕПИСКИ ПРОТ. БОРИСА ПО ВОПРОСУ  
ЗАЩИТЫ МАГИСТЕРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ  
«ЗНАМЕННЫЙ РАСПЕВ И КРЮКОВАЯ НОТАЦИЯ  
КАК ОСНОВЫ РУССКОГО ПРАВОСЛАВНОГО  
ЦЕРКОВНОГО ПЕНИЯ»**

**Письмо секретарю Совета МДАиС  
протоиерею Алексею Остапову**

Дорогой о. Алексей!

На днях получил я от Вас рецензию на мою работу, исправленную мною (вернее — испорченную) под давлением бывшего руководства Академии, изучил ее, как мог, и не понимаю, для какой цели мне ее выслали.

Дорогой собрат! Не я ли писал Вам в первых моих письмах... Какой из меня магистр? Учился в другой Академии, заочник и, главное, сельский священнослужитель. Так все и вышло. Нельзя, оказывается, выдавать желаемое за действительное. Видно было сразу, что мои цензоры взяли курс на бесконечное переделывание работы.

Всякое новшество вызывает отрицательную реакцию, это давно известно. Но моя работа не актуальна: она, мягко говоря, неэкуменическая и не модная вообще. Это можно было судить по репертуару духовного концерта, записанного на пластинки. Я никогда не стал бы за нее браться, если бы получил эти пластинки раньше, года на 4–5. При таком положении вещей, с одной стороны, и по состоянию своего здоровья, с другой стороны, я не считаю себя способным защищать данную диссертацию. Не говоря уже о переделке, которую требуют они. Матвееву прошу передать мое извинение за беспокойство, и пусть не старается писать свой отзыв. Я твердо решил работу взять обратно, о чем на днях отправлю прошение на имя Ректора и Совета Академии. Известный Вам семейный удар значительно расстроил мое здоровье. Моя нервная система расстроена настолько, что всякая обидная или скорбная мысль вызывает слезы, не говоря уже о словесных оскорблениях и клеветнических выпадах, с которыми неизбежно связана защита диссертации при современном отношении к ней цензоров.

Благодарю Вас лично и всех, кто оказал мне помощь и содействие в этой работе. Я многое получил и этого мне вполне достаточно для сей и будущей жизни, к которой я, мне кажется, близок по своему внутреннему и физическому состоянию.

Простите меня и помолитесь  
Неизменно Ваш

26/X. 1974 г.

*Протоиерей Б. Николаев*

### **Письмо архиепископу Дмитровскому Владимиру (Сабодану), ректору МДАиС**

Ваше Высокопреосвященство!

Разрешите в последний раз обратиться к Вам. Состояние здоровья, значительно ухудшившееся после перенесенного год назад сильного потрясения в моей жизни, а равно и неблагоприятная ситуация, сложившаяся вокруг моей злополучной диссертации, заставили меня подать в Совет Академии прилагаемое при сем прошение. В порядке пояснения считаю своим долгом изложить вопросы, поставленные самой жизнью за время пятилетнего «чтения» моего труда в Академии.

1. Нужна ли эта работа вообще?
2. Нашла ли Академия в этой работе характерные признаки богословской диссертации?
3. Можно ли считать рецензиями крючкотворство, изложенное рецензентами на пятидесяти листах?
4. Существует ли предел для переделывания диссертаций?
5. Могут ли рассматривать богословские диссертации лица, не имеющие звания доцента и, даже, вообще богословски не образованные?
6. Может ли преподаватель, освобожденный от занимаемой им должности, выступать в качестве официального рецензента?
7. Обязан ли автор диссертации беспрекословно повиноваться рецензентам, или он должен писать и мыслить самостоятельно?

8. Могут ли рецензенты диктовать свою волю ректору и совету?

9. Возможно ли в данной обстановке защищать диссертацию при теперешнем состоянии моего здоровья?

Мне кажется, что на все эти вопросы ответ может быть только отрицательный. Поэтому, оставаясь при своих убеждениях, изложенных в диссертации, прошу дать законный ход приложенному прошению.

Прошу Ваших Св. молитв и благословения.

*10 декабря 1974 г.*

*Протоиерей Б. Николаев*



## ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЙ

30 декабря 2005 г.  
№ 8006

119034 Москва, Чистый пер. 5

**ЕЕ ВЫСОКОПРЕПОДОБИЮ  
ИГУМЕНИИ ВИКТОРИНЕ,  
НАСТОЯТЕЛЬНИЦЕ БОГОРОДИЦЕ-РОЖДЕСТ-  
ВЕНСКОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ МОСКВЫ**

**Ваше Высокопреподобие,  
Досточтимая Матушка Игуменья!**

Получив известие о кончине протоиерея Бориса Николаева, духовника вверенной Вам обители Первопрестольного града нашего, выражаю искреннее соболезнование и сочувствие Вам и сестрам монастыря, всем родным, близким и духовным чадам покойного.

За годы своей жизни, насыщенной многими событиями и свершениями, о. Борис усердно потрудился во славу Божию и на благо Русской Православной Церкви, снискал любовь и уважение многих людей. Он многие десятилетия с любовью совершал службу Божию, тщательно исполнял порученные ему послушания, посему его труды не раз по достоинству отмечались церковными наградами. Вся жизнь покойного – достойный пример служения Церкви.

Ныне Господь призвал в обители небесные ревностного труженика, много сделавшего для возрождения церковной жизни, сохранившего веру и верность своему призванию в нелегкие годы.

Молюсь Владыке жизни и смерти Господу нашему Иисусу Христу о упокоении Своего верного служителя в селениях небесных, «где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания, но жизнь безконечная».

Вечная память новопреставленному протоиерею Борису.

**ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ  
И ВСЕЯ РУСИ**

## ПОЗДРАВЛЕНИЯ

### **Протопопу Борису от Псковских единоверцев:**

Дорогой отче, примите наши сердечные поздравления с Днем памяти Святых князей русских, братьев по плоти Бориса и Глеба. С великой радостью поздравляем Вас, отче, с долгожданным и почти чудесным напечатанием новой Вашей книги, посвященной истинному древнеправославному Знаменному пению: Ваш труд станет прекрасною помощью нашей возрождающейся Единоверческой общине в изучении сего дивного искусства служения Богу: Молимся пред Ним о Вашем здравии и многих годах на благо Святой Церкви русской.

*Лета 1994 год, месяц май, во 2-й день*

Уважаемый отец протоиерей Борис!

Сердечно поздравляю Вас с 50-летием безупречного служения церкви Христовой.

Благодарю Вас за то добро, сострадание и любовь, которые Вы несете людям в это беспокойное время.

Желаю Вам крепкого здоровья, долгих лет жизни и творческих успехов на благо жителей Псковского района и Российского государства.

С глубоким уважением,  
Глава Псковского района

*28.10.2001 г.*

*В.В. Сукманов*

Дорогой наш батюшка и Зоя!

Поздравляем Вас с праздником Светлого Христова Воскресения!

От всего сердца желаем, чтобы Господь даровал Вам здоровья, сил, любви и помощи ближних и чтобы благодатью Своею Спаситель управил Ваши дела на благо спасения сестер нашей обители и торжества Церкви Христовой.

Просим Ваших молитв

*2002 г.*

*Игуменья Викторина с сестрами,  
М. Даниила*

Христос Воскресе,  
Дорогой Батюшка!

Сердечно поздравляем Вас с Днем Ангела!

Путь земной Вашей жизни многотруден, исполнен забот и скорбей за Церковь и народ Божий, который и есть главное богатство России. Путь этот есть дорога в Царство Света и Любви, где все труждающиеся обретут покой и радость в Господе.

Ваше богатство в недрах Вашей души, которую Премудрый Господь украсил добродетелями смирения, искренности и правды. Люди, соприкасаясь с Вами и черпая любовь из источника Вашего сердца, укрепляются в вере и добре.

Дай Господи, чтобы священный огонь веры и любви, который возжег Господь в Вашей душе, и нам указывал путь в нашем земном странствии. Добрый наш пастырь и отец, Вы всегда будете для нас примером горячей любви к Богу и служения Ему.

Многая Вам и благая лета.

Испрашиваем Вашего Благословения и молитв.

С любовью и благодарностью,

15.05.2002 г.

*Настоятельница Спасо-  
Елеазаровского монастыря  
Монахиня Елисавета с сестрами*

**Стихотворные поздравления сестер  
Богородице-Рождественского и Спасо-Елеазаровского  
женских монастырей.**

\*\*\*

О Неба и Земли Царице!  
Прими мольбы твоих рабов,  
Как лепты некогда вдовицы  
С любовью принял Царь Веков.  
К Тебе с молитвой прибегаем  
Немногословной и простой:  
Отца родного, умоляем,  
Своею милостью покрой.  
Он у Престола Благодати  
С полвека Богу предстоит

За нас, о Всеблагая Мати,  
Молитву теплую творит.  
Избранием его почтила  
Ты в день сей праздника святой  
И души верных поручила  
Вести спасительной стезей.  
Любовь отца нам открывает  
Христов неизреченный Свет.  
Покрой его, о Всеблагая,  
И сохрани на много лет!

Монахиня Серафима  
Богородице-Рождественский Монастырь  
28.10.2001 г.

\*\*\*

Наш добрый пастырь, наш родимый  
И бесконечно дорогой...  
Кем будем мы еще любимы  
Так, как любимы мы тобой.  
Кто обогреет наши души  
И к покаянью приведет,  
Мы с Вами делаемся лучше,  
И легче груз нести невзгод.  
Вы нам пример любви Христовой  
И светлой памяти о том,  
Что в новом веке жизни новой  
Мы все соединимся в Нем.  
Живи же долго пастырь добрый,  
Нам во спасение ты дан,  
Когда нам трудно или скорбно,  
То ты как лучик светишь нам.  
Любовь твоя горит пред Богом,  
Как негасимая свеча!  
Дай, Господи, и нам убогим  
Свершить, что ты нам завещал.  
Ты дан нам грешным в назиданье,  
Ты — благочестия венец!  
О, как прожить нам подражая  
Тебе, о добрый наш отец.  
Наш добрый пастырь, наш родимый,

Ты в утешение нам дан.  
И мы у Господа любимы,  
Раз ты дарован Богом нам.

Сестры Спасо-Елеазаровского Монастыря

**Посвящается Митрофорному протоиерею  
Борису Николаеву, нашему духовному отцу.**

### **Спорительница Хлебов**

В безбрежной лазури среди облаков  
Виденьем святым в небесах  
Явилась Царица над златом снопов  
Пречистая — в славе лучах.  
Узрел преподобный Ее в вышине  
Склонившую любящий взор  
К трудам всех живущих на скорбной земле,  
В золотой облаченной убор.  
Явила Владычица старцу Свой Лик  
И образ грядущих трудов,  
Над нивой Своей простирая в тот миг  
Любви благодатный Покров.  
И ныне, как прежде, икона хранит  
Святую Небес благодать:  
За землю с мольбою всегда предстоит  
Пред Сыном Скорбящая Мать  
«То жатва поспела, да делатель где?»  
И вот материнской рукой  
Избранного Богом ведет к высоте  
В мир Горний по ниве земной.  
Тот делатель верный пред Богом Святым  
Под сводом Его Алтаря  
Ходатаем стал у незримой черты,  
О нас умоляя Царя.  
Наш любящий пастырь и добрый отец,  
Усердный служитель Христов,  
Ваш труд не напрасен на ниве сердец:  
Любовь порождает любовь!

Богородице-Рождественский Монастырь  
28.10.2004 г.

## КНИГИ, НАПИСАННЫЕ ПРОТОИЕРЕЕМ БОРИСОМ

1. Богословие пяти чувств. М.: Богородице-Рождественский ставропигиальный женский монастырь, 1998.

2. Догматики и антифоны знаменного распева, употребляемые в православном богослужении и выраженные в безлинейно-крюковой и общемузыкальной нотациях. М.: Богородице-Рождественский ставропигиальный женский монастырь, 2000.

3. Духовная жизнь как предначатие жизни вечной. М.: Богородице-Рождественский ставропигиальный женский монастырь, 2002.

4. Знаменный распев и крюковая нотация как основа русского православного церковного пения. Иосифо-Волоцкий монастырь, 1995.

5. Толковая грамматика знаменного пения. Псков, 1995.

6. Песнопения службы Святым Царственным Страсто-терпцам: Императору Николаю, Императрице Александре, цесаревичу Алексею, великим княжнам Ольге, Татиане, Марии, Анастасии, распетые большим знаменным распевом. М.: Богородице-Рождественский ставропигиальный женский монастырь, 2005.

7. Храм и Церковь в наши дни. М.: Богородице-Рождественский ставропигиальный женский монастырь, 1997.

## УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН

**АЛЕКСИЙ** (Симанский) I, Патриарх Московский и всея Руси (1877–1970). В 1904 г. окончил МДА со степенью кандидата богословия. 28 апреля 1913 года хиротонисан во епископа Тихвинского, викария Новгородской епархии. 18 мая 1932 г. возведен в сан митрополита с титулом Старорусский. 11 авг. того же года стал титуловаться митрополитом Новгородским и Старорусским. 5 окт. 1933 г. переведен на Ленинградскую кафедру с сохранением управления Новгородской епархией. Поместным Собором РПЦ 2 февраля 1945 г. избран Патриархом Московским и всея Руси. Скончался 17 апреля 1970 г.

**ВАРЛААМ** (Рященцев), архиепископ Пермский. В миру — Виктор Степанович Рященцев, родился 8 июня 1878 г. в купеческой семье Тамбовской губернии. В 1900 г. окончил КДА со степенью кандидата богословия. 13 января 1913 г. хиротонисан во епископа Гомельского, вик. Могилевской епархии. С 3 сентября 1923 г. — епископ Псковский и Порховский. С января по декабрь 1924 г. управлял Могилевской епархией. Год возведения в сан архиепископа неизвестен. С 13 июля 1927 г. — архиепископ Пермский. С 11 ноября 1927 г. уволен на покой. С декабря 1927 г. назначен временно управляющим Любимским викариатством Ярославской епархии. Скончался в 1942 г., в Вологде. В 1922–1923 гг. отпадал в обновленчество; при покаянии принят в РПЦ. Принадлежал к Ярославской оппозиции и с 6 февраля по 3/16 мая 1928 г. находился в отделении от митрополита Сергия.

**ВЕНИАМИН** (Румянцев), митрофорный протоиерей (1914–1991). Родился в крестьянской семье во Владимирской губернии. Диаконское, а затем священническое служение проходил во Владимирской епархии: во Мстере и Вязниках в сане диакона, а затем в г. Гороховце.

**ВЛАДИМИР** (Котляров), митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский (г.р.1929). В 1958 г. окончил ЛДА со степенью кандидата богословия. 30 декабря 1962 г. хиротонисан во епископа Звенигородского. С 12 мая 1987 г. — архиепископ Псковский и Порховский. Определением Св. Синода от 3 апреля

1990 г. решено именовать Преосвященного Псковского и Порховского впредь «Псковский и Великолукский». С 22 февраля 1993 г. митрополит Ростовский и Новочеркасский. С 27 декабря 1995 г. митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Активный участник экуменического движения.

ГАВРИИЛ (Абалымов), в миру Николай, епископ Осташковский, викарий Тверской епархии (1881–1958). В 1908 г. окончил КДА со степенью кандидата богословия. В 1918 г. — настоятель Ниловской пустыни Тверской епархии. 26 мая 1920 г. хиротонисан во епископа Осташковского, вик. Тверской епархии. С 1923 епархией не управлял. После освобождения из заключения и до 1946 г. проживал на покое в Ташкенте и других городах, затем в Сызрани. Прибыл в Псково-Печерский монастырь летом 1949 г. С 1954 г. проживал на покое в Успенском монастыре в г. Одессе. Последнее время проживал в Балтском Феодосиевском монастыре Одесской области и был настоятелем монастыря. Скончался 31 июля 1958 г.

ГАВРИИЛ Седмиезерский (Зырянов), Преподобный, в миру — Гавриил Феодорович Зырянов (1844–1915). В 1864 г. поступил послушником в Оптину пустынь. В 1875 г. в московском Высоко-Петровском монастыре получил постриг с именем Тихон (в честь Свт. Тихона Задонского). В ноябре 1883 г. прибыл в Седмиезерную пустынь, где подвизался 25 лет, здесь явился во всей своей полноте дар его старчества. Был пострижен 5 октября 1892 г. в схиму (с наречением прежнего имени Гавриил — в честь Архангела Гавриила). В феврале 1902 г. иеросхимонах Гавриил был утвержден Св. Синодом в должности наместника Седмиезерной пустыни. Через несколько лет схиархимандрит Гавриил переселился в Спасо-Елеазарову пустынь. За месяц до своей блаженной кончины приехал в Казань, здесь он почил о Господе 24 сентября 1915 г. Причислен к лику Святых в 1997 г.

ГЕННАДИЙ (Туберозов), епископ Псковский и Порховский. В миру — Туберозов Александр Владимирович (1875–1923). В 1904 году окончил СПбДА со степенью кандидата богословия и оставлен здесь преподавателем гомиластики и литургики. 27 сентября 1909 г. хиротонисан во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии. С 20 марта 1914 г. — епископ Нарвский, третий викарий С-Петербургской епархии. С 1919 г. епископ Псковский и Порховский. Арестован в августе 1922 г. После

освобождения поселился в Псковском Иоанновском женском монастыре, где скончался 18 мая 1923 г.

**ГРИГОРИЙ** (Чуков), митрополит Ленинградский. В миру — Николай Кириллович Чуков (1870–1955). В 1895 году окончил СПбДА со степенью кандидата богословия. В 1897 г. рукоположен в сан иерея и причислен к Петрозаводскому кафедральному собору. В 1918 г. протоиерей Чуков переехал на жительство в Петроград. 13 октября 1942 г. в Ульяновске пострижен в монашество с именем Григория, а на следующий день состоялась хиротония во епископа Саратовского. Архиеп. Григорий с первых же дней своего архипастырства стал одним из ближайших помощников митр. Сергия по церковно-патриотической работе. В июне 1942 г. архиеп. Григорию было поручено управление соседней Сталинградской епархией. В мае 1944 г. перемещен на Псковскую кафедру с титулом архиеп. Псковского и Порховского с поручением управлять также Ленинградской и Новгородской епархией. С 7 сентября 1945 г. назначен митрополитом Ленинградским и Новгородским, постоянным членом Св. Синода, оставаясь временно управляющим епархиями Псковской и Олонецкой. Согласно прошению 11 ноября 1954 г. освобожден от управления Псковской епархией и Псково-Печерским монастырем, а также Русскими Православными общинами и монастырями Финляндии. Скончался в Москве 5 ноября 1955 г. от кровоизлияния в мозг.

**ГУРЬЯНОВ** Николай, протоиерей (1909–2002). В 1928 г. окончил Гатчинский педагогический техникум и первый курс педагогического института в Ленинграде. Работал учителем и служил псаломщиком. Арестован в конце 30-х гг. Рукоположен в сан диакона 8 февраля 1942 г. 15 февраля того же года — в иереи. Первое место служения — Свято-Троицкий монастырь в Риге. С конца 1943 по 1958 г. — настоятель храма Святителя Николая в селе Гегобросты Паневежского благочиния Литовской ССР. В это время заочно окончил ЛДС. В 1958 г. переведен на служение в Псковскую епархию, в храм Святителя Николая на острове Залит, где прожил 50 лет. Скончался 24 августа 2002 г.

**ДИМИТРИЙ** (Рождественский), обновленческий архиепископ Владимирский. О датах рождения и образования сведений нет. В 1922–23 гг. уклонился в обновленческий раскол. 25 марта 1923 г. хиротонисан во еп. Лебедянского, вик. Тамбовской

епархии. С 10 мая 1923 г. — еп. Псковский. С 26 сентября 1923 г. — на покое. С 10 декабря 1924 г. — архиеп. Владимирский. Дальнейших сведений о нем не имеется.

ДОДОНОВ Б.С. — известный регент. Скончался в 1969 г. (Подробнее см.: ЖМП. 1969. № 12. С. 28.)

ЕВСЕВИЙ (Гроздов), архиепископ Нарвский и Изборский, в миру — Евстафий (1866 — после 1930). В 1890 г. окончил СПбДА со степенью кандидата богословия. В 1903 г. возведен в сан архимандрита и назначен ректором Ярославской духовной семинарии. 28 мая 1906 г. хиротонисан во епископа Угличского, викария Ярославской епархии. С 17 апреля 1912 г. — епископ Псковский и Порховский. 12/25 апреля 1918 г. возведен в сан архиепископа. Упоминается как проживающий в Гугенбурге и Таллине до 1928 г. Скончался после 1930 г., (по другим сведениям в 1929 г.).

ИОАНН (Разумов), митрополит Псковский и Порховский, в миру — Димитрий Александрович Разумов (1898–1990). 24 ноября 1924 г. пострижен в мантию с именем Иоанн. С 1928 по 1936 г. — иеродиакон в Успенском соборе г. Каширы. С 1936 г. — экономом Московской Патриархии в служении при Патриаршем Местоблюстителе. С 10 августа 1946 г. — наместник Св.-Троицкой Сергиевой Лавры. 30 ноября 1953 г. хиротонисан во епископа Костромского и Галичского. С 11 ноября 1954 г. — епископ Псковский и Порховский с правом настоятельства в Псково-Печерском монастыре. С 5 марта 1959 г. — епископ Берлинский и Германский и управляющий Псковской епархией. С 21 июня 1960 г. — епископ Псковский и Порховский. 25 февраля 1962 г. возведен в сан архиепископа. 9 сентября 1972 г. возведен в сан митрополита. 12 мая 1987 г. уволен на покой. Скончался 13 января 1990 г.

ИСАИЯ (Будюкин), игумен, в миру — Иаков Александрович (1885–1978). В 1908 г. поступил в Святогорскую Успенскую пустынь Харьковской епархии, отличавшуюся строгим афонским уставом. Во время I Мировой войны призван в действующую армию. В 1917 г. принял монашество в Тихоновом Лужском монастыре с наречением имени в честь пророка Исаии. Там же в 1919 г. рукоположен в иеродиакона, а в 1921 г. Священномучеником еп. Серафимом (Мещеряковым) в иеромонаха. С 1930 по 1940 г. служил в Ивановской епархии. Затем находился в трудовых лагерях для служителей культа. В 1946–1973 гг. со-

стоял штатным клириком Горьковской епархии. В 1973 г. вышел за штат и поселился в пос. Высоково рядом со Свято-Троицким кафедральным собором. Стяжал от Господа благодатные дары Святаго Духа – молитву, утешение, прозорливость. К нему стекалось множество людей за советом и помощью. Почил о Господе 7 апреля 1978 г. в праздник Благовещения.

ЛУКИН Евгений Павлович, протоиерей (1885–1967). Окончил СПбДА в 1909 г., кандидат богословия. 5 декабря 1909 рукоположен во диакона, а на следующий день во священника к церкви Воскресения Христова у Варшавского вокзала. До 1935 г. служит в храмах Ленинграда. В апреле 1935 г. выслан из Ленинграда. В 1944 г. служил в Знаменской церкви Борисоглебска. В 1945–1948 гг. — настоятель кафедрального Никольского собора Воронежа. С 24 мая 1948 г. — в причте Николо-Богоявленского собора Ленинграда, с 5 декабря 1948 г. по 23 февраля 1953 г. — его настоятель. До 1 августа 1952 г. — секретарь митрополита Григория (Чукова). С 23 февраля 1953 г. по 30 января 1962 г. — настоятель Князь-Владимирского собора. В 1951–1959 гг. и в 1961–1962 гг. — член Епархиального Совета, 30 января 1962 г. по болезни уволен за штат. Скончался в 21 апреля 1967 г. (Архив СПб епархии, личное дело; ЖМП. 1967. № 10. С.27.)

НИКОЛАЙ (Платонов), в миру — Николай Федорович Платонов, обновленческий митрополит Ленинградский (1889–1942). Окончил Петроградскую Духовную Академию (1914), кандидат богословия. С июля 1915 г. служит в Андреевском соборе на Васильевском острове, с апреля 1922 г. по январь 1938 г. — настоятель этого собора. В 1922 г. уклонился в обновленчество под давлением ГПУ и назначен благочинным III округа церквей г. Ленинграда. С 1925 по 1929 г. состоял профессором Ленинградского богословского института (обновленческого) по кафедре экзегетики Нового Завета. 8 сентября 1925 г. хиротонисан во епископа Охтинского, с 3 августа 1926 г. — архиепископ Гдовский, с 5 сентября 1934 г. — митрополит Ленинградский. 4 апреля 1938 г. освобожден от управления Ленинградской митрополией и исключен из списков обновленческого епископата. В 1939 г. написал статью в антирелигиозной прессе, оскорбляющую величие Божие. В том же году лишен сана и отлучен от церкви за выступления в печати на страницах газет «Известия» и др. и в журнале «Безбожник», в которых отрекался от Бога. В 1940–1941 гг. работал научным сотрудником музея «Истории религии и атеиз-

ма». Во время блокады принес покаяние и воссоединился с Православной Церковью в звании мирянина. Умер (от голода?) 5 марта 1942 г. в блокадном Ленинграде.

**ОГИЦКИЙ** Дмитрий Петрович, профессор МДА (+1996). Окончил Виленскую Духовную семинарию. Продолжал духовное образование в Варшаве. В 1936 г. принят в число преподавателей Виленской семинарии. В разное время преподавал в Жировицкой и Ставропольской духовных семинариях. С 1964 г. преподаёт в Московских Духовных Школах, где защитил магистерскую диссертацию на тему «Римско-Католическая Церковь». Получил звание профессора, заведовал аспирантурой. После ухода на пенсию проживал в Щучине. Скончался осенью 1996 г. (Воспоминания профессора МинДА Антоника // СТУПЕНИ. 2001. № 2 (3)).

**ОНИСИМ** (Фестинатов), в миру — Сергей Николаевич Фестинатов, архиепископ Владимирский и Суздальский (1890–1970). В 1910 г. окончил курс Владимирской духовной семинарии. 1 августа 1913 г. посвящен в сан диакона а 6 августа 1913 г. в пресвитера к Спасской церкви города Владимира. Проходит священническое служение в храмах Владимирской епархии. 25 августа 1944 г. пострижен в монашество Алексием (Симанским), митрополитом Ленинградским и Новгородским. 27 августа 1944 г. хиротонисан во епископа Владимирского и Суздальского. 25 февраля 1956 г. возведен в сан архиепископа. Ни в каких расколах не был. Скончался 31 октября 1970 г.

**ОСТАПОВ** Алексей Данилович, протоиерей (1930–1975). Известный церковно-общественный деятель, опытный педагог, большой знаток церковного искусства. В 1955 г. окончил МДА, и оставлен при ней профессорским стипендиатом. С 1958 г. секретарь Совета Академии и заведующий ЦАК. В 1960 г. рукоположен в иерея. Удостоен учёной степени магистра богословия и звания профессора. Скончался в 1975 г.

**ПИЙ** XI, папа римский в 1922–1939.

**РОМАН** (Танг), в миру — Роман Иоаннович, архиепископ Виленский и Литовский (1893–1963). В 1909 г. окончил Аренбургское городское училище и в 1916 г. — Московские общеобразовательные курсы. 7 марта 1931 г. рукоположен во диакона, а 8 марта — во священника к Иыхвицкой Православной Богоявленской церкви. Будучи целибатом, пострижен в монашество накануне наречения во епископа. 16 апреля 1950 г. хиротонисан

во епископа Таллинского, викария Ленинградской епархии. С 20 декабря 1955 г. — епископ Лужский, вик. Ленинградской епархии. С 23 июля 1956 г. — епископ Ивановский. С 9 декабря 1958 г. — епископ Курский и Белгородский. С 21 мая 1959 г. — архиепископ Виленский и Литовский. Скончался 18 июля 1963 г.

СИМЕОН (Холмогоров), в миру — Михил Михайлович, архимандрит. В 1903 г. окончил КДА. В 1905 г. назначен инспектором, а 4 ноября 1906 г. — Ректором Тамбовской семинарии. В апреле 1907 г. выстрелом семинариста был искалечен на всю жизнь — ему пулей перебило позвоночник. Согласно прошению 23 августа 1907 г. уволен от занимаемой должности. Зачислен в состав братии Седмиезерной Богородичной пустыни, где стал ближайшим помощником своего духовного отца — старца Гавриила (Зырянова). Арестован в 1934 г. Расстрелян в 1937 г.

ФЕОДОР (Яцковский/Яковцевский), архиепископ. 23 марта 1924 г. хиротонисан во еп. Устюжского, вик. Новгородской епархии; с 1926 г. на покое; с 1 марта 1929 г. — еп. Новоторжский, вик. Тверской епархии; с 3 апреля 1930 г. — еп. Олонецкий и Петрозаводский; с 9 июля 1934 г. — в сане архиепископа; с 30 ноября 1935 г. — архиеп. Псковский; 11 августа 1936 г. — 3 февраля 1937 г. архиеп. Владимирский.

ФЕОФАН (Виноградов), в миру — Василий (Виноградов), обновленческий митрополит Средне-Волжский (1886–1938). Окончил КДА со степенью кандидата богословия. Женат. Священствовал в г. Щегловске и других приходах Томской епархии. 15 декабря 1922 г. уклонился в обновленческий раскол и хиротонисан обновленческими епископами во еп. Щегловского, вик. Новосибирской епархии. Был участником 2-го обновленческого т. н. «Всероссийского поместного священного собора» 1923 г., на котором подписал постановление собора о лишении сана и монашества Свят. Патриарха Тихона. В 1923 г. возведен в сан архиепископа. С 1926 г. — архиеп. Псковский. С 1929 г. — архиеп. Ярославский. С 1933 г. митрополит Средне-Волжский (Куйбышевский). 6 октября 1937 г. уволен за штат. Арестован в 1937 г. Расстрелян в 1938 г. в Куйбышеве.

ФЕОФАН (Туляков), митрополит, в миру — Василий Степанович Туляков (1864–1937). В 1889 г. окончил СПбДА со степенью кандидата богословия. С 1909 г. — наместник Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры. С 31 мая 1916 г.

хиротонисан во епископа Кронштадтского, викария Петроградской епархии. 6 июля 1916 г. назначен на самостоятельную кафедру, с титулом Калужского и Боровского. 16 сентября 1927 г. назначен на Псковскую кафедру, с титулом Псковский и Порховский, с возведением в сан архиепископа. Здесь трудился до 1935 г. 12 ноября 1935 г. возведен в сан митрополита и назначен митрополитом Горьковским и Арзамасским. 25 июля 1937 г. арестован и подвергнут жестоким пыткам. 21 сентября 1937 г. Особой «тройкой» НКВД по Горьковской области за «активную контрреволюционную деятельность» приговорен к расстрелу. 4 октября того же года приговор приведен в исполнение.

**ФРУКТОВСКИЙ** Павел Павлович, протоиерей, (1878–1954). Окончил СПбДА (1912), кандидат богословия. Рукоположен во священника в 1910 г. В 1914–1935 гг. служил в Смоленской кладбищенской церкви Петрограда. В 1925 г. уклонился в обновленчество. В марте 1935 г. выслан из Ленинграда. Через год вернулся и в 1936–1946 гг. служил в Спасо-Преображенском соборе; с декабря 1941 г. — его настоятель. 8 января 1944 г. принес покаяние и принят в общение с Московской Патриархией. С 10 декабря 1945 г. служил в Николо-Богоявленском кафедральном соборе, в алтаре которого скончался.

## СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ .....	3
ВОСПОМИНАНИЯ О ЖИЗНИ	
ПРОТОИЕРЕЯ БОРИСА НИКОЛАЕВА .....	5
Портрет отца Бориса .....	5
Жизнь отца Бориса с его слов .....	9
Отец Борис, каким мы его знали .....	23
Школа духовной жизни .....	50
Отношение отца Бориса к богослужению .....	70
Отец Борис и духовные чада .....	73
Воспоминания духовных чад .....	76
НАСТАВЛЕНИЯ .....	104
АВТОБИОГРАФИЯ МИТРОФОРНОГО	
ПРОТОИЕРЕЯ БОРИСА НИКОЛАЕВА .....	123
ПРИЛОЖЕНИЯ .....	224
В дни после кончины спутницы жизни	
протоиерея Бориса матушки Марии. ....	224
Из переписки прот. Бориса по вопросу защиты	
магистерской диссертации .....	238
Поздравления .....	242
Книги, написанные протоиереем Борисом .....	246
УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН .....	247

## **ЗНАМЕННАЯ ЖИЗНЬ**

Ответственный редактор *священник Димитрий Комаров*

Литературный редактор *Н. В. Князева*

Художественный редактор *С. В. Богачев*

Технический редактор *В. У. Борисова*

Компьютерная верстка *Н. Г. Астаховой*

Обработка иллюстраций *О. Н. Черешнева*

Корректор *Е. Б. Барановская*

Подписано в печать 8.11.2007 г.

Формат 84×108/32. Печать офсетная.

Бумага офсетная. Гарнитура SchoolBookC. Печ. л. 8.

Тираж 10000 экз. С-165. Зак. №

ООО «АСТ-ПРЕСС ШКОЛА».

107078, Москва, ул. Новорязанская, д. 8а, корп. 3.

Отпечатано с готовых диапозитивов  
на ГУП ППП Типография «Наука» АИЦ РАН.  
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6.